

Из серии "Калинов мост"

КРЕЩЕНИЕ НОВГОРОДА

Автор - Сергей Пациашвили

Сергей Пациашвили
Крещение Новгорода

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пацашвили С.

Крещение Новгорода / С. Пацашвили — «ЛитРес: Самиздат», 2017

"Крещение Новгорода" - роман в четырёх частях, впервые публикуется целиком. На его страницах оживают такие исторические персонажи как князь Владимир, Добрыня, посадник Воробей, верховный волхв Соловей и прочие герои русских летописей. В одной Вселенной с ними уживаются такие персонажи как Василий Буслаев, Садко, Вольга, Костя Новоторожанин, Потамий Хромой, Михаил Потык, Никита Кожемяка, Микула Селянинович, а так же Кощей Бессмертный, баба яга, Соловей-разбойник, вампиры и колдуны. Выдержит ли вольный русский город Новгород все испытания, что готовит ему судьба, и сможет ли сохранить свою свободу в условиях меняющегося мира?

© Пацашвили С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1.	6
Глава 6.	37
Глава 7.	45
Глава 8.	52
Глава 10.	70
Глава 11.	78
Глава 12.	86
Глава 13.	94
Глава 14.	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Часть 1.

*Мы жизнь разгульную ведем,
Жизнь, полную веселья:
Мы ночью спим в лесу густом,
Нам бури, ветер нипочем,
Что ночь – то новоселье.
(Ф. Шиллер «Разбойники»).*

Глава 1.

Волховская школа.

– А кто такой Христос? – спрашивал как-то маленький Костя у своего отца – новгородского ремесленника Никиты Новоторжанина.

– Это, сын мой, ромейский бог, – отвечал отец, – жил тысячу лет тому назад в Римской Империи и был распят на кресте. А где ты про него услышал?

– Да волхвы в школе говорили. Они про многих богов нам сказывали, и про наших, и про иноземных. Но Род, говорят, самый истинный.

– Воистину так. Слушай наших волхвов, учись, набирайся уму-разуму в училище, не пей вина, не води дружбу с мальчишками из Людина конца, и когда вырастешь, добьёшься ещё большего успеха, чем добился я.

В великом и молодом посаде Новгороде тогда было три конца: Славенский, Неревский и Людин конец. На правом берегу реки Волхов находились Людин и Неревский концы, а на левом – Славенский. Издревле в Неревском конце селилась нерва, в славенском – славене, а Людинском – люди. Позже всё перемешалось и перепуталось. Нерва была племенем угро-финским, в других городах Русской Державы жили родственные нерве угры, мурома, меря, именуемая так же чудью. Славене были племенем славянским, в державе русов родственные полянам, древлянам, северянами и пр. Люди были толпой без роду и племени, чужаки и приезжие, либо изгнанники из других концов. Славенский конец находился на торговой стороне, Людин конец всегда был его тенью. В Славенском конце торговали по закону, здесь в ходу были гривна и резана, в Людином конце скупали и сбывали краденное, жили ростовщики, торговали рублями и мехами. Но ни один из этих концов Новгорода не мог жить без второго, поскольку ради наживы нередко приходилось нарушать закон, а ради приличий приходилось закон соблюдать. Лишь самые богатые купцы могли позволить себе не иметь дело с людинами. В каждом конце Новгорода было своё вече, и многие роды из этих двух концов вели друг против друга кровную вражду.

Неревский конец всегда примирял между собой эти два враждебных конца, и именно в этом конце Новгорода жил Никита Новоторжанин вместе со своей семьёй. Из всех сыновей самые большие надежды подавал Костя. С детства у него появилась любовь к книгам, и отец решил отдать его в школу, что стоило ему немалых денег. Школа находилась в Славенском конце, в основном здесь учились дети бояр и богатых купцов – элита города. Обучали детей волхвы – чародеи, достигшие мастерства в целительстве и в воспитании, поклонявшиеся древним богам и духам предков. Среди них главным был верховный волхв – Родим – старец с длинной белой бородой и большой родинкой на щеке. Когда он появлялся в училище, все дети замирали перед ним, а все волхвы склоняли головы. Волхвы обучали грамоте и счёту, а сверх того и врачеванию. Купеческие дети учились лучше, боярские дети напротив, совсем не хотели учиться и даже не понимали, зачем это нужно. По обычаю их главным ремеслом была война, и дружинники должны были проводить дни и годы за тренировками, чтобы потом долгие годы проводить в войнах. Именно поэтому Костя Новоторжанин быстро стал одним из лучших учеников в школе. И потому всех удивляло, как он смог подружиться с двумя боярскими детьми – Васькой Буслаевым и Святославом Вольгой. Василий был полной противоположностью Кости – непоседливым избалованным мальчишкой, одержимым войной. Святослав не отставал, хоть к наукам тоже стремился. Во всех выходках Василий всегда был заводилой, Святослав часто следовал за ним вместе с остальными боярскими детьми, мечтавшими о свободе. И всё же, юному Вольге, видимо, однажды надоело постоянно получать по заду розгами от своего отца за нерадивость, и он сблизился с отличником Костей.

– Василий всё мечтает попасть в дружину к князю Владимиру, – говорил Святослав, – силища у него воистину большая.

– А ты не хочешь в дружину? – спрашивал Костя.

– Наш князь Владимир далеко, он ушёл воевать против Киева и не известно, вернётся ли. Даже если он победит, он станет князем киевским, и мы здесь в Новгороде станем ему не нужны. Самые сильные, как Василий, возможно, попадут к нему в Киев, а мне нужно здесь устраиваться, изучать грамоту.

– А почему у него такое странно имя? – спрашивал Костя у своего боярского друга.

– Греческое, – отвечал Святослав, – отец его – Буслай намудрил. А может и мать – купеческая дочь.

Действительно, среди купцов тогда в Новгороде пошла мода на такие имена. Купцы много привезли всяких вещей из Ромейской Державы, много рассказывали про её великую столицу – Царьград, про странную веру ромеев, про распятого Бога и помазанника его – цареградского василевса и императора. Поэтому Василий получил от матери такое же греческое имя, в то время как Святослав имел традиционное – славенское.

И вот Костя начал помогать Святославу, а затем и непоседливому Василию. Читал за них книги и потом рассказывал про написанное. А друзья потом с его слов передавали содержание книг волхвам. За эту услугу Костя получал не просто дружбу боярских детей, но и нечто более важное – их защиту. Дело в том, что Костин дом находился на другом берегу, в Неревском конце, там же, где находился Людин конец. Отец его – Никита Новоторжанин был богатым торговцем из Людина конца, никому не известного происхождения, который потом переехал в Неревский конец. Поговаривали, что Никита был либо еврей, либо хазарин, в любом случае, вера у него была не такая, как у всех. Его единоверцы поддерживали его и жили единой общиной на границе Неревского конца. Каждый день Костя переходил через Волхов мост в Славенский конец, видел богатых бояр и купцов, разъезжающих верхом на знатных конях, видел могучие бревенчатые строения, расписанные с невероятным мастерством. Прежде Новгород назывался Славенском, эта часть города была, по сути, всем городом. Людин и Неревский концы же были лишь пригородами по ту сторону реки. Когда Костя возвращался домой со школы, то всегда наталкивался на мальчишек из Людина конца. Поначалу дети охотников, воров, разбойников его не трогали, лишь пытались заговорить, чисто из любопытства. Но Костя хорошо помнил заветы своего отца: не водить дружбу с мальчишками из Людина конца, и старался их игнорировать. Это, видимо, злило людинских детей, и они стали набрасываться на одинокого беззащитного мальчишку, поднимали на смех, отбирали деньги, если находили, рвали берестяные свитки, выливали в реку чернила. Так случалось несколько раз, пока однажды вместе с Костей не пришли Василий и Святослав с прочими своими товарищами. Оба товарища были крепки телом, оба натренированы. Они перебили всех хулиганов Людина конца и обратили их в бегство, а после этого следующие пару дней провожали товарища до дома. На второй день никто на них не напал, на третий появилась толпа в три раза больше них числом и перебила всех друзей Кости. Но прирождённых воинов это не заставило сдаться. Пошли они с Костей и на следующий день, ещё большим числом, и на этот раз встретили толпу людинских мальчишек лишь взглядом, а те грозными взглядами проводили их. Так длилось ещё несколько дней подряд, затем толпа стала уменьшаться, и когда людинские хулиганы совсем потеряли интерес к славенским гостям, тогда Костя и стал ходить снова один, теперь уже совершенно спокойно. Но однажды путь ему снова преградил один людинский мальчишка. Он с виду был не похож на других детей из Людина конца: красивый, светловолосый, худощав, но не по возрасту высок. При желании с ним можно было справиться, и Костя сжал кулаки.

– Оставь это, – усмехнулся людинский мальчишка, – я не хочу с тобой драться.

– Чего же тебе нужно? – оттолкнул его плечом Костя и продолжил путь.

– Моё имя – Садко, – проговорил тот, догоняя школьника, – я видел каракули, что нарисованы у тебя на бересте. Что они значат?

– Это лишь буквы, слова, предложения. Они могут значить, что угодно, зависит от того, что ты хочешь сказать.

– Интересно, а зачем тебе этому учиться?

– Отец говорит, что это нужно, чтобы вести хороший торг.

– Вот как? А что сам тебя не научит? Времени нет? А меня сможешь научить?

– А зачем тебе? – удивлённо взглянул Костя на Садка. Гордо смотрящий мальчишка в грязной измятой рубахе, которая явна была ему велика и сползала аш до колен.

– Торговать буду, богатым стану, – отвечал Садко, – вот, возьми.

Людинский мальчишка задрал рубаху, запустил руку в складку широких штанов и достал небольшой кожаный мешочек.

– Твои гривны. Я у брата старшего стащил, у Щегла, а он украл их у тебя. Щегол их спрятал, чтобы отец не отобрал, а я проследил, где он их спрятал.

– О, слава богам, – обрадовался Костя, забирая монеты.

– Я тебя больше в обиду не дам, – говорил Садко, – от собак буду защищать, да от наших, ты только научи меня этим каракулям. Кстати, а как этих двоих здоровяков зовут?

– Василий и Святослав, – отвечал Костя, – самый крепкий – это Василий.

– А они мощные, не всякий сможет с Щеглом справиться, а Васька справился. А сколько этому Ваське лет?

– 12.

– Ой ли? А моему брату – 14. Я, правда, тоже как-то его заборол, давно уже. Он не такой сильный был тогда, но уже злой. В тот же день с толпой друзей меня избил от души, у меня ухо потом весь день свистело и потом ещё неделю болело.

Садко и Костя Новоторжанин очень быстро подружились. Людинский мальчишка как мог учился и действительно защищал своего нового товарища. Садко был сыном людинского торговца-варяга – Зигмунда, бывалого моряка и воина. Так случилось, что часть воинов-варягов в Новгороде вошли в дружину и пользовались большим почётом. Прочие же остались наёмниками, и поселились в Людином конце. Многие здесь занялись торговлей и за короткий срок стали наводить в конце свой порядок, подчиняя и сметая всех, кто вставал у них на пути. Садко плохо помнил своего отца, но помнил, что жили они очень богато. Долго такое продолжаться не могло, и однажды местные мужики устроили людинским варягам жестокую и подлую расправу. В честном бою они не могли одолеть немногочисленных викингов, ночью же перерезали почти всех. Зигмунд храбро сражался и ранил двоих врагов, но их было слишком много, и уже израненному и обессилевшему викингу залили в горло расплавленную медь. Нападавшие поделили имущество торговца между собой. Кому достались рубли, кому – изба, а разбойнику по прозвищу – Волрог, раненному Зигмундом, досталась его жена. Вместе с женой он получил и её малого сына, которому теперь должен был стать отцом. У Волрога уже была жена и много сыновей и дочерей от неё. Люба – женщина Зигмунда, стала его второй, а после смерти первой, единственной женой. Детей с новой женой Волрог не нажил, объясняя это тем, что он и Люба были слишком из разных племён. Садка отчим не любил. Мальчишка рос не в викингов плутоватым, отвагой порой напоминал собой отца, в работе же от него было мало толку. Правда, Садко всем нравился своей находчивостью и невероятным артистизмом, имел хороший певчий голос и слух. Сводные братья быстро полюбили Садка, насколько их сердца вообще позволяли им любить. Но мальчик помнил ещё своего отца-варяга, помнил, как тот говорил с людьми, как вёл торг, как записывал что-то чернилами на бересте, совсем как на свитках Кости. Зигмунд владел грамотой и счётом, значит, и Садко должен был ими владеть. Ещё в самом юном возрасте он решил для себя, что когда вырастет, станет богат, как отец, только умнее и сможет выжить. Хитростью и неслыханной дерзостью Садко уже в раннем воз-

расте научился получать, что хотел, и тем ещё больше напоминал Волрогу пресловутого Зигмунда, за что не редко был битым.

И всё же теперь сын Зигмунда вопреки всем взялся постигать грамоту и счёт, хоть наука эта давалась ему очень тяжело, а времени на занятия почти не было. Но летом легко было отлынивать от домашней работы, когда ребяшня большую часть времени проводила на улице. Случалось, что они не появлялись дома даже не обед, а питались плодами с деревьев, отстреливали из луков дикую птицу или ловили рыбу. Здесь же, на улице они разводили костёр и готовили себе пищу. В этом людинские мальчишки имели гораздо больше свободы, чем их аристократические сверстники. Садко большую часть лета провёл на улице, и лишь когда с братом украл коня, отец побил их и запер по замок. Но через три дня они смогли сбежать и ещё несколько дней не появлялись дома. Спали они под открытым небом, слушая приятный хруст веток в костре, прерывистый гул сов и протяжный писк летучих мышей. Вскоре Садко и нового друга – Костю затащил в эту лихую жизнь. Поначалу Костя боялся, но потом настолько одичал, что как только покидал Славенский конец, тут же снимал обувь и дальше шёл босиком. Любил он ночью купаться в реке, когда вода была теплее, чем днём, и так не хотелось выходить на берег. Можно было нырнуть и исчезнуть для целого мира, погрузиться в приятный мрак. А наутро снова с товарищами искать себе пропитание, лазать по деревьям, царапая ветками до крови кожу, удить рыбу, охотиться, красть что-нибудь мелкое, мириться и ссориться, ездить верхом и дышать, дышать полной грудью.

Мальчишки из Славенского конца позволить себе такой жизни не могли, достаточно было лишь одному из них пропасть из дому, как поднималась тревога, вскакивала вся младшая дружина князя и принималась искать пропавшего. Лишь когда дети аристократии выросли в юношей, они начинали позволять себе то, чего не позволял себе никто. Теперь не нужно было проводить время за учением, можно было верхом разъезжать в любой конец города, брать всё самое лучшее и ничего не отдавать взамен или отдавать, но лишь для того, чтобы похвастаться перед товарищами своей щедростью. И так могло длиться довольно долго, пока какая-нибудь война не взывала к их долгу, и тогда не было в Новгороде более отважных и доблестных воинов. Но всё это ждало школьников впереди, когда закончатся долгие годы обучения, а жить-то хотелось сейчас, и потому летом боярские дети чаще всего отлынивали от посещения училища. Бывало, даже Костя следовал их примеру.

Однажды, после очередной ночёвки под открытым небом он чуть не забыл, что следующий день – учебный. Спешно Костя прибежал домой, выслушал упрёки матери, собрался и почти бегом пошёл в Славенский конец. Здесь же уже вовсю началась потеха. Васька со Святославом затеяли новое развлечение – соорудили летающего воздушного змея, и каждый хотел этим змеем хоть немного поуправлять. Но просто так мальчишки ничего никому не давали, и получали от кого калач, от кого – наливное яблоко в качестве платы. Но с Кости никто и не думал взывать платы. Ему дали змея даром, вне очереди.

– Хорошая вещь, – говорил меж тем Василий, – вот если бы такой змей мог бы воина поднять от земли, цены бы ему не было.

– Зачем же ему поднимать воина? – скептически возражал Святослав, – чтобы он упал, разбился насмерть или сломал себе чего?

– Да с помощью такого змея любое войско врага можно увидеть, как на ладони. Можно увидеть, сколько там человек, как расположены и где. И без труда потом всех перебить.

– Нашему князю не нужна такая ерунда, чтобы всех побеждать.

– Наш князь уже почитай полгода в Новгороде не появляется. Как взял Киев, так там и остался, а про нас и думать забыл.

– Ничего, вернётся наш князь. По что ему этот Киев? Там все чужие, а здесь его родная земля, здесь все его знают.

– Волхвы идут! – прокричал Никита – младший брат Васьки.

– Бежим! – скомандовал Василий.

Костя вынужден был оставить летающего змея и побежать вместе с товарищами. Двое волхвов, не застав своих учеников на лавках, принялись их искать и нашли на заднем дворе училища. Теперь мальчишкам было не избежать наказания: их наказали бы либо учителя, либо отцы. Они сочли, что лучше потом получить от своих отцов и бросились врассыпную.

– Встречаемся у моста! – послышался лишь голос Святослава.

– Стоять, леший вас побери! – кричали далеко позади волхвы. Но вскоре их ученики затерялись уже меж домов на новгородских улицах. Костя один из первых прибыл к Волхову мосту, затем стали появляться и другие, прибежали и заводили – Василий и Святослав, которые успели уже где-то стащить петуха. Птица неистово била крыльями, пытаясь вырваться, но часы её были уже сочтены. Мальчишки забрались под мост и принялись разводиться костёр. Здесь, на небольшом клочке земли возле толстых деревянных свай под мостом уже была насыпана целая горсть золы, что говорило о том, что здесь часто устраивали посиделки. Место тут было укромное, из Славенского конца их было почти не видно, зато из Людина и Неревского концов их мог увидеть каждый. И вскоре, не успели они развести огонь, их действительно увидела горстка мальчишек и направилась к ним. Боярские дети насторожились, даже петух перестал кудахтать и притаился. Доски на мосту заходили ходуном в тех местах, где проходили незваные гости. Они приближались. Вот уже стало слышно, как сыплется земля с горки – они спускались. И вот рядом возникла группа мальчишек, вместе с которыми Костя ночевал сегодня на берегу реки. Садко совсем босый и по пояс голый держал за жабры огромную метровую щуку, которая иногда ещё била хвостом, намереваясь вырваться на свободу.

– Костя, айда с нами, смотри, какое чудище мы поймали, – вымолвил Садко, – можно весь город накормить.

– У нас уже есть добыча, – кивнул Василий на петуха, нахмурившись.

– Да это разве добыча? Натё, угощайтесь, славенские дети, здесь на всех хватит.

С этими словами Садко бросил рыбу на землю. Щука вильнула хвостом и дала им смачную оплеуху одному из мальчишек, который от неожиданности даже упал на спину. Рыба рванула к воде, но боярские дети схватили её, не давая ей убежать. В этой суতোлке петух снова забил крыльями и на этот раз смог-таки вырваться на свободу. Забравшись на мост, он воинственно прокукарекал гимн своей свободе и направился домой.

– Чёрт бы вас побрал, – выругался Святослав.

– Придётся теперь вашу щуку есть, – смирился с судьбой Василий.

И вскоре они принялись готовить себе пищу. Общая трапеза быстро подружила их. Детьми они ещё не знали, что такая дружба между сословиями является для них запретной. Но Костя был рад, что его друзья из разных концов города, как Садко, Василий Буслаев и Святослав Вольга сейчас находятся вместе и не ссорятся друг с другом. Тогда ему хотелось верить, что они на долгие годы станут крепкими друзьями, и дружба их будет сильнее любых преград и любых запретов. Что ж, иногда и несбыточные мечты могут сбываться.

– А теперь купаться! – снова произнёс Василий, и все мальчишки как по команде разделись и бросились в реку. Плавали они долго, некоторые даже начали дрожать и покрылись гусиной кожей, у других кожа на пальцах сморщилась, как у стариков. Но близился вечер, нужно было расходиться по домам. Расстались они друзьями. Костя и Садко ушли на другой берег, Василий и Святослав остались на этом и пошли домой. Они с тревожным трепетом представляли, что их ожидает дома от их отцов, как вдруг один из мальчишек не на шутку расплакался.

– Ну чего ты, Макар? – приобнял его за плечи Святослав.

– Князь-то к нам не вернётся. Бросил нас, не нужны мы ему. Как же Новгород теперь будет без князя-то?

– Вернётся князь, никуда не денется, – успокаивали его боярские дети, – не может Новгород жить без князя, а князь без Новгорода, что дерево без корней.

Все понимали Макара, ведь его отец вместе с князем Владимиром пошёл войной на Полоцк и Киев, и не известно было даже, жив ли он. Известно было, что князь новгородский победил и взял Киев, он стал могущественнее, чем любой из князей Новгорода до него, но какое дело до этого было мальчику, который ждал с войны своего отца?

Глава 2.

Перун.

В тот год князь Владимир так и не вернулся в Новгород, а вместо него с княжеской грамотой на пергаменте приехал боярин Добрыня. В грамоте было написано повеление князя, которое смутило многих гордых бояр. С одной стороны, Владимир требовал от бояр назначить посадником Новгорода Добрыню, который даже не был родовитым новгородцем. Старый Добрыня происходил из рода древлянского, более того, приходился сыном бывшему мятежному древлянскому вождю Малу. В Киев Добрыня вместе со своей сестрой попал как заложник после поражения восстания древлян. Долгие годы он как раб служил отцу Владимира – покойному князю Святославу, при нём и стал дружинником. Улучшилось и положение его сестры – Малки, причём улучшилось так, что она стала новой женой князя Святослава и родила ему сына – Владимира. Тем самым род древлянский породнился с ненавистным им варяжским родом Рюрика. Так, Добрыня приходился князю Владимиру родным дядькой, а, значит, по обычаю мог замещать князя на посту. Но Добрыню никогда не любили в вольном городе Новгороде. Бояре привыкли сами выбирать себе князей, посадников, тысяцких, а если нужно, и воевод. Одних назначала боярская дума, других из боярских родов выбирало новгородское вече из Славенского конца. Когда-то Владимира так же избрали князем, больше от страха перед его братьями и войском его отца, но потом полюбили, как родного. Чего нельзя было сказать про Добрыню. Древляне не любили викингов, а викинги не любили за это древлян. А многие боярские роды в Новгороде были связаны с викингами. Иные же, как варяг Сигурд и вовсе стали боярами при Владимире.

Но даже не это смутило новгородских бояр, сколько другая часть послания, писанного на пергаменте и заверенного великокняжеской печатью. Говорилось там, что князь Владимир установил в Киеве новую веру, заключив союз с четырьмя чародейскими кланами: кланом Вепря, кланом Сокола, кланом Быка и кланом Змея. Эти чародеи называли себя колдунами, потому как использовали самые тёмные и боевые чары, а потому наводили страх на все славянские земли. И теперь они объединились и стали друзьями князя. Верховным же богом признавали бога Перуна – бога войны, который теперь стал ещё и богом молнии.

– Во владениях князя и когана Владимира везде должна быть одна вера, – говорил Добрыня на собрании боярской думы, – а иначе враги наши нас сломят. Нельзя нам сейчас давать слабину, враги сильны и их много.

– А ежели кто не захочет чужой веры принимать? – вопрошали дружинники, – как с теми быть?

– Тех мы раздавим, – отрезал Добрыня.

Такие слова встревожили знатных людей.

– Нельзя так, Добрыня, – выступил старый боярин Дамир, – у нас столько разного народу живёт, и все разным богам поклоняются. Купцы, земщина, служилые, люди вообще чёрт пойми кого чтут. Как ты всё это приведёшь к единству?

– С вашей помощью приведём, – спокойно продолжал Добрыня, – если назначите меня посадником и поддержите своим оружием.

– Нет, Добрыня, не поддержим, – возражал Дамир, – у нас, у знати, другая вера испокон веков. Мы чтим Рода, Дажьбога, Макошь, Стрибога. Варяги чтут Тора. Так у нас заведено.

– Напрасно вы мне противитесь, – начинал гневаться Добрыня, отчего скулы его напряглись, а ноздри расширились, голос же стал ещё громче, – со мной князь послал немалое вой-

ско, а так же клан Змея, который возглавляет известный вам вождь Усыня. Вы сами знаете, как колдуны не любят вашу волховскую веру. Только дай им волю, весь город в крови утопят.

– Крови хочешь, древлянский недобиток? – злобно прокричал Дамир и бросил на пол шапку, глядя прямо в глаза Добрыне. Далеко не каждый выдерживал его гневного взгляда, а сейчас взгляд Добрыни пылал гневом, лицо залилось краской, и в конце концов он поднялся на ноги и хотел уже наброситься на боярина. Но сразу несколько рук обхватили Добрыню, а ещё с десятков рук сдержали Дамира. Очередной раз бояре порадовались, что старинным обычаем было положено оставлять оружие в прихожей и в думе выступать без него. Иначе сей же час началась бы страшная сеча.

– Я здесь выступаю не от своего имени, – кричал Добрыня, чтобы перекричать поднявшийся в избе шум, – и не от имени древлянской знати, а от имени вашего князя, избранного вами, и который по вашему согласию и с вашей помощью взял Полоцк и Киев. За ним правда, и вы это знаете. Мы не смеем идти против этой правды. К своим врагам великий князь беспощаден, а со своими друзьями он щедр и ласков. Решайте сами, кем вы хотите ему быть: друзьями или врагами.

И с этими словами он вырвался из рук держащих его дружинников и вышел вон из избы. А бояре крепко призадумались. В глубине души все они понимали, что Добрыня прав, за князем Владимиром была великая правда, и именно эта правда привела его на киевский стол. Правда эта была довольна проста – месть за убитого отца. Когда отец Владимира, князь Святослав возвращался из похода против ромеев, войско его задержалось на днепровских порогах. Именно здесь им и бросили вызов печенеги. Отступать было поздно, а терять богатую добычу князь не хотел. Ведь это были не просто награбленные предметы, это было свидетельство его победы над самой Римской Империей. И вот Святослав отправил своего дружинника – Свенельда с добычей в Киев, а сам остался ждать врагов. Свенельд уговаривал Святослава, что тому стоит уйти вместе с ним, что никакая добыча не стоит его смерти от рук проклятых кочевников. Но Святослав стоял на своём. Он ещё надеялся увести печенегов подальше в степь и вырваться от них живым. Святослав знал, что печенегов числом больше, но полагался на свой талант полководца, забыв про свой возраст.

– Если же я не вернусь, – молвил тогда Святослав Свенельду, – им же хуже, мои сыновья тогда придут и отомстят за меня.

Так и случилось, печенеги поступили бесчестно, большим числом уничтожили малое войско и погубили князя. Из черепа Святослава вождь печенегов сделал себе чашу, из которой пил вино. В тот же год три сына Святослава: Ярополк, Олег и Владимир встретились в Киеве и поклялись перед богами и дружиной, что отомстят печенегам. Князем киевским стал старший сын – Ярополк. Значит, большая часть груза мести ложилась на его плечи. Но Ярополк не спешил выполнять данную клятву, и тогда другой сын Святослава – Олег, заспорил со страшным братом, призывая его в поход на печенегов, и когда тот отказался идти в поход, сам стал собирать войско, чтобы идти без него. В результате ссоры между братьями Олег был убит, а Ярополк захватил земли обоих своих братьев, в том числе и Новгород – вотчину младшего Владимира. Костя Новоторжанин был тогда совсем ещё ребёнком, но он прекрасно помнил, какие были настроения в Новгороде. Все говорили, что правда была за Владимиром, поскольку Ярополк нарушил клятву перед богами и дружиной, предал память своего отца. Именно поэтому Владимир вскоре вернулся в Новгород с дружиной викингов и захватил город. Новгородцы сами радостно встречали молодого князя, за которым была правда. Многие князья тогда шли за князя Владимира, включая черниговского князя Всеволода, поскольку чувствовали за ним правду. Но полоцкий князь Рогволод отказался занять сторону Владимира. И тогда Владимир разорил Полоцк, а теперь захватил и Киев. Вероломный Ярополк был убит, и клятву мести стал нести на себе Владимир. Пришло время мести печенегам, пришло время правды. Именно для этого князь Владимир теперь сделал верховным богом Перуна – бога войны. Это говорило

лишь об одном: вскоре начнётся великая война, и она не закончится, пока не будет уничтожена последняя орда печенегов. Колдуны, князья, народ поддерживали князя в этой войне, все шли за его правдой. Но новгородская дружина боялась, что, идя за правду, потеряет свободу, а Новгород потеряет славу вольного города. Новгородские бояре по природе своей были очень горды и не хотели терпеть своё зависимое, подчинённое положение. Боярин Дамир считался одним из самых родовитых и старых в новгородской дружине, и теперь он выступил резко против Добрыни. Дружинник лично навещался в гости к знатым людям, и убеждал их так же не подчиняться и стоять на своём. Навещался он в гости и к дружиннику Буслаю – отцу Василия, и был встречен радушно и приветливо. Старший и единственный законный сын Буслая – Василий, спрятался в укромном месте, откуда ничего не видел, но хорошо слышал, о чём говорится в гостиной.

На следующий день после этого визита Дамира боярские дети, а вместе с ними и Костя Новоторжанин снова собрались в волховской школе. Настроения у всех были печальные, волхвы не скрывали своей тревоги и открыто высказывались против веры Перуна и религиозной реформы князя Владимира.

– Что же теперь будет? – беспокоился Костя, – неужели наше училище закроют.

– Может и закроют, – молвил Святослав Вольга, – тебе-то какая печаль? Грамоте и счёту ты уже выучился, а боярские мудрости тебе учить ни к чему.

Но вскоре все мальчишки замолчали, поскольку заговорил Василий Буслаев и повёл речь о вчерашнем визите Дамира.

– Дамир так и говорит отцу: «Плохи наши дела, Буслаюшка. Я знаю, что князь Владимир наделил тебя немалыми землями, но этому городу ты обязан большим, здесь ты вырос, здесь росли твой отец и дед, и все поклонялись одним богам. А теперь нас хотят заставить верить в чужих, жестоких богов. Хотят заставить поклоняться Перуну». А отец мой Буслай отвечал ему, мол, говорят, сам великий князь Святослав отдавал почести Перуну, что это бог воинов, и он дарует удачу на поле брани.

«Святослав на нашей земле не жил, – возражал ему Дамир, – он всегда воевал на чужой земле, а правила его мать и дружина, которые верили совсем в других богов. Правила мудро, чужих богов никому не навязывали. И Ярополк – сын Святослава, чтит родных богов».

«Ярополк – клятвопреступник, – резко оборвал его отец, – он отказался от мести за отца, и за это поплатился. За нашим князем правда. Вспомни, Дамир, как мы сами на руках несли его в этот поход на Киев. Владимир держит своё слово, именно поэтому он выбрал своим богом Перуна – бога войны». Но Дамир был непреклонен и строгим голосом спросил отца:

«Уж не отрёкся ли и ты, Буслаюшка, от родной веры?» А отец так отвечал ему: «Я всегда был и буду верен своим богам, я не змея, своей шкуры не меняю. И коли уж надел одну шкуру, то всю жизнь в ней ходить буду, пока не помру. Но если ты, Дамир, хочешь воевать против Владимира и против правды, нам с тобой не по пути». Здесь мне показалось, что Дамир уступил отцу и заговорил несколько иначе, мол, я не собираюсь воевать против Владимира, что ты Буслай. Я лишь хочу напомнить ему о том, что Новгород – это вольный город, и с нами нельзя так грубо обращаться. Я хочу воевать против Добрыни, если угодно.

«Можно и по-другому, – возражал ему отец, – Почему мы должны напоминать князю о своей свободе сейчас, когда он одержим своей клятвой, когда за ним правда и все князья? Можно напомнить ему позже, когда он осуществит свою месть печенегам».

«Позже? – прокричал Дамир. – А до той поры мы должны терпеть этого выскочку Добрыню, бывшего холопа? Нет, Буслай, ты как знаешь, а я его терпеть не буду».

Дамир был полон решимости, и я, признаюсь, подслушивая их разговор даже почувствовал, как сердце моё сжалось от напряжения. Казалось, воздух в комнате стал густым как студень.

– Так что же, получается, Дамир замыслил восстание? – спрашивал Вольга, – так что, Вася, решил твой отец?

– Я не знаю, но я уверен, он рассудит всё по правде.

– Ох, что же теперь будет, братцы? – испуганно спрашивал Костя у своих боярских друзей, – неужели конец наступит миру в Новгороде?

Но никто ему не отвечал, головы боярских детей были заняты более сложной задачей. Они задавались вопросом о том, что задумал Дамир и о том, как поступят их отцу и какую займут сторону в грядущем конфликте. Дамир приходился родственником Буслаю, их роды недавно породнились, хоть род Буслая и не так давно стал знатным. Его дед всю жизнь был простым кузнецом, но мастерством своим превосходил всех других. Однажды он выковал меч для самого князя. Затем князь ушёл на войну с хазарами. Сталь тогда была плохого качества, и многие переломали свои мечи и так и погибли на поле боя. Но меч князя не сломался, более того, сломал меч врага, собиравшегося его убить. В благодарность за спасённую жизнь князь определил кузнеца в дружинники и пожаловал ему землю. Кузнец быстро, пока князь не передумал, поспешил породниться с другими знатными родами. Так, отдал свою дочь замуж за Дамира, она стала его третьей женой, женил отца Буслая на девушке из знатного рода. У Буслая было много братьев и сестёр, но сёстры вышли замуж, а братья все ушли на войну вместе с князем, оставив Буслая за старшего в роду. И вот теперь на нём лежала тяжкая ноша и ответственность за весь свой род. Тяжкая дума одолела Буслая и не давала ему покоя. На следующий день он отправился за советом к волхвам. Местные чародеи традиционно были врагами колдунов и потому заняли сторону Дамира. Редко между волхвами из разных родов наблюдалось такое единодушие, как сейчас, в борьбе против новых обычаев. Верховный жрец Рода волхв Родим был готов идти на смерть за своего бога. Буслай пуще прежнего расстроился, понимая, какой раздор ожидает в ближайшее время Новгород.

Тем не менее, новых идолов поставили на капище, причём намеренно в пятницу – торговый день, когда большинство людей ушли на торжище. Старых идолов не убрали, и потому поначалу никто не почувствовал произошедшей перемены. Но за внешним дневным спокойствием горожан скрывалось волнение готовящегося мятежа. Скандинавские и русские бояре в заговоре не участвовали, как и многие бояре из других племён, все они единодушно приняли новую веру. Но при этом они сохранили за собой право поклоняться и своим богам. Старые капища в Новгороде никто не сносил, и всё же большое капище на центральной площади не давало покоя Добрыне. Всё яснее становилось для него, что народ не хочет исполнять волю князя Владимира и выступает против реформы. Это могло означать лишь одно – на предстоящих выборах новгородцы могли выбрать себе совсем другого посадника. А там и до восстания против Киева не далеко. Новгородцы были народом вольным и далеко не робким. И в конце концов Добрыня принял решение и навлёк на себя большую опасность. В один из пасмурных осенних дней огромная процессия двинулась от дома Добрыни к соборной площади, многие ехали на повозках, запряжённых лошадьми. Народ, надо сказать, уже сразу нутром почуял, куда движется толпа и под руководством волхвов двинулся на площадь к главному капищу. Затем стали подтягиваться и знатные люди, кто верхом, а кто пешие, иные даже в кольчугах с щитами и копьями, готовые хоть сейчас ринуться в бой. Сражаться, сидя на коне, было не удобно, но сверху было всё прекрасно видно. Так, Дамир разглядел в толпе пешего Буслая, тот был без оружия, но, если присмотреться, можно было увидеть под рубахой кольчугу. Значит, он ещё не знает, зачем пришёл, просто посмотреть или сражаться за своих родных богов. Было и много других именитых горожан, из самых разных племён. Когда народ начал окружать площадь, вся процессия во главе с Добрыней была уже там. Идолов старых богов они перемещали, чтобы освободить место для бога войны, некоторые из них при этом падали в грязь, и, извлекая в грязи кумиров, рабочие ставили их на новое место. И в конце концов на холме осталось лишь несколько чистых идолов, среди которых возвышался суровый лик Перуна. Грозный бог

не добрым властным взглядом смотрел на толпу, и от этого взгляда многим становилось не по себе.

– Ой, да что же это делается! – закричали в слёзы женщины, а затем сотрясли рыданиями всю площадь. Народ начал роптать и тесниться, но люди Добрыни стояли плечом к плечу в круг, сомкнув щиты и выставив вперёд копыя. Никто не прошёл бы через эту стену. Будто специально, не спеша, дружинники в стороне от капища стали разводить костёр, в котором, очевидно, должны были сгореть жертвы новому богу. Добрыня ухмылялся и лишь изредка встречался взглядом с Дамиром. Решится ли старый боярин поднять мятеж против великокняжеской власти? Кончилось время, когда Дамир мог, не снимая шапки, в княжеских палатах перечить самому князю. Теперь наступило иное время, княжеская власть в Новгороде усиливалась, власть бояр ослабевала. Где-то позади толпы собралась группа городских мальчишек. Среди них были и Садко, и Василий Буслаев, пока ещё никому не известные, совсем юные, но уже тогда лидеры и любимцы сверстников. И всё же, в Славенском конце они не подавали виду, будто они были приятелями, для боярских детей это было стыдно. Василий, пользуясь своей силой, помогал знатым товарищам забраться на крышу ближайшего дома, откуда всё было прекрасно видно. Мальчишки из Людина конца так же просили им подсобить, но получали лишь отказ и насмешки от детей знати. Костя Новоторжанин теперь был в компании людинских мальчишек, в какой-то момент Садко схватил его за рукав, и на какое-то время оба исчезли из виду, а спустя какое-то время появились с украденной с большим риском лестницей. И вот вскоре все мальчишки расселись на соломенных крышах, словно птицы на ветках, и, не отрываясь, глазели на происходящее.

– А Дамир-то мешкает что-то, – проговорил Васька.

– А ты бы на его месте не мешкал бы? – спросил Святослав, – правильно, не гоже поперёк княжеской власти лезть.

– Эка ты князя нашего полюбил, – говорил Василий, – может, ты в дружину к робичичу захотел?

Эти речи были очень смелые, даже безрассудные, и услышь их Буслай, непременно выпорол бы своего неразумного сына. Святослав в ответ на его слова лишь покачал головой. А тем временем события на площади развивались своим чередом. Народ теснился и уже едва не прыгал на копыя, но тут в один момент расступился, и все увидели старого волхва Родима с посохом в руках. Не спеша он пошёл прямо к копьеносцам. Сам Добрыня при виде верховного волхва замер в ожидании.

– Не разумеете, что творите, – произнёс Родим, поднимая свой посох, – родных богов наших перепачкали, обидели. А рядом развели огонь, но наши боги в огне и родились. В огне Вселенной под молотом Сварога. И от огня мирового их сила.

А затем с силой ударил посохом по земле, и из костра, в котором горели идолы, поднялся столб пламени. Добрыня едва успел отскочить в сторону, чтобы не воспламениться. А огонь в костре стал менять цвет и становился каким-то синим.

– Взять его! – прокричал Добрыня, – скорее, ну же.

И стена копьеносцев двинулась вперёд. Здесь уже сам Дамир слез с коня и повёл за собой верных товарищей, и мечи их со звоном встретились с копьями.

– За Рода, за Сварога, – прокричал боярин.

– За Перуна, – прокричали в ответ дружинники.

И вот два отряда столкнулись, Дамир едва успел закрыть собой волхва Родима. В его щит тут же ударилось вражеское копьё. А в это время с пламенем в костре творилось что-то неладное, никто уже не сомневался, что это проделки волхвов, а то и самих богов. Какие-то огоньки начали плясать и вырываться прочь, струи огня выстреливали в разные стороны, и несколько дружинников уже воспламенились от них и бросились к воде. Защитники новых богов стали падать духом и уступать неприятелю. Дамир изо всех сил сдвинул эфес меча в руке,

чтобы нанести очередной удар, но тут один из дружинников вырвал у него щит. Теперь старый боярин был беззащитен перед несущимся на него копьём. Но в последний момент чья-то рука отвела вражеское копьё в сторону. Это был Буслай. В руках он держал огромную дубину. Лишь на мгновение он встретился глазами с благодарным взглядом Дамира, а затем замахнулся своей дубиной и переломил сразу несколько вражеских копий. Следующим ударом он разломал щит дружинника и повалил его на землю, а затем размозжил ему череп.

– Да, отец, так его! – радовался Василий.

– Гудмунда убили! – послышался вдруг рядом чей-то крик, – Буслай убил Гудмунда, Буслай – предатель.

Василий повернул голову и увидел на соседней крыше Щегла – старшего брата Садка. Людинский мальчишка теперь во всё горло поносил отца Василия.

– Замолчи! – прокричал оскорблённый сын, сжимая огромные кулаки.

– Змею князь пригрел на своей груди! – не унимался Щегол, стараясь кричать как можно громче, – Буслай князя предал.

Единственное, что защищало сейчас Щегла – это то, что он и Василий сидели на разных крышах. Но Василий не поленился и спустился на землю. Людинские мальчишки, видя это, затащили лестницу наверх, и теперь боярскому сыну не было никакой возможности добраться до них. В одиночку он не мог забраться на соседнюю крышу и вынужден был терпеть насмешки над своими нелепыми попытками. Это помешало Василию разглядеть, чем кончилось дело на площади. А меж тем в бой вступил уже сам Добрыня.

– Перун, отец дружин, не оставь нас, помоги своим верным слугам, – произнёс он, – вся кровь, что будет пролита здесь нами, будет нашей жертвой тебе.

И едва эти слова были произнесены, как все почувствовали, что ветер усилился. Откуда-то с севера поползли серые тучи и стали заволакивать всё небо. А затем пошёл редкий дождь, который, однако, смог потушить пламя костров.

– Вот и наши боги пришли к нам на помощь! – прокричал Добрыня и с копьём в руке и диким рёвом ринулся в самую гущу схватки. И враг тут же потеснился, а дружина Добрыни пошла в наступление. Василий Буслаев тем временем уже висел на одной руке под крышей, демонстрируя тем самым свою невероятную силу, но едва он пытался положить на крышу другую руку, как её спихивали ногами мальчишки. Людинские мальчишки наступали ему на пальцы ногами, и боярский сын вынужден был убирать то одну, то другую руку. У Кости от этого зрелища разрывалось сердце, он хотел ринуть к краю крыши, чтобы помочь другу, но Садко крепко схватил его и не отпускал. Дождь только усиливался, и вскоре сидевшая на крышах ребятня начала промокать. Добрыня раскалывал щит и протыкал копьями своих врагов, мало кто мог устоять перед его яростным натиском. В свалке куда-то пропал волхв Родим, и не ясно было, жив он или погиб. Буслай отважно сражался, его невероятно тяжёлая дубина отбрасывала врагов и раскалывала щиты. Но неприятелей было слишком много, и своей массой они всё-таки задавили боярина-кузнеца и повалили на землю. Под ударами вражеских ног в кожаных сапогах Буслай совсем обмяк и лишился чувств. Василию повезло, что он этого не видел, так как в этот момент висел под самой крышей избы и уже вот-вот готов был сдаться и свалиться вниз. Но тут один из мальчишек допустил ошибку и слишком далеко вниз запустил свою ногу, пытаясь спихнуть сына Буслая. Василий тут же свободной рукой ухватился за его ногу, подтянулся и оказался на крыше. Часть Людинский мальчишек тут же набросились на него, другие, включая Садко и Костю, принялись их оттаскивать. Василий стоял крепко и твёрдо был намерен добраться до Щегла. Только бы доползти, только бы ухватить негодяя за горло. Но Щегол специально близко не подходил к этому безумному силачу, лишь издали наносил удары и пытался ногой спихнуть Василий вниз. В конце концов Васька из последних сил подпрыгнул вместе с уцепившимися в него мальчишками, схватил Щегла и вместе с ним рухнул с крыши. Боярский сын придавил своим весом людинского мальчишку и гневно ударил

ему по голове кулакам. Но едва он замахнулся для второго удара, как его оттащили в сторону. Среди держащих его Василий узнал Святослава.

– Надо уходить, Вася, твоего отца схватили, – произнёс он.

– Не может быть! – всё ещё в гневе прокричал сын Буслая. Но его глаза сами говорили, что друг прав. Василий видел отступающую в панике толпу, перед которой в рассыпную с криком разбежались куры, гуси, собаки и прочая дворовая живность. Крик же толпы превратился в неразборчивый гул, в котором иногда издавались крики ярости или боли. Лишь немногие ещё сражались против приверженцев нового бога, среди них был и старый боярин Дамир. Возраст играл против него, он уставал, к тому же, он сражался уже без щита, его закрывали другие дружинники, но ряды мятежников редели. И вот Добрыня с силой ударил копьём и проткнул насквозь Дамира. Кто-то вскрикнул, но это был не Дамир, старый боярин мужественно перенёс страшный удар.

– Как ты сказал? – злорадствовал Добрыня, – древлянский недобиток?

И с этими словами поднял умирающего Дамира на копье над собой, чтобы все могли видеть.

– Перун, приношу тебе эту жертву!

И с этими словами швырнул тело Дамира к идолу Перуна. Так было покончено с властью старых богов в Новгороде, отныне там правил другой бог.

Глава 3.

Расправа.

Вскоре соборная площадь в центре Славенского конца Новгорода полностью очистилась от живых людей. Остались здесь лежать только мёртвые, коих, нужно сказать, было не много. В основном мятежники и дружинники отделались ранениями, а многие бунтовщики и просто были побиты и схвачены. И всё же зелёная трава и земля во многих местах теперь были перепачканы кровью, а у подножия идола Перуна лежало мёртвое тело боярина Дамира. И лишь три живых человека ещё были на поле боя. Точнее сказать, они пришли сюда после. Все троя ещё мальчишки, двоя в знатных одеждах, впрочем, на одном перепачканных и местами порвавшихся. Если бы на площади ещё остались люди, то многие из них могли бы узнать сына Буслая с его товарищем – Святославом, сыном Бориса, а так же юного Костю Новоторжанина. Костя хотел в этот тяжёлый момент быть рядом с друзьями, всем сердцем хотел поддержать их, как-то помочь. Но Василий и здесь оставался твёрдым и не позволял себе слабости. Они что-то искали здесь, и вскоре нашли. Огромная дубина Буслая валялась на земле, прямо в том месте, где его схватили.

– Это точно было здесь? – спрашивал Василий.

– Да, это здесь, – отвечал Святослав, – я помню.

– И что теперь будет с моим отцом?

– Он против закона совершил убийство знатного человека, пошёл против князя, его будут судить. И существует только одно наказание за такое злодеяние.

Василий крепко сжал кулаки. Он знал, что даже князю было запрещено убийство бояр, старый закон гласил: бояре делают, что хотят, но не могут идти против боярства. Ещё один боярин мог спорить с другим и лишить его жизни, за это, как правило, начиналась либо кровная месть между двумя родами, либо суд, который наказывал виновных. Правда, зачастую и такой суд не мог остановить кровной мести. Но если боярин шёл против единогласной воли дружины и творил своё насилие против её высшей воли, то никто с ним не церемонился. И, поскольку Добрыня сманил немалую часть дружины на свою сторону, а остальная часть лишь молча наблюдала за происходящим, то ничто не мешало объявить повстанцев врагами дружины и подвергнуть их самой жестокой каре.

– Я отомщу за своего отца, – злобно промолвил Василий и схватился за дубину. Оружие его отца оказалось невероятно тяжёлым. Василий смог поднять лишь один конец, но даже не смог оторвать всю дубину от земли. Святослав и Костя пришли ему на помощь. Вместе они взяли оружие и отнесли его на повозку. Василий всё это время оглядывался на идола Перуна. Бог войны с золотыми усами стоял прочно и казался непобедимым. И всё же Василий не боялся смотреть прямо на него и даже ненавидеть его. Когда же оружие Буслая было погружено на повозку, запряжённую конём-тяжеловесом, на площади появились и другие люди. В красивых светловолосых мужчинах легко можно было узнать викингов, и их вождя Сигурда. Вместе с викингами пришли и слуги, которые под надзором воинов стали погружать тела мёртвых в повозку. Сигурд был верным дружинником новгородского князя Владимира. До того, как Владимир стал князем Новгорода, викинг служил здесь наёмником, помогал собирать дань. Новый князь сделал его боярином, наделил своим высоким доверием, и теперь Сигурд входил не просто в дружину, а в старшую дружину. Все прочие викинги были либо его личной дружиной, либо простыми наёмниками, живущими в разных концах или переплывающими с места на место. Когда князь Владимир начал свою войну против Киева, именно эти наёмники под предводительством Сигурда составили основную часть его войска. Были и другие варяги в дружине, но никто из них больше землёй не владел. И вот теперь Сигурд вместе с Добрыней вернулся в Новгород и стал его опорой в принуждении города к верности новым богам. Сигурда здесь боялись и уважали, и потому одно его присутствие развязывало Добрыне руки. Но были ещё и другие. Поначалу мало кто обращал внимание на странных молчаливых приближённых Добрыни, закутанных в балахоны, в складках которых они прятали мечи. Но теперь скрывать уже не было смысла. Гости перестали скрываться под балахонами, теперь они вырядились в переливающиеся на солнце кольчуги, позади за спинами развевались большие чёрные плащи. Мечи же, спрятанные в ножнах, открыто повесили на поясе. И теперь всем стало ясно, что это есть никто иные, как колдуны. По городу поползли нехорошие слухи, будто теперь эти колдуны станут новгородскими дружинниками, а землю они получают ту, что Добрыня отберёт у дружинников из числа мятежных сторонников старой веры. Но страхи эти были беспочвенны. Обычай колдунов запрещал им иметь крупное личное имущество. Всё имущество, какое принадлежало им, принадлежало и всему клану в целом. Так они добивались полного равенства друг с другом, в отличии от волхвов, которые при желании могли иметь немало личного добра и земли, и долгое время жить не в своём клане.

Как выяснилось чуть позже, колдуны совсем неспроста вырядились в свои типичные чёрные плащи. Они готовились к встрече гостей. Вскоре все увидели приближающийся к Новгороду отряд всадников в серебристых кольчугах. Высоко над собой они поднимали знамя, на котором было изображено две змеи, которые стояли на своих хвостах и переплетались возле голов так, что на самом верху мордами были обращены друг ко другу. Знамя клана Змея. Колдуны торжественно вошли в Новгород, сам Добрыня вместе со старшей дружиной вышел их встречать. Впереди чародеев верхом на вороном коне ехал длинноволосый колдун. Всем горожанам запомнились его большие глаза на выкате и длинные, свисающие усы на бритом лице. Подъехав к дружинникам, он слез с коня, прикоснулся ладонью к своему сердцу и поклонился.

– Добрыня, воевода новгородский, приветствую тебя, – проговорил он.

– И тебе привет, Усыня, вождь клана Змея, – кланялся в ответ Добрыня.

И они прилюдно заключили друг друга в объятия и прошли в терем. Знаменитый вождь Усыня только прибыл из Киева, где находились другие великие вожди богатырского воинства: Дубыня – вождь клана Вепря, Горыня – вождь клана Быка и Ураган – вождь клана Сокола. Четыре крупнейших клана колдунов заключили между собой союз и приняли в качестве верховного бога Перуна. Их общим вождём стал верховный жрец Перуна – Кривша. Все прочие колдуны и чародеи, что не вошли в союз, теперь должны были либо в него войти, и признать верховенство Перуна, либо объявлялись врагами. Первым таким врагом стал клан Серого

Волка, который находился недалеко от Новгорода и уже высказал своё недовольство реформой. В клане этом жили чародеи-оборотни, и именно с ними теперь предстояло сражаться богатырям Усыни вместе с его кланом. Перед походом колдуны должны были принести жертву богам, иначе удачи в бою не будет. Добрыня настаивал, чтобы это была именно человеческая жертва.

– Пусть это будут бунтовщики, поднявшиеся против Перуна, – уговаривал он вождя, – думаю, так мы очень угодим могучему богу.

– Я так не думаю, – возразил Усыня. – Мы знаем, Перуну иногда приносят человеческие жертвы, чаще всего это делают на войне. Но если это происходит не в бою, а в спокойное время, то обычай запрещает приносить в жертву свободных людей.

– Они не свободные люди, они заперты в темнице, они враги.

– И всё-таки, они знатные люди, Добрыня. Наш обычай, да и обычаи других колдунов запрещают казнить знать. Ты ведь знаешь, чем такое может обернуться. Кровная вражда. Мы не хотим, чтобы знатные роды воевали против нашего клана.

– Так что же, мне нужно продать их в рабство, чтобы их можно было принести в жертву?

– Если они станут кощеями, тогда да, мы сможем совершить ритуал.

– Но кто возьмёт к себе в кощ бывших бояр? Ведь новгородская знать так же боится кровной вражды.

– Не знаю, Добрыня, я уже сказал своё слово, и кончим на этом. Давай лучше поговорим о том, кто станет новым верховным волхвом в Новгороде.

– Как? Усыня, разве ты откажешься от этой чести?

– Я вождь своего клана, Добрыня, и я должен оставаться со своим кланом. Нам предстоит ещё много сражений. На место верховного волхва я предлагаю своего старого друга – Богомила. Он не жрец Перуна, но он хороший чародей и владеет даром красноречия.

– И сколько колдунов ты хочешь с ним оставить, любезный вождь?

– Дюжины, я думаю, хватит, воевода.

– Дюжины? – даже подскочил на лавке Добрыня, – прости, великий вождь, но это слишком мало, мы не сможем подавить бунт в случае необходимости.

– Для этого у тебя есть дружина, у тебя есть Сигурд. Разве нет? А колдуны не должны подавлять мятежи, мы должны преобразовывать природу.

– В таком случае, Богомил не сможет стать верховным волхвом, – возражал Добрыня, – городское вече отвергнет его, бояре, понимая это, тоже его не примут.

– И что же ты предлагаешь, мудрый воевода? Оставить Новгород без верховного волхва?

– Нет, у Новгорода будет верховный волхв, и им буду я.

– Невозможно, – отвечал Усыня, и его большие глаза на выкате стали ещё больше, – ты даже не чародей, и ты уже занял должность воеводы.

– Воеводой меня никто не избирал, я сам взял себе эту власть. А, значит, я могу взять и другую власть – власть верховного волхва. Понимаю, ещё ни один человек в Новгороде не имел столько власти, народ может подняться. Но это всё временно. Как только мы закончим обращение в новую веру, я стану посадником, и Новгород изберёт нового верховного волхва.

– Что ж, в таком случае не зови меня на помощь, когда поднимется бунт, – лишь отвечал могучий вождь Усыня. Дальнейшие переговоры шли вяло, и вскоре и вовсе закончились. Когда колдуны покинули избу, Добрыня жестом позвал к себе слугу.

– Поедешь к Вахрамею, передашь ему послание, – вымолвил воевода. – Он должен принести в жертву бунтовщиков, когда колдуны покинут город. Усыня не согласился, а Вахрамеем согласится, я знаю.

– Но, владыка, не навлечёшь ли ты тем на себя гнев людей?

– Людей нужно припугнуть. Где-то в Новгороде ещё скрываются волхвы старой веры, среди них и Родим-собака. Я знаю, они ещё в городе, а никто их не выдаёт. А так, испугаются,

да, может, и выдадут. Ступай, передашь всё Вахрамею на словах. Да, вот возьми мой перстень, по нему он узнает, что ты от меня.

И с этими словами Добрыня снял с пальца большой перстень с княжеской печатью и передал его своему слуге. Тот поклонился и тут же исчез за дверью. Чародей Вахрамей на заставил себя долго ждать и вскоре тайно прибыл в Новгород. Его клан хоть и не был колдовским, но входил в союз Перуна вместе с другими четырьмя великими кланами. Вахрамей был вождём в своём волховском клане и верховным волхвом в Чернигове, а потому давно был знаком с Добрыней. Как и предполагал Добрыня, за щедрую плату чародей согласился исполнить ритуал и принести в жертву свободных людей. И вот в назначенный день, когда колдуны отбыли в поход, свершился суд на Буслаем и другими злостными мятежниками, коих оказалось ещё трое. Все они были из знатных родов, все были приговорены к позорной смерти. Семьи их по решению Добрыни лишались всего имущества и должны были покинуть Новгород. К счастью, Буслай заранее был готов к такому решению, и уговорил своих знатных родственников забрать к себе его детей. Поэтому никто из его дочерей не присутствовал на суде, не было и его сына Никиты. Но Василий, как самый старший, оказался самым упрямым и отказался уходить в другую семью, а потому, когда провозглашался приговор, мальчик был ещё на площади. Сжав зубы и кулаки, он вслушивался в каждое слово, но когда услышал приказ покинуть город, то на лице его застыло выражение боли и отчаяния.

– Ничего, ничего, – взял его за руку Святослав, который был в этот момент рядом, – поселишься у родных, тебя усыновят, а потом, может, и вернут в дружину.

– Но мать-то мою выгонят, – возражал старший сын Буслая, – нет, я её не оставлю. Поселимся в Людином конце, оттуда нас выгнать не смогут.

– Как знаешь.

– Но я теперь не дружинник, – казалось, Василий вот-вот расплечется.

– Всё ещё образуется, не волнуйся. Пойдём, Вася, не нужно на это смотреть.

– Нет, я не могу!

Но тут Василия сзади схватил отец Святослава – Борис, и буквально силой потащил с площади.

– Отец! – вырывался Василий, и теперь уже слёзы брызнули из его глаз, отчаяние овладело им. Буслай взглянул на своего сына, и печально наморщил лоб. Вахрамей в это время был уже на помосте и готовился казнить первого мятежника.

– Дай время, Вася, – говорил Борис, уводя сына Буслая с площади, – Добрыня успокоится, я уговорю его вернуть тебя в дружину. А сейчас нужно собираться. Бери всё самое необходимое, пока ваше добро не разобрали, и уезжай в Людин конец. Есть там у меня знакомые, они помогут вам устроиться.

Вскоре все троя: Василий, Святослав и Борис подошли к дому Буслая. Мать Василия была здесь, бледная, как мрамор, с заплаканными глазами. Борис рассказал ей о приговоре суда и велел спешно собираться. Вскоре появился наездник на повозке, запряжённой крупным волком. На повозку стали погружать все пожитки бывших бояр, взяли не мало и ценных вещей: мехов и монет, что позволило бы им как-то жить первое время. Василий волоком по полу вытащил за собой дубину своего отца.

– А это ещё зачем? – возразил Борис.

– Позволь отец, – попросил его Святослав, – это память от его отца.

– Давайте, давайте, только быстрее.

И дубину так же погрузили на повозку, которая вскоре понесла бывшую знать через Волхов мост в Людин конец. Теперь они лишились всего, были изгнаны и опозорены. Всё, ради чего Вася воспитывался с раннего детства, потеряло всякий смысл. Он был отвергнут, был не нужен. Невероятно горько было на душе, и лишь одна надежда тешила мальчика, что отец Святослава сможет уговорить воеводу вернуть его в дружину. Сейчас же жизнь потеряла вся-

кий смысл. Просторные светлые палаты сменились ветхой полуземлянкой. Не было слуг, всё приходилось делать самим, не было никакого уважения и почёта, и, главное, не было никакой цели впереди. Все друзья Василия остались на том берегу реки, всё самое красивое и светлое умерло там, вместе с его несправедливо замученным отцом. Не было теперь и волховской школы, так как все волхвы старой веры теперь были вне закона. Дети Буслая почти сразу были отданы на воспитание каким-нибудь родственникам из Славенского конца, но Василий, как самый старший, остался с матерью.

А Борис уже на следующий день отправился к Добрыне, рассчитывая, что тот уже удовлетворил свою жажду крови и немного успокоился. Борис сам по себе был дружинник из старого, но не богатого рода. Земли у него было мало, и находилась она далеко, возле берега реки Волги, потому и самого его называли – Борис Вольга. И всё же Вольга не бедствовал, потому как успешно занимался ремёслами и торговлей, щедро и регулярно отдавал часть своих доходов волхвам бога Велеса, за что бог ему благоволил. Больше всего дохода Борису приносила его конюшня, так же он имел свою кольчужную мастерскую, которая считалась в городе одной из лучших. Войдя в палаты воеводы, боярин поклонился в пояс. Добрыня сидел на кресле на возвышении, как настоящий князь, все пришедшие должны были говорить с ним стоя.

– Ну, говори, с чем пришёл, – поторопил его Добрыня

– Скверные дела творятся, воевода, – заговорил Борис, – не успел свершиться суд над Буслаем, как дом его разграбили местные люди. Забрали всё, ничего не досталось новгородской казне.

– За семью Буслая беспокоишься, Борис, или за городскую казну? С казной всё в порядке. Земли Буслая мы забрали и отдаём их клану Змея, его золото по большей части хранилось не дома, и уже всё у нас. А все эти мелочи, доставшиеся черни – ерунда. Семья Буслая сама виновата, что оставила его дом прежде времени, до кого как их изгонят. Кстати, не знаешь, где они? Я слышал, ты их родственник.

– Это верно, – отвечал Борис, – но очень дальний. А семья Буслая ушла в Людин конец. Там они молятся новым богам о своём прощении. Василий – сын Буслая – крепкий малый, он станет достойным дружинником и очень сожалеет о том, что не может служить князю и Новгороду.

– Эх, Борис, Борис, не слушаешь ты меня. Я же уже кажется сказал, земли Буслая мы отдали клану Змея, монеты его в новгородской казне, никто их точно не считал, и не знает, сколько там было. Даже если бы я захотел вернуть всё это семье Буслая, я бы не смог.

– Но возьми Василия хоть в младшую дружину, воевода, – взмолился Борис, – он достоин этого. Дай ему шанс смыть позор его отца. Вспомни, ведь княгиня Ольга проявила к тебе милосердие, когда ты был в таком же положении, в каком сейчас находится Василий.

– Это ты называешь милосердием? – поднялся с кресла Добрыня, вид его был страшен, – Да ты знаешь, через что мне пришлось пройти, чтобы попасть в дружину? Сколько лет я провёл в позорном рабстве? Да лучше бы меня изгнали, это было бы куда милосерднее. Уходи, Борис, я уже принял решение, и я его не изменю.

И Борис, опечаленный, вышел прочь, и велел своему сыну пока не рассказывать о решении воеводы Василию. Вскоре он узнал о новых установлениях, которые были приняты Добрыней, и в значительной степени ущемляли права знатных людей, да и остальных новгородцев тоже. Во-первых, воевода распорядился, что теперь за убитого знатного человека можно заплатить специальный налог – виру, и тем самым избежать кровной мести. Виру платили и раньше, за убийство или причинение вреда незнатным людям, а так же за знатных, если так велел боярский совет, чтобы избежать кровной вражды между родами. Теперь же мнение совета для решения откупиться не требовалось, достаточно было решения суда. Второй закон тревожил пуще первого. Добрыня наказал, чтобы все бояре, кто ещё не обратились в новую веру, теперь, чтобы обратиться, должны были найти себе кого-то вроде крёстного отца, и обратиться только

через него. Так исключалась возможность ложного крещения и пресекались любые попытки бунта.

Вскоре после этого Борис в совершенном одиночестве, закутавшись в балахон, отправился в Людин конец. Несколько раз по дороге он оборачивался, чтобы проверить, не следит ли кто за ним. К счастью, Добрыня никого не подослал на эту работу. Борис проходил мимо бедных дворов и старых домов, по грязной грунтовой дороге с огромными лужами. Порой они были так широки и глубоки, что казалось, здесь может утонуть целая повозка. Но вскоре Борис дошёл до места. Хлипкий плетень окружал небольшой участок земли, заросшей высокими сорняками. Старый, покосившийся дом стоял одиноко, наполовину врытый в землю. Борису стало тяжело на сердце, когда он увидел, в каких условиях живёт семья бывшего боярина. Прежде к знати в городе было гораздо больше уважения. Но когда Вольга вошёл вовнутрь, он погрузился в полумрак, и глаза его уже не тревожил вид местной бедноты. Когда он уселся за стол, куда его любезно пригласила мать Василия, то заговорил о вестях, которых от него давно ожидали. Каждое слово его было словно нож по сердцу семье Буслая, с каждым словом будущее становилось более мрачным и ужасным.

– Что же делать, Борис? – опечалилась вдова Буслая, и опираясь локтями о стол, спрятала своё лицо в ладони.

– Не печалься Амелфа, – отвечал Борис, – я знаю, как помочь твоему сыну. Я могу обратиться в веру Перуна, и тогда он породнится со мной, хоть и не кровью, но духом.

– Принять веру, погубившую моего отца? – возмутился юный Василий.

– Пойми Вася, твоего отца сгубила не это вера, а уговоры Дамира, сбившего его с истинного пути. Если бы Буслай понял суть новой веры, он и сам бы принял её.

– Это почему же? Что такого особенного в этой вере?

– Что ж, попробую объяснить, хоть ты ещё и юн, и многого не понимаешь. Раньше мы поклонялись живым богам, но очень страшным, безразличным к человеку. Они делали людям благо, но делали и зло. Да и благо они делали не потому, что хотели этого, а как бы случайно. Так бог Коловрат, который есть тоже самое, что солнце, даёт нам свой свет, но ему всё равно, получим ли мы этот свет или нет, вырастут ли деревья, взойдут ли посева, наступит ли день. Он просто сияет, потому что это его природа, как для человека дышать. Дыхание может быть и приятным, и зловонным, так и свет Коловрата может быть полезным, а может породить засуху и прочие бедствия. Так же и Сварог, который есть живой огонь, Род, который есть могущественное животное, отец всего живого. Природа повелевала человеком, а не человек природой. Этому, думаю, тебя учили и волхвы в вашей школе. Природа мудра, а человек слаб. Так? А новые боги имеют человеческое лицо. Старые боги были могущественны, но были не разумны, как животные, новые боги разумны, как и человек. У Перуна есть лицо, у Симаргла, у Хорса есть лицо. Новая вера превозносит человека, и не просто человека, а высшего человека, знатного и сильнейшего. Словом, прекрасного и телом и духом, и умом, и вообще всем. Перун – это уже не сам гром, а повелитель грома, Стрибог – это не сам ветер, а повелитель ветра, Макошь – это не сама земля, но мать земли. Новые боги повелевают природой и побеждают старых богов. Конечно, не всех. Ведь и колдуны поклоняются природным богам. Вот и клан Змея больше всех богов почитает Купалу – речного зверя. Но они уже признали над собой власть Перуна. Те старые боги, которые подчинились новым, остались жить, остальные же были свергнуты в навь, на тот свет, который от нашего света отделяет река Смородина. И сторожить реку поставлен бог Велес, который наполовину бог природный, а наполовину нет. Бог скота, но и пастух его, наполовину зверь, наполовину – человек. Лишь в одном месте можно перейти из нашего мира в навь и из навь обратно в явь – по Калинову мосту. Каждый раз после смерти люди по этому мосту переходят в навь, а спустя время возвращаются обратно в наш мир. Охранять этот мост поставлен бог Симаргл. Видишь, как хороша эта вера, она учит нас обуздывать, побеждать природу, побеждать неразумную толпу, в которой ещё больше природных сил, чем челове-

ских. Печенеги поклоняются природным богам, они есть та самая неразумная толпа. Именно поэтому наш князь принял новых богов, только они теперь помогут ему одолеть печенегов. Потому Перун – бог войны – наш верховный бог. И сильному человеку теперь будут поклоняться как богу. Да, правда, сильнейшие теперь сидят в Киеве, а мы обязаны им подчиниться. Но и мы можем стать сильнейшими, если примем веру новых богов, и сможем дать отпор Киеву и всем нашим врагам. Так что теперь, Вася, у тебя только один способ отомстить своим врагам и вернуть своё положение – это вера в Перуна. Поначалу ты будешь жить в Людином конце, и, клянусь Перуном, тебе будет очень тяжело. Но ты справишься, я знаю, ты сможешь, ты силён, и бог заметит тебя и одарит тебя удачей, если ты одаришь его своим почтением. Так что же ты скажешь на это?

И Василий, выслушав этот красивый рассказ о новых богах, согласился принять новую веру. Прежние боги были кумиры и природные стихии, новые боги были гении, они восхваляли военный человеческий гений, и стремились возвращать его и возводить на вершину власти. Таковы были боги викингов. Теперь вот такие боги появились и на Руси, под влиянием жрецов, которые когда-то пришли сюда из других стран и создали здесь свои кланы. Русь становилась могущественной централизованной страной. И вот в назначенный день был приглашён волшебник, жрец Перуна для проведения обряда. Чародей зарезал жертвенного петуха, и тёплую кровь вылил на руки Борису Вольге. Затем Борис подошёл к юному Василию, проведя руками по его щекам и лбу, измазал кровью всё лицо.

– Именем Перуна, – проговорил волшебник, – именем Макоши, именем Велеса, Смаргла и других великих богов, нарекаю тебя, Василий, сын Буслая, сыном истинных богов, отныне и во веки веков.

После этих слов жрец бросил тело жертвенной птицы в костёр, взял горсть земли и насыпал её на кровь, покрывающую лоб Василия. Огонь и земля освятили юношу, теперь дело было за оставшимися двумя стихиями: воздухом и водой. Василия поставили у костра с той стороны, откуда дул ветер. Здесь он стоял и какое-то время дышал едким дымом. А затем жрец зачерпнул из ковша воды и вылил её на голову Василию.

– Земля, огонь, воздух, вода – четыре тела природы, не которых стоит мир, и кровь, соединяющая эти стихии воедино и дающая жизнь, одухотворили твою плоть благодатью всемогущих богов и властелинов Вселенной.

Василий вытер своё лицо полотенцем. Борис умыл руки. Отец Святослава улыбался, он считал, что спас сына Буслая. Сам же Святослав не смог сдержать эмоций и крепко обнял своего друга. Теперь он и Василий были крёстными братьями.

Глава 4.

Садко.

В день, когда казнили Буслая, отчим Садка – Волрог внезапно исчез из дому. Его позвал сам старшина Чурила. Быстро собралась шайка из Людина конца и отправилась в Славенский конец. Именно они разграбили боярский дом, и взяли оттуда много ценных и редких вещей. Волрогу достался красивый настенный ковёр, старшина угнал себе доброго боярского коня. Чурила был самый влиятельный и самый опасный старшина из Людина конца. Его братчина насчитывала больше всего бойцов – отпетых разбойников, воров и охотников. Были и другие старшины, но по одному никто из них не мог противостоять Чуриле. Прежде в Людином конце так боялись только варяжскую общину, из которой был родной отец Садка. Викинги действовали в открытую, чёрные дела совершали посреди бела дня, а перерезаны были людьми Чурилы ночью. После их истребления новая братчина стала действовать более скрытно и более жестоко. Никто не знал настоящего имени старшины, прозвище «Чурила» он получил за шрам на лице, который искривлял его в выражении некоторой брезгливости, а левый глаз будто бы

всё время шурился. И именно он теперь стал владельцем коня, на котором некогда разъезжал отважный Буслай.

Дети Волрога получили от отца щедрые подарки, но Садко не получил ничего. Он уже давно привык к такому унижительному положению в семье и потому старался как можно меньше времени проводить дома. Волрог редко называл своего пасынка по имени, в основном же обращался к нему как «мальчишка», «малой» или «щенок». Когда он приходил пьяный, заставлял Садка стаскивать с себя сапоги, а иногда, под действием хмельной браги становился чересчур разговорчив и принимался учить пасынка жизни.

– Мать слишком жалеет тебя, слишком любит, – твердил Волрог, – хочет, чтобы ты вырос бабой, наверно. Эх, глупая баба. Запомни, малой, наша жизнь – это навозная куча. Никто тебе не подаст руки и не поможет, никто не пожалеет. Чтобы выжить, обманывай, кради, убивай. Но знай – кого, и не попадайся. И, главное, доводи всегда дело до конца. Если уж взялся за что, то не отступай, не робей, даже если будет совсем тошно и неведомо. И всегда помни, кто ты и откуда произошёл. Помни о своих хлопцах из Людина конца.

Но хлопцы из Людина конца не вызывали у Садка доверия и всегда казались какими-то странными. Они постоянно предавали друг друга, дрались, воровали и вообще совершали друг другу всякие подлости. Но, что удивительно, потом снова виделись и общались, как ни в чём не бывало. Как будто вчера с раскрасневшимися мордами не стояли с ножами в руках и не грозились друг друга зарезать, как будто один и не взял силой сестры другого накануне, как будто пьяные они не избивали друг друга до полусмерти вчера вечером. Нет, они не прощали и не забывали, народ здесь был очень злопамятный, но почти напрочь лишённый какого-то самоуважения. Были какие-то запреты, переступить через которые было нельзя, как мужеложество или убийство, во всём остальном же здесь люди были напрочь лишены чести. Оттого местные вожди всегда были тиранами, управляли силой и кровью. Все предавали друг друга, а потом, после предательства вдруг смотришь, а уже вместе пьют и обнимаются. Здесь всегда можно было ожидать удара в спину, и к этому нельзя было привыкнуть. Но Садко каким-то невероятным инстинктом выживания нашёл способ выжить и здесь. Пришёл на помощь его невероятный артистизм и чувство юмора. Ещё с детства Садка считали настоящим шутком. Ему было легко смеяться над жителями Людина конца, ведь он презирал их всех. Но мало кто мог это разгадать, и потому принимали его насмешки за простое поясничество или просто за безумие. После обращения Новгорода в веру Перуна из всех богов Садко больше всех стал почитать Симаргла, который сам считался богом-шутком, как и Велес, и был известен ещё под прозвищем – Переплут. Но если Велес был ещё старым стихийным богом, который помирился с новыми богами, как титан Прометей, подаривший грекам огонь, то Симаргл с самого начала был братом-близнецом и отражением в кривом зеркале Велеса. Он охранял мост между миром живых и миром мёртвых, в который теперь были низвергнуты самые влиятельные из старых богов, он шутил с человеческими жизнями, одним даруя удачу, другим – несчастье, всячески пакостил богам и стравливал их друг с другом. И именно Симаргл выпускал из мира мёртвых злых духов, которые приходили в мир живых и устраивали здесь свои бесчинства. При этом ему всегда удавалось убедить богов, что духи вырываются из мира мёртвых совершенно случайно и против его воли. Симаргл не просто стоял на заставе между миром живых и миром мёртвых, он сторожил старых богов в их тюрьме, охранял их сон и мог на время даже пробуждать кого-то из них, чем периодически развлекался, отчего на земле происходили наводнения, землетрясения, извержения вулканов и прочие стихийные бедствия. Впрочем, Переплут же чаще всего и погружал их обратно в сон. Его нельзя было причислить ни к старым богам-стихиям, ни к новым богам-гениям. Бог-шут занимал промежуточное положение между стихией и гением, между старыми и новыми богами, между животным и человеком, между живыми и мёртвыми.

По преданию, именно Симаргл погубил князя Святослава – отца князя Владимира. Святослав поклонялся Перуну, и Перун поддерживал его, помогая побеждать печенегов и ромеев.

Не было в мире воинов, равных Святославу. Но однажды Переплут заманил князя в ловушку. Он обернулся бродягой со славянской внешностью и пришёл в таком виде в лагерь Святослава. Здесь Симаргл сообщил князю о небольшом войске печенегов, которое приближается с Востока. Времени отступать не было, но и богатую добычу оставлять было нельзя, и Святослав отправил часть своего войска с добычей в Киев, а сам пошёл на встречу со степняками. Но печенегов оказалось на порядок больше, чем предрекал Симаргл. Святослав не привык уходит от схватки, не стал уходит и сейчас, хоть его воины и были малы числом и измотаны после войны. Завязалась битва, и много печенегов тогда полегло, но число их было слишком велико, а жажда крови была неутолима. Так они одолели Святослава – любимца Перуна. Перун прогневался, навёл за это на Симаргла молнию и сделал так, чтобы тот не мог сойти с Калинова моста. Тогда Переплут отрастил себе крылья и стал летающим псом. До этого он уже превращался в животное, чаще всего в волка, и потому был наполовину животным, и лишь наполовину разумным, как и Велес. Иными словами, страж Калинова моста был оборотнем и научил чарам оборотня некоторых чародеев, от которых пошли все оборотни на земле. Симаргл иногда в образе прекрасного юноши занимался любовью с земными женщинами, и они рожали ему самых причудливых монстров. При этом изначально они рождались людьми, а позже их магическая природа брала верх. Монстры эти наводили страх на людей и не давали покоя чародеям. Даже боги иной раз не могли справиться со страшными порождениями Симаргла. И всё же, Переплут был одним из новых признанных богов, которых в пантеоне в Киеве, а теперь и в Новгороде было 6: Перун, Макошь, Стрибог, Дажьбог, Хорс и Симаргл.

Что же касается Садка, то лишь одного человека его шутовство никак не веселило, а только злило. Это был его старший сводный брат Щегол. Тот самый, что постоянно натёкался на кулаки Василия Буслаева. Он всегда ходил угрюмый и озлобленный, всегда отвечивал подзатыльники младшим и трусливо трепетал перед старшими. Щегол был из тех, кто считал Садка просто сумасшедшим, дурачком, и в этом с ним соглашались очень многие. Иной раз юный Садко мог улыбаться каждому встречному, часто разгуливал по местности с распущенными до земли рукавами, которые, бывало, доставали до земли и оттого все были перепачканы в грязи. Летом бывало измазывался в грязи и сам и так долго ходил, пока не смывал её с себя в реке. Или, например, разъезжал по улице верхом на корове или на огромном матёром хряке под всеобщий хохот. Порой он вовсе брался парадировать людинских хлопцев, и в своей комичной манере повторял поведение даже Чурилы. Как-то Садко насадил свиную голову на палку и объявил её идолом неизвестного бога, которому он якобы поклонялся. Голова уже провоняла, а глаза её выели мухи, но юный пересмешник исправно приносил ей каждый день в жертву мёртвых лягушек, ящериц и рыб. Пока в один прекрасный день свиная голова куда-то не пропала. Нередко Садко и других мальчишек подначивал на свои смешные проделки. Так, однажды, после большого улова на рыбалке он затеял настоящее фехтование на рыбах и отвесил нескольким мальчишкам мощные оплеухи щукой по шее. Или в тот день, когда он накормил огромной щукой боярских детей и так подружился с Василием Буслаевым. Тогда тоже Садко увлёк всех за собой. Увлёк он и Костю Новоторжанина, и многих других, и всё же никто из них не смел слишком далеко заходить за ним. До тех пор, пока в Людином конце не поселился Василий Буслаев.

Костя очень переживал за Василия, всячески помогал ему, пока тот жил в Людином конце. Возможно, поэтому его поначалу не трогали, хоть и многие были злы на боярского мальчишку. Костя нарушал запрет отца, дружил с людинскими мальчишками, но он оправдывал себя тем, что делает это в порядке исключения, ради Садка – своего главного друга. И Садко очень ценил эту дружбу и прислушивался к Косте. На следующий день после обращения Васьки в веру Перуна, небольшая процессия мальчишек направилась прямо к избе, в которой он проживал. Когда Василий вышел на улицу, то увидел сидящего верхом на огромной гряз-

ной свинье Садка, за которым следовала пешая компания. Некоторых из них сын Буслая знал, особенно – Костю Новоторожанина, другие были ему не знакомы.

– Здрав будь, боярин, – заговорил Садко.

– Чего надо? – недобро нахмурился Василий.

– Мы привезли тебе дань, владыка. Не побрезгуй, возьми и стань другом в нашем братстве.

Один из мальчишек подошёл к Василию и, поклонившись, протянул к нему руки с лежащей на ней булкой хлеба. Сын Буслая подозрительно взглянул на подарок, хоть и был голоден, и ничего не ел с утра.

– Бери, бери, Вася, – говорил Садко, слезая со свиньи, – мы своих не бросаем. Князь тебя выгнал, а мы принимаем. Будь нам братом.

На этот раз Василий даже улыбнулся и принял подарок. А после вместе с мальчишками отправился на реку. Людинская ребятня казалась ему слишком чужой и дикой, с другой стороны, высокая речь Василия так же вызывала у них насмешку, но не злую, потому как боярский сын ещё был для них авторитетом и вызывал много любопытства. Мальчишки засыпали его вопросами о том, как так случилось, что его отца казнили, почему князь Владимир не приехал в Новгород, что будет дальше, и т.д. Как будто Василий знал ответы на все на свете вопросы.

– Раньше был закон, – говорил он, – дружина делает, что хочет, а кто вред причинит дружине, тот не жилец. Теперь Добрыня наказал платить за убийство знатного человека виру. Тиранил боярскую волю, а вместе с ней и Новгород под ноги кидает Киеву.

– Так вам и надо боярам, – проговорил какой-то прыщавый мальчишка, – а то больно вольно жить стали, а простой люд и помнить забыли.

– Да как ты смеешь! – хотел уже накинуться на него Василий.

– Не горячись, Вася, – остановил его Садко, – ты теперь не в Славенском конце, твоих знатных речей здесь никто не поймёт. Здесь народ простой, нет племён и родов, всё вперемешку.

– Что же в этом хорошего? Лошадей по несколько поколений тренируют и отбирают, чтобы отобрать нужную породу? Так же и у человека, чтобы отобрать нужную породу, нужны роды, нужно боярство. Иначе конец Новгороду, как вы не понимаете.

– Ну и чёрт с ним, с этим Новгородом, – заголосил горбатый мальчишка по имени Хома, – наш дом – чистое поле, нас кормят нож и твёрдая рука. А коли живот набит, то и чего ещё надо?

Людинские мальчишки были слишком грубы, их речи поначалу задевали Василия, но он научился не подавать виду. Он понял, что говорят они это не с каким-то злым умыслом, а лишь потому, что слабы умом, и многого не могут понять. Но Садко был не таков. В первые дни он удивил Василия тем, что хоть и плохо, но владел грамотой и продолжал в этом совершенствоваться. За внешним шутовством его скрывалась хорошая смекалка, которую можно было бы использовать с пользой. Но самое главное, общение с Садком и Костей Новоторжанином позволило Василию отвлечься от настигшей его беды и снова начать радоваться жизни, несмотря на положение, в котором он оказался. В боярском сыне мальчишки сразу почувствовали большую силу, а так же явную склонность к лидерству, хоть он был ещё и очень юн. От Василия Садко научился играть на гусях. Случилось это так. Однажды Садко пришёл к Василию, держа у себя под рубахой какой-то предмет. Когда Васька спросил, что там, Садко достал жирного белого гуся.

– Это не просто гусь, – пояснил он, – в эту птицу вселился злой дух. Ни с того, ни с сего он вдруг напал на меня и начал щипать. Нужно изгнать из него злого духа.

Пошли изгонять злого духа из гуся. Снова собрались мальчишки понаблюдать за странным ритуалом. Садко произнёс какое-то заклинание в стихах и пролил воду на животное. Затем собирался обмазать его грязью, но тут появилась хозяйка гуся с хворостиной, и мальчишкам пришлось разбежаться врассыпную.

– Хорошо это у тебя получилось, с заклинанием, – переводя дух, говорил Василий, – сам придумал?

– Сам, – улыбался в ответ Садко.

– Пойдём.

Вскоре они оказались во дворе Василия. Сын Буслая вынул из дома гусли и вместе с другом отправился в тихое место возле реки.

– Давай, я буду играть, а ты пой что-нибудь.

– Что петь-то?

– Не знаю, сам придумай.

И Василий принялся играть звонкую степенную мелодию. Садко какое-то время молчал, перебирая в голове слова, а затем запел чистым звонким голосом, без нотки фальши:

Как по Волхову, по реке, гуляла рать дружинная,

Пила крепкое вино, пивом запиваючи.

Понабили животы так, что всех повырвало.

Поползли они домой, ругаясь и рыгаючи.

Песня эта рассмешила Василия, и всё же он не мог не удивиться тому, как складно и быстро смог Садко придумать такую песню, а особенно тому, как хорошо он её исполнил.

– Тебе, брат, нужно в сказители идти, – заключил боярский сын.

– Какая мне нужда быть сказителем? – недоумевал Садко, – я и так могу всякие байки рассказывать. Хочешь, расскажу про Ротана, сына Симаргла. У него два рта было, один, как у людей, а другой – вместо задницы.

– Да погоди. Я слышал, хорошие сказители неплохо зарабатывают. Голос у тебя хороший, научись играть, цены тебе не будет. Только если петь будешь не такие смешные стишки, а что-нибудь серьёзное.

– Серьёзное – это слишком скучно. Но играть на гусях я, так и быть, выучусь. Это ремесло доброе, я слышал, всех боярских детей этому учат.

И Садко принялся играть на гусях. Василий лишь удивлялся, как быстро его новый друг делал успехи. Садко же очень быстро понял, что получил в руки сильное оружие – гусли, которым может покорить сердца очень многих. Изначально, в детстве песенки его были всегда смешные, высмеивали знать или кого-нибудь из жителей Людина конца. Острый язык юного сказителя порой очень сильно задевал простой люд, и тогда только защита Василия спасала его от чужих кулаков, в том числе и от кулаков его брата – Щегла. Волей-неволей Щеглу пришлось смириться, что его младший брат перестал быть простой жертвой, и изменил стратегию, стал теперь без конца жаловаться отцу на разнузданное поведение пасынка. Волрог же, когда руки у него доходили, наказывал Садка, когда нет, ругал его мать. Так мальчишки росли и крепчали, и вместе с тем крепла их дружба. Василий однако очень скоро стал испытывать сильную нужду в деньгах. Отцовские монеты уже закончились, бедное хозяйство, которое они завели с матерью, прокормить их не могло. И здесь на помощь пришёл Костя Новоторжанин. Он определил Василия подмастерьем в кузницу к кузнецу Людоте. Известно, что род Буслая происходил из кузнецов, и сын его так же как и отец в своё время обучался кузнечному делу. Теперь это ремесло ему очень пригодились. Василий вспомнил всё, чем его учили и принялся усердно работать. Но он тут же столкнулся с тем, что был ещё слишком мал, а Людота требовал от Васьки, чтобы тот работал как взрослый мужчина. Из-за этого сын Буслая поначалу оказался плохим работником и часто получал от своего мастера подзатыльники и пинки. Всё это оскорбляло его боярскую гордость, и всё же, пустой желудок заставлял терпеть и это. Руки у Людоты были сильными, от подзатыльников его порой звенело в ушах. Но Василий стиснул зубы и продолжал работать. Он не успевал, ошибался, ужасно уставал, но каждый рабочий день снова приходил в кузницу. И в конце концов за это упрямство Людота зауважал маленького

боярского сына и стал учить его немного по-другому, больше разговорами. Василий вместе с тем мужал и становился сильнее. Вскоре, не смотря на свою юность, он научился управляться с работой взрослого человека. Но, несмотря на это, он ещё не мог оторвать от земли дубину своего отца. Стало быть, Буслай был ещё сильнее, а, может, знал какой-нибудь чародейский секрет, как можно поднимать такие тяжести.

За работой и шутками с местной ребятнёй время проходило быстро. Минуло уже два года. Василий был силен не по годам, а Садко не по годам был смышлён и красноречив. И вот однажды они вместе с Костей Новоторжанином и другими приятелями собрались вдали от всех в своём тайном месте.

– Вот что, братцы, – заговорил Садко своим всегда задорным и немного смешливым голосом, – думаю, пора нам свою братчину создавать. А что, чем мы хуже Чурилы или других старшин? Да, мы ещё дети, но если мы сейчас выберем себе старшину и объединимся, то вскоре станем настоящим братством, и будем наводить страх на всех в округе.

– И как назовём наше братство? – спрашивал Хома.

– Мы будем называться шутовским братством, и богом нашим будет Симаргл. Чтобы никто не догадался, что мы – настоящая братчина. Будут думать, что это шутка, а за этой шуткой будет крепнуть настоящая сила.

– Дело говоришь, – смекнул Костя, – и кого старшиной изберём?

– Как кого? Это же и так, думаю, ясно. Самый сильный из нас – это Василий, ему и вести нас к победе.

Никто особо и не возражал, и все единогласно избрали Василия своим лидером. Затем Садко велел всем произнести клятву, повторяя за ним:

– Именем Симаргла – божественного мытаря и вождя безумцев мы клянёмся, что всегда будем вместе, всегда будет стоять друг за друга горой, а если погибнем, наш бог встретит нас как добрых гостей и щедро наградит. Отныне мы братья друг другу, и никакие беды не разрушат нашего братства. Клянёмся всегда смеяться смерти в лицо и всегда пить вино. Клянёмся, клянёмся, клянёмся!

Мальчишки с радостью произнесли эту клятву, даже те, которым идея братства показалась лишь очередной шуткой Садка. Тогда их было немного, не больше дюжины, но эта странная клятва в зарослях у реки навсегда связала их судьбы и определила их дальнейшую жизнь.

Глава 5.

Купала.

Осенью того же года колдуны вновь появились в городе. Незадолго до этого из изнурительной войны с печенегами вернулся Добрыня. Колдуны в это время вели другую войну. Они, наконец-то, одолели в войне клан Серого Волка. Хотя, первую победу они одержали ещё в самом начале похода, и, возможно, добились своего врага ещё тогда, но они понадобились князю в другом месте. Русь захватывала много земель, воевала с поляками, печенегами и многими другими. А меж тем повсюду на окраине Руси вспыхивали восстания чародеёв, к которым нередко присоединялись и враги из соседних племён и стран. Подавлять их были призваны кланы, вошедшие в чародейскую дружину. Клан Волка за это время оправился от поражения, набрался сил и решил, не дожидаясь нового удара, первым напасть на ослабленный клан Змея. Говорят, в бою они активно использовали своих цепных упырей и потеряли почти всех их. Клан Змея потерпел поражение и вынужден был отступать, но черниговский князь Всеволод выдвинулся с войском на помощь к своим старым друзьям и помог окончательно разбить оборотней. Тех оборотней, что не успели сбежать и не были убиты, в большом количестве взяли в плен. В Новгороде их заставили принести клятву верности чародейской дружине и тем самым вступить в союз. Тех не многих, что отказались это сделать, ждала печальная участь, они были принесены в жертву. Добрыня за эту победу щедро наградил клан Змея и дал ему обширные

земли из новгородских владений. И снова он стал уговаривать вождя остаться в Новгороде, и снова Усыня вежливо отказался. Но теперь в боярскую думу вошли несколько колдунов. При этом сами они боярами не были, поскольку не имели личных владений, но были поставлены здесь как управляющие землями клана, и потому получили право на равных советоваться с дружинниками. Возглавлял их компанию всё тот же друг Усыни – колдун Богомил – второй человек в клане Змея.

Осень сменилась зимой, а зима – весной. Время неумолимо шло вперёд, и вот минуло уже два года с великой победы клана Змея над кланом Серого Волка. За это время шутовское братство Людина конца пополнилось новыми людьми. Отчасти в шутку, отчасти из дружеских побуждений вступил сюда и боярский сын Святослав Вольга – крёстный брат Василия, который сейчас уже нёс службу в младшей дружине. Василий же окреп не по годам и стал опасным противником даже для привыкших к опасностям обитателям Людина конца. К своему великому счастью однажды он смог поднять тяжёлую дубину своего отца и даже научился ей орудовать. Василий быстро понял, какие мышцы устают больше всего в этой работе и разработал для себя несколько упражнений, которые должны были позволить ему развить эти мышцы. Упражнения были очень необычными и чрезвычайно тяжёлыми. Но Василий со своим характерным упрямством истязал себя изо дня в день, пока не достиг результата и не стал владеть тяжёлой дубиной, как обычной палкой. Вскоре он сделал её ещё тяжелее, снабдил металлическими шипами и тем самым превратил в настоящую палицу – мощное оружие, которым всем на диво свободно мог владеть только один человек. Работа в кузнице и тяжёлые упражнения не могли не отразиться на теле Василия. Плечи его стали воистину огромными, руки сильными и жилистыми, живот покрылся кубиками, как у прекрасных древнегреческих скульптур. Но при этом невероятная физическая сила у Василия теперь сочеталась с ловкостью и быстротой, которую он тоже в себе тренировал. Он был гибок и проворен в бою так же как силён, и потому, несмотря на его малый возраст, очень мало кто решался из молодёжи связываться с Василием Буслаевым, а если и решались, то не по одному, а толпой. Таких подлецов, как правило, потом наказывало братство шутов, которое пока ещё оставалось тайным.

Однажды случилось Василию идти по улице в свободный от работы день. Могущее тело требовало какой-нибудь работы, какого-нибудь напряжения. «Эх, добрая драка сейчас бы не помешала», – подумал юноша, но другая мысль тут же догнала первую и заговорила в голове уже голосом отца, – «кулачные драки – это для черни, знатный человек должен сражаться с оружием в руках». И только Василий об этом подумал, как услышал крик нескольких мальчишечьих голосов. Он пошёл на звук и вскоре увидел, как трое мальчишек избивали одного хромого юношу. Тот, нужно сказать, неплохо оборонялся, несмотря на свою хромоту, падал, снова быстро поднимался на ноги и бросался в атаку. Василий на мгновение задумался. Стоит ли ввязываться в такой низкий способ боя, как кулачная драка? Но тело словно выпрашивало у него испытания, будто хотело проверить, на что оно способно. Василий потянулся, хрустнул пальцами, а затем схватил одного из мальчишек за подол рубахи и швырнул на землю. Второй, собрав всю силу в кулак, ударил молодого кузнеца по лицу. Василий пошатнулся, но не упал, а в следующий миг одной рукой схватил врага за горло, а второй рукой словно молотом сверху дал ему по голове. Хулиган тут же обмяк и без чувств свалился на землю. Третий не успел опомниться, как получил кулаком в челюсть и оказался без чувств на земле. К тому времени первый хулиган уже поднялся на ноги, но атаковать пока не решался.

– Ты чего, Васька, за него заступаешься? – с обидой в голосе проговорил он, вытирая рукавом из-под носа кровь, – это же сын Чурилы-старшины, который коня твоего отца украл. Это он сам Потаню хромым сделал, переломал ему ноги, знать, было за что.

– Собака! – прокричал сын Чурилы, вскочил на ноги и уже снова готов был ринуться в бой, но Василий его остановил.

– Он сказал правду? – спросил сын Буслая.

– Правду, – отвечал сын старшины, глядя ему прямо в глаза. Один глаз уже заплыл и не открывался, губы и нос были разбиты в кровь. Мальчишка еле держался на ногах, но и не думал сдаваться.

– Я – Потамий, сын Чурилы, а теперь прочь с дороги, а не то пожалеешь.

И он попытался оттолкнуть Василия, но тот крепко держал отважного хромого. Наконец, Потамий вырвался у него, но не в ту сторону. Теперь его от врагов отделял Василий, и сын Чурилы понимал, что не пройдет через него.

– Ладно, – заговорил он, – если хочешь биться со мной, скажу сразу, я не готов сейчас, сам видишь. Назначь время и место, встретимся один на один с тобой, и померимся силой.

– Добро, – отвечал Василий и назначил час и место встречи. Он дал сыну Чурилы неделю времени, чтобы тот как следует смог оправиться. Василий тогда был бойцом не опытным, и нужно сказать, серьёзно опасался опыта и отваги Потамия. К тому же сын Чурилы был старше его и по сути был уже взрослым мужчиной лет 20-ти. И всё же сын Буслая не выдавал своего страха. Он не должен был терять своего лица, ведь он был знатным человеком, и даже перед лицом смерти не должен был терять своего достоинства. К слову, когда кузнец Людота узнал о грядущем поединке своего ученика, лишь оскалился и проговорил:

– Будет тебе дураку, урок.

И вот в назначенный день под холмом в укромном месте встретились две компании. Одна – ещё неизвестное никому шутовское братство, другая, чуть ли не в два раза больше – друзья Потамия, все из старших мальчишек, кто даже с плёткой или палкой в руках. Были здесь и некоторые из братьев Сбродовичей, в том числе и старший из них – Клим.

– Ну и заварил ты кашу, Вася, – тревожно твердили его товарищи.

Но сын Буслая сохранял спокойствие, рассчитывая на благородство врага. Ведь уговор был биться один на один. И вот от одной компании отделился сын Чурилы с зажившими ранами, из другой – Василий.

– Ну что, готов, боярский сынок? – спрашивал Потаня, потирая руки.

– А ты готов? – не уступал ему Василий, на что друзья Потамия дружно рассмеялись.

– Ты, мил человек, вот что мне скажи, – продолжал сын Чурилы, – ты почему за меня вступился в драке? Зачем мне помог?

– Не люблю, когда толпой одного избивают.

– Даже сына человека, который обокрал твой дом?

– Даже моего врага.

– Что ж, хорошо сказано, давай же теперь разрешим наш спор по-честному, как делают у вас, у знати.

Всё уже было готово к бою. Рукава были закатаны, рубахи подпоясаны. Потамий стал осторожно обходить вокруг Василия, сгорбившись, словно дикий хищник перед прыжком, выжидая подходящего момента для атаки. Василий будто специально дал ему такой шанс, отвернулся в сторону, взглянув на своих. Удар посыпался на него с невероятной скоростью. От иных из них сын Буслая сумел закрыться, другие же стали попадать ему прямо в голову и по телу. Василий быстро почувствовал вкус крови на губах и давящую боль в глазу. Любая попытка его ударить в ответ оборачивалась неудачей. Худоцавый Потамий был быстр и гибок, задеть его никак не удавалось. И тогда в ярости Василий набросился на него всем своим телом, обхватил, словно медведь и принялся бороться. И хоть противник уступал ему в телосложении, однако же жилы его были крепкими, словно натянутая металлическая проволока. Потамий уворачивался от захватов и умудрялся при этом наносить удары кулаками или головой. Василий если попадал ему в ответ, то редко и не сильно. И вот очередной такой удар кулаком оказался столь сильным, что сын Буслая упал на одно колено. А вслед за первым ударом последовал следующий, второй. Василий пригнулся от летящего кулака, а затем согнул руку в локте и резко подался вперед, ударив локтем врага в живот. Удар, вероятно, пришёлся на

солнечное сплетение, поскольку Потамий тут же согнулся пополам и начал кашлять и задыхаться. Ещё один мощный удар кулака, и вот он оказался на земле. Теперь он был полностью во власти разъярённого врага. Мальчишки из братства шутов радостно подбадривали своего вождя, а Василий уже наносил удары лежащему на земле сыну Чурилы. И тут друзья Потамия сдвинулись с места и пошли на дерзкого боярского сынка. Казалось, ещё немного, и они затопчут Василия. Слеплённый собственным гневом, он едва ли заметил бы их приближения и оторвался был от врага. И, тем не менее, он сделал то, чего никто от него не ожидал, показав чудеса самообладания. Василий вскочил на ноги перед приближающимся врагом и приготовился отразить удар. Он тяжело дышал, но он не был в ярости. Перед хладнокровием этого 16-тилетнего бойца заробели все людские дети разбойников и охотников. А тем временем уже подросли товарищи из шутовского братства, а Потамия, шатающегося и истекающего кровью подняли на ноги.

– Ты ещё не победил, – проворил сын Чурилы, вырываясь от поддерживающих его рук и снова приближаясь к Василию. – Знай, ты бы не ушёл отсюда на своих ногах, если бы на то была моя воля. Мои друзья легко бы разделались с вами. И всё же, мы хоть и из Людина конца, но не хуже ваших будем. Ты мне помог, знай же, что и мы можем быть благодарны и не будем нападать на тех, кого меньше, чем нас.

– Что ж, – отвечал ему Василий, – мы тоже не будем на вас нападать толпой. А если ты считаешь наш спор не решённым, можем встретиться в другой раз и закончить дело.

В ответ Потамий рассмеялся, обнажая красные от крови зубы.

– Хватит с нас мордобоя, – отвечал он, – ведь я на самом деле ненавижу своего отца не меньше, чем ты. Чурила переломал мне ноги, поднимает руки на мою мать, которая в его доме – третья жена. Когда-нибудь я отомщу ему. Если хочешь мне помочь, будь моим другом.

И Потамий протянул Василию руку. Сын Буслая пожал её, хоть и очень удивился такому жесту. Все ждали какого-то подвоха. Но никакого подвоха не последовало. Василий Буслаев и Потамий Хромой действительно с того дня стали друзьями. После этой встречи мальчишки из шутовского братства ликовали и даже, выполняя один из пунктов своей клятвы, напились вина, а иные и хмельной браги. Но Василий брагу не пил, как не пил он сильно крепких напитков, уважая только разбавленное мёдом вино. Таков был завет его отца: крепкие напитки – это для черни, и хоть сын уже не был знатным человеком, но всё равно старался соблюдать наставления своего отца.

Зимой в кузнице Людоты было мало народу, но как наступила весна, снова валом повалили всадники дляковки лошадей. Так, Василий запомнил одного молодого голубоглазого скандинава с белыми волосами, из дружины Сигурда, по имени Хотен.

– Ты ещё такой молодой, а уже кузнец? – удивлялся викинг.

– Я лишь его подмастерье, – скромно отвечал Василий.

– Ну, это ничего, а где сам кузнец?

– Ушёл куда-то, по делам. Знал бы он, что у нас такой знатный гость, конечно, сам бы ему помог.

– О, а ты меня знаешь? Да, я не просто прохожий. Не хочу в очереди стоять в Славенском конце, локтей не хватает, чтобы протолкнуться там, решил подковаться здесь. Справишься, подмастерье? Как звать-то тебя?

– Справлюсь. А величают меня Василием.

– А я – Хотен – сын Рунольфа. По просьбе вашего князя Вальдемара Сигурд отправляет меня с отрядом на усиление киевского войска. Так что подковы твои должны держаться на коне до самого Киева.

Боевой конь-тяжеловес стоял спокойно и послушно отдавал кузнецу одно копыто за другим. Василий гладил его по гриве и что-то нашёптывал, отчего животное фыркало и даже начинало к нему ласкаться.

– Клянусь Одним, ты нравишься ему, – произнёс Хотен, – ты крепок телом, из тебя бы получился хороший варяг. Руки крепкие, мог бы стать хорошим гребцом, плавать по чужим странам, грабить чужие суда, захватывать власть и богатство, или ждать, пока тебя не отправит кто-нибудь в Валгаллу или не наймёт к себе в войско. А так, пропадёшь здесь понапрасну. Эх, помню, я в твои годы дышал только морским воздухом, вся одежда моя была пропитана морской солью. Сколько я повидал городов и стран, сколько самых разных людей, разных наречий, разных зверей. Наш мир велик, очень велик, и я брал от этого мира всё, чего мне хотелось.

– Отчего же ты оставил своё ремесло?

Выражение лица Хотена несколько омрачилось при этом вопросе, и он заговорил совсем другим голосом.

– Есть две вещи, которые могут погубить воина – это долгий тяжёлый труд и женщины. Меня чуть не погубили они обе. Была у одного ярла дочь – Вигдис. Молода и хороша собой. Стоило мне лишь немного узнать её, и я страстно захотел ей обладать. Тогда удача мне улыбалась, я был богат, и славен в бою. Вигдис же была обещана другому в мужья, и я это знал. И, тем не менее, выкрал её, и тем самым навлек на себя беду. Правда, Вигдис быстро меня любила, да так сильно, что вместе со мной шла в бой. Она стала настоящей воительницей. Больше года мы проплавали вместе, и так уже привыкли к свободе, что всего перестали бояться. Тут-то нас и настиг её отец с её бывшим женихом. В том бою перебили очень многих моих друзей, с которыми я плавал, но самое ужасное то, что погибла Вигдис, пала от меча собственного жениха. Мне же сохранили жизнь, чтобы продать в рабство.

По мере того, как Хотен говорил, лицо его принимало всё более тоскливое выражение. Дела давно минувших лет теперь всегда вспоминались им с болью, но не вспоминать их было нельзя, поскольку и всё самое лучшее в его жизни, как ему сейчас казалось, произошло тогда.

– Я был таким же, как и ты, может, чуть постарше, – продолжал викинг свой рассказ, – я лишился всего, даже свободы, и теперь был вовлечён во вторую гибель мужчин – тяжёлый труд. Больше года я провёл в таком унижительном положении, прежде, чем смог сбежать и наняться к моему старому знакомому – Сигурду. Он знал о том, что со мной произошло, но не побоялся навлечь на себя ярость ярла и взял к себе. Сигурд тогда и сам был уже ярлом, и хёвдингом над свободными бондами. Я же не был бондом, своей земли и двора не имел, и потому был беднее всех и самым неудачливым. Если бы всё так продолжалось, я бы даже не знаю, кем бы был, но точно не тем, кем стал сейчас. А случилось с нами вот что. Ярл – отец Вигдис прознал о том, что я сбежал и служу у Сигурда и потребовал меня к себе. Сигурд же ценил меня за воинскую отвагу и наотрез отказался меня выдавать. Тогда ярл Рауд – отец Вигдис, обратился за помощью к знатному норвежскому конунгу, который пошёл на Сигурда войной. Сигурд же тогда обратился за помощью к вашему конунгу Владимиру, и тот поддержал Сигурда. В тяжёлом бою мы разбили норвежского конунга, а я отомстил за Вигдис, убив её жениха и ранив ярла Рауда. Так мы поселились в Гардаре, а именно – в Новгороде. А теперь вот я богат и старшина над целым отрядом по поручению Сигурда. Сигурд потерял свои земли в Норвегии, но Владимир наделил его новыми землями и сделал своим ярлом. Вместе с вашим конунгом я брал Полоцк и Киев. Но что-то я уже заболтался. Как посмотрю, ты давно уже сделал свою работу. Держи.

И Хотен бросил Василию золотую монету, которую тот поймал на лету.

– Реакция воина, – похвалил его викинг, и Василий почувствовал, как невольно улыбка проступает у него на лице. Ему хотелось этой жизни, полной приключений, хотелось сражаться и искать удачу. Но всего этого он был лишён, и теперь не мог покинуть свою мать одну в Новгороде.

Вскоре отряд Хотена покинул город и отправился в сторону Киева, а викингов в посаде стало ещё меньше. Но зато появились другие гости – жрецы новой, странной веры. Никто не знал, откуда они возникли, и трудно было определить, из какого они роду и племени. Но обос-

новались они в еврейской слободе Неревского конца и многих сплотили вокруг себя, стали обращать в свою веру. В числе прочих к ним присоединился и Никита Новоторжанин, вместе с собой в церковь он стал водить и сына – Костю. Отец гордился своим сыном, который рос намного умнее него, хоть и был увлечён этими шутовскими затеями Васьки и Садка. Костя всегда выше ратного дела ценил образование. Любил книги и музыку. К сожалению, книг тогда можно было достать немного, и потому юный сын Никиты так жадно накинулся на новые книги, что привезли с собой жрецы новой веры. С интересом он стал узнавать всё больше про живого бога Христа, который жил в человеческом теле в далёкие времена и был распят на кресте, после чего воскрес. Его чудеса казались невероятными, а его смерть казалась высшей несправедливостью. Этот бог был не похож на Смаргла хотя бы тем, что в своей религии он был единственным, и хоть нарекал себя сыном Божиим, но вместе с тем и сам был богом, который каким-то причудливым образом был един со своим отцом. Тогда Костя представлял себе это иначе, и ему виделось сразу два бога в небесных чертогах, один из которых был хмурым старцем, а другой – добрым юношей, защитником людей. И Христос мог дать защиту всем, в то время как Смаргл только смеялся над всеми и как бы даже специально подвергал тяжёлым испытаниям тех, кого любил, чтобы сделать их ещё сильнее. И некоторые его порождения и даже кровные сыновья не выдерживали испытаний и погибали.

Костя был физически намного слабее своих товарищей. Даже Садко, который никогда не слыл хорошим бойцом, казался крепче Новоторжанина. Длинные русые волосы и почти детское лицо без щетины и вовсе делали его похожим на девушку. И вот вскоре Костя с головой ушёл в христианство и не давал своим друзьям покоя, рассказывая про эту новую веру. Садко в ответ лишь смеялся над ним, как, впрочем, и над всем. Редко можно было понять, когда он шутит, а когда серьёзен. Василий же крепко призадумался.

– Я бы почитал эту книгу, – промолвил он.

– Если хочешь, я могу попросить у отца.

– Попроси. Но не забывай, Костя, что ты в нашем братстве. О нас уже пошла молва по Людину концу. Особенно после моей схватки с Потамией Хромым.

– Мне не нужно никакого братства, чтобы любить своих друзей, – улыбался Костя. – К тому же бог Христос и есть любовь. И потому, поклоняясь нашей дружбе, мы всё равно поклоняемся ему.

– Мы поклоняемся Смарглу, – вскочил с места Садко.

– Остынь, – остановил его Василий, – Смарглу мы поклоняемся, когда шутим. Что мешает нам в остальное время почитать других богов?

– Шутим? Вы думаете, это просто шутка, дурачество? Вы так ничего и не поняли, Смаргл серьёзнее всех богов!

И с этими словами Садко ушёл прочь. Никто ещё не видел его прежде таким серьёзным и таким разгневанным, прежде казалось, что он вообще не умеет гневаться и всё переводит в шутку, словно дурачёрк. Всё это показалось друзьями очень странным.

А меж тем наступило 24-е июня. В Новгороде праздновали день Купалы – верховного бога колдунов из клана Змея. Для этого Усыня и колдуны заранее привели в город скот, пленных и рабов, которые должны были быть принесены в жертву. Верховный волхв Добрыня в свою очередь отдал коров со своего двора. Но колдунам этого показалось мало, и Усыня захотел принести в жертву несколько коней. Эта новость взбудоражила всю новгородскую знать. Старая вера не просто запрещала приносить лошадей в жертву, она обожествляла этих животных. Кони были священны, волхвы и простой люд носили на шее деревянные обереги, сделанные по образцу лошадиной головы. Тот, у кого во дворе был свой конь, считался зажиточным человеком, а кто имел при себе множество коней, считался настоящим богачём. Борис – отец Святослава владел целой конюшней. По новгородским меркам он был очень богат, и именно к нему обратились колдуны, чтобы купить несколько животных для жертвоприношения. Борис

договорился о цене, сказал, что сам приведёт коней и тогда же возьмёт плату. Но как только рабы колдунов, ведущие дела, ушли, Борис Вольга отправился к Добрыне и стал бить челом верховному жрецу.

– Страшное проклятие падёт на мой род и на Новгород, – говорил он, – колдуны испытывают нас на покорность, издеваются над нашими традициями. А страдать за это мне?

– Усыне сложно не покориться, – спокойно отвечал Добрыня, – он со своими колдунами перебил в округе всех чародеев, которые могли бы оказать им сопротивление. Волшебники не будут сражаться против колдунов.

– Новгород будет, – отвечал Борис, – город встанет, Сигурд тоже пойдёт против колдунов. Он же поклоняется другим, своим богам: Тору и Одину.

– Куда пойдут? – теперь уже вспылал Добрыня и сжал кулаки, – ты, Бориска, совсем дурак, хочешь, чтобы я открыто выступал против Усыни? Даже если моя возьмёт, князь Владимир станет моим врагом.

– Или ты их, или они – тебя.

Добрыня должен был принять очень непростое решение. Он слышал о том, что колдуны и волшебники из союза прибирают к рукам целые города, попирают местных князей и подчиняют их своей воле. Колдуны могли подчинять не только мечом, было у них немало и других, подлых методов. Например, они могли просто сглазить человека, наложить на него порчу, а то и вовсе убить, а затем оживить его труп и сделать его своей марионеткой. Такой гомункул своим умом мало походил на живого человека, обман можно было легко раскрыть, поэтому чёрные чародеи редко прибегали к таким чарам. Да и теперь им это было не нужно, поскольку и так власть колдунов росла, и не было силы, способной их остановить. Верховный волхв пригласил Усыню к себе и пытался умиловить богатыря разговорами.

– Я даю двух коров со своего двора для жертвоприношения, – говорил воевода, – но могу дать и больше.

– Зачем мне столько коров, Добрыня? И зачем ты вообще говоришь со мной о таких мелочах?

– Потому что я хочу просить тебя изменить своё решение приносить в жертву коней. Богам нужна кровь, им нет большой разницы, чья это будет кровь: коровья или лошадиная.

– Да ты никак боишься бунта? – поглаживал свои усы Усыня, – не бойся, я с тобой. Докажите, что верны истинным богам, что со старыми верованиями покончено. Принести в жертву священное животное.

– А если мы откажемся?

– Тогда вы шибко разгневаете богов. А боги наши очень страшны в гневе.

– Ладно, будь по-твоему, но дай мне слово богатыря, что после церемонии ты и твои чародеи ещё семь дней пробудете в городе, чтобы защитить нас от бунта.

– Слово вождя, – произнёс Усыня, и они пожали друг другу руки. Вождь чародеев и верховный волхв, богатырь и дружинник.

В день Купалы в Славенском конце Новгорода ещё с утра начала собираться толпа. По главной улице по направлению к капищу повели скот, рабов и пленных с полными отчаяния лицами. Среди последних были ещё некоторые чародеи из клана Волка, взятые в плен во время схватки и прошедшие эти годы в рабстве. Борис Вольга вёл под уздцы четырёх коней-тяжеловесов. Они доверяли своему хозяину и послушно шли за ним навстречу своей печальной судьбе. Усыня сидел на своём коне в самом центре площади и осматривал всех своими лягушачьими глазами. Кольчуга его блестела, как рыба чешуя, за спиной словно флаг развевался чёрный плащ, а чуть подальше так же верхом сидели другие колдуны из его клана. Вскоре появился и Добрыня со своей старшей дружиной. По правую руку от него ехал Сигурд, по левую руку – колдун Богомил – глаза и уши вождя Усыни в Новгороде. Рабы тащили в руках вёдра с водой для священного омовения жертв. Купала был речным богом, и вода играла важнейшую роль в

культе его почитания. Говорили, что Купала – это огромный двухголовый змей, который обитает в реках, более того, он и создаёт эти реки, когда ползёт по земле. Вторая голова была там, где был хвост, таким образом, бог мог видеть в обе стороны. Но обитал он в огромной реке, которая опоясывала весь мир и называлась мировым морем, из него вытекали все остальные мировые реки, в него же эти реки и возвращались или уходили под землю.

Простые горожане собрались вокруг площади, залезли на крыши и на заборы, теснились и толкались, чтобы пробиться поближе к церемонии. Вскоре чародеи запели, и их пение больше походило на нечленораздельное мычание и дикие выкрики, которые, однако, оказывались весьма мелодичными. Началось торжественное омовение жертв. Рабов и пленных раздели донага и облили водой из вёдер. Затем на одного из рабов вылили целое ведро молока. Это была первая жертва. Вождю Усыне подали копьё, и, не слезая с коня, он одним ловким движением проткнул сердце жертве. Кровь тут же окрасила тело несчастного и землю под ним. Но всей крови не дали пролиться на землю, её аккуратно собрали и понесли к реке, чтобы напоить ей Купалу. Принесли жертву и Перуну, чтобы почтить заодно и верховного бога. Колдуны вели себя в Новгороде, словно хозяева. Борис Вольга заметил, что один пеший чародей в толпе всё время морщится, когда видит, как убивают людей. Как выяснилось, это был волшебник-оборотень из клана Волка, по имени Радогость. Он не покорился колдунам и теперь на шее его была верёвка, другой конец которой держал чародей. Наверняка, оборотня не собирались убивать сегодня, но колдуны хотели, чтобы он видел смерть своих братьев. Борис лично знал многих колдунов, с которыми перезнакомился, когда готовился к церемонии. Узнал он того, кто держал на привязи Радогостя и стал пробираться к нему через толпу.

Но тут дошёл черёд до лошадей Бориса. С печальным видом конюхи повели их на смерть. Только сейчас животные почувствовали что-то не ладное, принялись гарцевать, вырываться, фыркать ноздрями. Но было уже поздно, колдуны убили всех коней почти одновременно. И тут по городу пронёсся плач сотен женщин. На их глазах осквернялась святыня, такого спускать было нельзя. Народ стал напирать, кольцо вокруг площади сжималось всё теснее. Добрыня взглянул на Сигурда. Он хотел прочесть решимость в глазах скандинава, но прочёл лишь безразличие. Сигурд верил в своих богов, и его не беспокоили старые святыни Новгорода, которые сейчас публично осквернялись. Нет, Сигурд не поднимет меч против колдунов, но не пойдёт он и против народа. Дружина с тревогой ожидала приказа Добрыни, а он никак не решался отдать приказ разогнать толпу, он опасался Сигурда. Сигурд и его дружина не станут убивать безоружных, более того, могут помешать сделать это другим дружинникам. И тут из народа выскочило несколько молодцов с дубинами на перевес и принялись избивать тех, кто напирал на колдунов. Среди них можно было узнать отчима Садка – Волрога и его старшину – Чурилу из Людина конца. Они буквально рассекли толпу надвое, образовав большой проход, который стали заполнять вооружённые колдуны. Толпа поняла, что не сможет отбиться и начала разбегаться. Во всеобщей суете никто не разобрал, как Борис уводит за собой волшебника Радогостя. Вождь колдунов меж тем подъехал к Добрыне, лицо его выражало недовольство.

– Сколько лет уже, Добрыня? – гневно спросил Усыня, – сколько лет ты уже правишь в Новгороде, но до сих пор не вырвал корни старой веры, до сих пор ты не уверен в своей дружине. Что ж, так и быть, я помогу тебе. На этот раз я останусь в городе и буду чинить расправу. И ты мне поможешь, а также и ещё кое-кто. Эй, людин, подойди ко мне!

Последние слова были обращены к Чуриле, и людинский вождь отложил дубину и покорно подошёл к колдуну и поклонился ему в пояс.

– Ты и твои люди хорошо помогли нам сегодня, – произнёс вождь, – за это вы будете щедро награждены.

И двое рабов подошли с дорогими мехами в руках и бросили их к ногам Чурилы. Люди старшины тут же стали разбирать эту гору звериных шкур и утаскивать с собой.

– Благодарю, владыка, – обрадовался старшина.

– Что ж, Чурила, хочешь ли ты служить мне и в дальнейшем? Помогать мне чинить расправу над староверами, очищать этот город?

– Буду очень рад, владыка.

– Что ж, тогда ступай. Раздели меха между собой и своими людьми, и сегодня можете отдыхать. Завтра же с позволения Добрыни мы начнём наводить здесь порядок.

Чурила радостный отправился домой, а Добрыня, с трудом сдерживая гнев, подошёл к вождю колдунов.

– Ты, вождь, выходит, заранее сговорился с этим сбродом? Не ожидал я от тебя такого. Что ж, ты и дружину мою будешь так «очищать»?

– Конечно, с дружины мы и начнём. Ведь, как известно, рыба гниёт с головы.

Добрыня уже пожалел, что всё это время призывал Усыню в Новгород. Город мог расколоться, и снова мог зазвенеть вечевой колокол. Вече, конечно, мало пугало Добрыню, он в любом случае оставался верховным волхвом, но народ мог избрать нового князя или посадника, который перетянул бы власть на себя. А ведь официально в Новгороде ещё не было посадника, который должен был замещать воеводу Добрыню, когда тот уезжал собирать дань. Каждый раз Добрыня назначал временного посадника из числа бояр на эту должность. И вот теперь город начинал ускользать из рук воеводы и переходить в руки колдунов и сброда из Людина конца – людям, официально вообще не занимавшим никаких должностей и совершенно не зависящих от славянского вече. Это могло разозлить народ и нарушить и без того хрупкий баланс. Вскоре полилась боярская кровь. Колдуны при помощи Чурилы и своих лазутчиков выискивали тех, кто сохраняли лояльность старой вере или поддерживали связь с волхвами. Несчастных забивали насмерть дубинами и топили в реке. Не трогали пока только викингов, ведь их вера не имела никакого отношения к волховской, а бог Тор был даже очень похож на Перуна. К тому же, Сигурд был единственным человеком, которого в Новгороде боялся вождь Усыня.

Волрог в те дни приходил домой невероятно уставшим. Ему хватало сил лишь на то, чтобы напиться браги и поесть перед сном. Не было сил даже, чтобы надавать подзатыльников своим детям, в особенности Садку, не было времени ласкать свою жену. Ему хотелось лишь сытно есть и быть всегда в тепле, но за это приходилось платить слишком дорогую цену и быть виновником ужасной расправы над теми, кто всегда считались лучшими в Новгороде. Даже грубая душа разбойника страдала от этого зрелища, и потому он пил как можно больше браги, чтобы ночью в тёплой избе почувствовать себя, наконец, в безопасности. Волрог нередко хвастал тем, как бил боярина или вместе с другими казнил его, но хвастал лишь для того, чтобы получить у других одобрение. И он получал его сполна от таких же, как он, которые наедине с собой презирали себя. Но, слава богам, расправа над боярами продлилась недолго. Колдуны были вынуждены внезапно покинуть Новгород. Пришёл гонец из Киева, принёс вести о том, что родимичи взбунтовались. Это случилось как раз через четыре года после крещения Киева и Новгорода в новое язычество. За два года до этого бунтовали вятичи, и унимать их ездил вся чародейская дружина, возглавляемая лично князем Владимиром. Теперь пришёл черёд родимичей. Для этого и была создана чародейская дружина, это были её прямые обязанности. И вот четырём великим кланам предстояло вновь соединить свои силы. И как не хотел Усыня укрепить свою власть в Новгороде, он вынужден был подчиниться. Добрыня же вздохнул с облегчением.

Глава 6.

Кузнец и оборотень.

Борис Вольга ушёл ещё до конца церемонии и не один. С собой он увёл и пленного чародея – Радогостя. Ему удалось договориться со знакомым колдуном и выкупить оборотня на свободу. Лишь на следующий день Борис узнал, что колдуны решили остаться в городе и начать расправу. Теперь боярин в числе первых попадал под подозрение, поскольку не пожалел даже собственных средств ради спасения опального чародея.

– Зачем ты выкупил меня из плена? – спрашивал его меж тем Радогость.

– Чародеи рождаются не для того, чтобы быть рабами, разве нет? – вопросом ответил ему Борис.

– В наше время рабом может быть каждый, боярин, уже нет прежнего уважения к мастерам высшего искусства.

– И всё же, ваше искусство ещё нужно людям. А мне нужно твоё. Но я не хочу, чтобы ты был моим рабом. Будь моим гостем. Раздели трапезу со мной и моей семьёй.

И Радогость сел за стол вместе с Борисом Вольгой, его женой и юным сыном Святославом. Угощение было воистину щедрым, и чародей остался доволен. Давно уже его не кормили так хорошо. Трапезу они провели за доброй беседой, и лишь на следующий день в их дом прокралась тревога.

– Тебе нужно уходить, – говорил наедине Борис своему гостю, – иначе тебя снова схватят, а вместе с тобой и меня.

– Но ты не хочешь, чтобы я уходил?

– Ты – свободный человек, я уже говорил тебе это вчера.

– И всё же я перед тобой в долгу. Как тебе отплатить?

– Дружбой. Как своей, так и клана Волка, – отвечал тут же Борис.

– И всё же, боярин, ты спас меня из рабства не только ради дружбы. Это ради твоего сына. Мальчик ведь чародей, верно?

– Да, говорят, в нём есть сила, – отвечал Борис.

– Но в тебе нет чародейской силы, я это вижу. Значит, его мать...?

– Она ведьма, – отвечал Борис, – когда-то она исцелила меня от болезни, я полюбил её и сделал своей женой. Судьба распорядилась так, что из всех богов мой сын Святослав больше всего почитает Симаргла – покровителя шутов и оборотней. Шутом ему быть не пристало, но, видимо, боги хотят, чтобы он постиг мастерство оборотня.

– Многие называют это мастерство проклятием, – мрачно отвечал Радогость. – Оборотни – это единственные существа, неуязвимые для укуса упыря, но плата за это слишком высока. Они сами во многом уподобляются кровососам. Ведь их предназначение – охота на упырей. А когда долго всматриваешься в бездну, бездна начинает смотреть в тебя.

– Я хочу, чтобы у моего сына была защита от чародеев. Колдуном он быть не может, поскольку он не чистокровный, волхвы нынче не в почёте, остаются только оборотни. Прошу, Радогость, возьми его к себе в ученики. Я дам тебе всё, что ты попросишь. Я – богатый человек, я щедро заплачу. Пусть он будет проклятым, но живым, чем если мой род прекратится на нём.

– Что ж, быть по-твоему, – согласился Радогость, – но не сейчас. Я приду осенью, и мы уйдём с твоим сыном, а осенью следующего года мы вернёмся, и либо он станет волкодлаком, как я, либо останется человеком. Верь мне, ведь я твой должник.

– Я верю тебе, Радогость, и даже отдам тебе своего коня в дорогу.

– Благодарю, Борис, но не стоит. Кони боятся оборотней, мы ездим верхом только на таких, которые привыкли к нам и не боятся дремлющего в нас хищника. Не торопись с опла-

той, боярин, с этим мы разберёмся потом, если я вернусь осенью следующего года, выполнив работу. Сейчас же лучше спрячь мальчика где-нибудь в деревне.

Борис послушался совета Радогостя и отправил сына в хутор, из которого родом была и его жена. Рыжеволосая зеленоглазая ведьма Светорада, не смотря на возраст, была очень хороша собой, и потому муж всегда очень ревновал её. Ревность подогревал тот факт, что кроме Святослава она не родила ему детей, а ведьмы, как известно, знали секрет зелья против зачатия, которое позволяло им участвовать в оргиях без риска забеременеть. Женщин-чародеек называли просто ведьмами, поскольку они ведали и тёмными и светлыми чарами. Правда, были у них и те, которые считались особыми знатоками тёмных чар, их называли феями. В хуторах ведьмы были очень важны, поскольку чаще всего были повитухами. Светорада тоже нередко принимала у женщин роды, даже когда уже стала женой дружинника. Других жён Борис не имел и был верен своей единственной, отчего про него ходил слух, что ведьма-жена околдовала его приворотным зельем и привязала к своей юбке. Вообще, ведьмы редко выходили замуж, чаще всего за волхвов. Для колдунов ведьмы редко становились жёнами, были лишь отменными любовницам, но детей своих всегда оставляли у себя и воспитывали сами. Нередко их похищал какой-нибудь колдовской клан, чтобы чародейки рожали ему чистокровных колдунов. Здесь дети принадлежали отцам, если они были мальчиками, если же были девочками, поселялись среди рабов и женщин, чтобы вырасти и стать жёнами клана. Ревности колдуны не знали, и потому делили своих жён между собой. В случае необходимости при помощи особого обряда всегда можно было доказать, что ребёнок был рождён от колдуна этого клана и является чистокровным. Дети-мальчики здесь считались общими детьми клана, подростками они должны были выбрать себе взрослого наставника, который своей любовью и примером должен был обучить их чародейскому мастерству, а позже инициировать и тем самым ввести в клан. Были, правда, такие ведьмы, которых не похищали даже колдуны, а лишь побаивались их и люто ненавидели. Это и были феи. Они ненавидели мужчин и в особенности мужчин-чародеев, которых всегда мечтали превзойти. Но, поскольку сами они это сделать не могли, то всегда делали это чужими руками. Феи внушали мужчинам несбыточные мечты и превращали их в своих рабов, нередко тоже самое они делали с упырями, и эти неуправляемые кровожадные существа вдруг становились ручными. Не было для колдуна большего несчастья, чем влюбиться в фею и не было для феи большей удачи, чем, притворяясь простой ведьмой, поймать в свои любовные сети настоящего чёрного чародея или волшебника.

Село, в котором был спрятан Святослав, находилось совсем рядом с Людиным концом, и потому сын Вольги не редко бегал туда к своим товарищам и проводил с ними время. А в Людином конце меж тем разгорались нешуточные страсти. Пролитая людьми Чурилы кровь знатных людей во многих пробудила бунтарский дух. Чурила убивал тех, кого всегда считали авторитетом, и из-за этого среди молодёжи падал авторитет и самого Чурилы. Творилось чёрти что. Юные сыновья бросали вызов своим отцам и либо погибали, либо даже выходили победителями в поединках и убивали тех, кто дали им жизнь. Рядовые ополченцы открыто высказывали Чуриле недовольство своей долей и тем, как он делит добычу. Чурила с трудом удерживал свою власть и воистину в ту пору он был невероятно жесток к своим людям. Для тех, кто выступал против него, старшина придумывал ужасные изощрённые казни, лично сдирав прилюдно с них шкуру, отрезал языки, а самых нерадивых привязывал к двум согнутым к земле деревьям так, что когда деревья распрямлялись, то разрывали на части привязанного. И всё же, не смотря на эти ужасы, против Чурилы выступил нелюбимый его сын, давно затаивший на него злобу – Потамий Хромой. Пошёл слух, что Потаня хочет бросить вызов старшине, одолеть его в поединке и занять его место. Но среди окружения Потамия далеко не все были его друзьями и выдали отцу замысел сына. Тогда Чурила приказал верным себе друзьям Потамия схватить его и привести к себе. Эта задача пала на плечи братьев Сбродовичей – старых товарищей сына старшины. Они прилюдно отреклись от Потамия, избili его и после того, как от

него отказался и Чурила, выбросили в реку. Весь в синяках и ссадинах хромой сын Чурилы выплыл из реки и направился напрямиком к дерзкому мальчишке – Василию Буслаеву. Вечером, в тёмном хлеву, лёжа на соломе, Потамий изложил боярскому сыну свою просьбу.

– Многие из людей Чурилы ещё на моей стороне, если я позову, они придут ко мне. И тогда мы вызовем на кулачный бой при свете дня братьев Сбродовичей и отомстим им за предательство. У тебя есть своё братство, все это знают, хоть никто не воспринимает вас в серьёз. Это твой шанс, Вася, заявить всем о себе. Мы одолеем их, мы справимся, я знаю.

– Идти против Чурилы – это самоубийство, – отвечал Василий, – не для того судьба сохранила меня до сего дня, чтобы я так глупо погиб.

– Ты же боярский сын, Симаргл тебя побери. А Чурила наносит оскорбления боярам. Я не прошу тебя соперничать с Чурилой, это было бы действительно глупо, ведь у тебя ничего нет. Но мы можем через братьев Сбродовичей нанести ему оскорбление, показать силу. Или ты всю жизнь хочешь гнуть спину в кузнице, Вася?

– Мне нужно посоветоваться с братством. А ты пока спи, отдыхай, тебе нужно восстанавливать силы.

А на следующий день Василий Буслаев стал собирать в тайном месте шутовское братство. Первым пришёл Садко, держа в руке гусли, с которыми он в последнее время расставался только для того, чтобы упражняться в стрельбе из лука. Пришёл Костя Новоторжанин, который вместе с отцом уже окончательно обратился в веру Христа и привёл вместе с собой двух своих новых друзей – евреев Моисея и Луку. Святослав радовался, что наконец-то сможет использовать своё чародейское ремесло, в котором он иногда тренировался, и даже научился чародейскому взгляду: смотрел человеку в глаза и отнимал у него через взгляд силу. Наконец, появился и Потамий с немногими своими товарищами, что откликнулись на его призыв. Но, увидев сборище мальчишек, они лишь рассмеялись. Новые друзья Потамия казались им ещё детьми, хоть Василий и показал уже себя в драке. Пуще всего смеялись над уже тогда горбатым мальчишкой Хомой, который к тому же был худощав и казался совсем немощным. Пожалуй, эти две компании набросились бы друг на друга, если бы Василий и Потамий их не остановили бы и не примирили. И вот вся эта компания решила дать бой Сбродовичам, рассчитывая на то, что Чурила не явится лично биться против каких-то мальчишек, почти детей. Нужно сказать, их расчёт оправдался, и вот, вся эта компания пошла по улице, смеясь и расталкивая прохожих. Вскоре им на встречу вышла другая компания, в два раза больше. Две дюжины против полутора. Но Василий не замедлил шагу, а шёл так же решительно в атаку, даже ускорил ход и потому первым встретился с вожаком людей Чурилы – Климом Сбродовичем. Клим малый был крепкий и старше Василия, но всё равно слаб супротив него. Одной рукой Василий схватил его грудки, и, не обращая внимания на удары врага, нанёс ему меткий мощный удар. Клим ослаб и ко всеобщему удивлению рухнул на землю. Это подбодрило шутовское барство, а сын Буслая, сплюнув кровью из разбитой губы, прокричал, делая свой подростковый ломкий голос как можно грубее:

– За мной, братцы!

И началась великая кулачная драка. Василий дрался сразу с тремя врагами. Один обхватил его сзади за шею, а два других лупили, что было сил. Но уложить Ваську они так и не смогли, вскоре он раскидал их и сбросил того, что висел у него на шее. Глаз его был сильно подбит и уже начинал заплывать, второй глаз увидел Костю Новоторжанина, которого враг повалил на землю и со злобным криком избивал. Василий бросился на помощь к другу, и недюжинная сила его словно удвоилась. Лука и Моисей в это время нападали по двое, стараясь с двух сторон окружать противников и, нанося множество ударов, сбивать с ног. Хома Горбатый проявил невиданную для себя силу и упрямство. Уже два раза вражеский кулак сваливал его на землю и два раза, сплёвывая кровь, он поднимался на ноги. Потамий Хромой из-за старых ран бился плохо и с трудом сумел повалить одного противника, с которым теперь катался в

пыли и грязи. Садко падал даже когда его не били, будто бы специально, перекатывался как колобок, кривлялся, дурачился и снова шёл в атаку. Когда и здесь терпел неудачу, снова перебежал и перекатывался в другое место и пробовал силы там, пока вдруг не оказался зажатым между трёх врагов. Но тут непонятно откуда появился Святослав и взглянул прямо в глаза мальчишке, отчего тот застыл, как вкопанный, и Садко тут же набросился на него со спины, обхватил за шею и принялся душить. Святослав же взял на себя двух остальных. Враги падали, они теряли силы, во многом из-за того, что недооценили своего противника. А вскоре оказалось, что единственным, кто ни разу не падал на землю, был Василий Буслаев. Лицо его было разбито, глаз почти полностью заплыл, но пудовые кулаки снова и снова наносили мощные удары, которые сваливали опытных бойцов и заставляли отступать. Тогда Василий удивил и друзей, и врагов. Садко вдруг начал кричать, что в Василия вселился сам Симаргл и сделал его непобедимым, и в это трудно было не поверить. Боярский сын сражался неистово и при этом весьма проворно. Наконец, на земле оказались уже почти все. Потамий окончательно выбился из сил, на него, как на подушку головой лёг Костя Новоторжанин. Даже Хома Горбатый свалился без чувств, а Лука и Моисей, переводя дух, сидели на земле спина спине. Садко и Святослав шли вместе. Святослава едва не запинали, но его спас Садко, который с такой силой ударил врага, что тут же сломал себе кисть руки. Теперь оба сидели рядом на земле и не могли отдышаться. И только Василий ещё стоял на ногах и сражался против двух врагов, которые при этом были старше его. Все троя выдохлись и методично, без всякой тактики наносили друг другу удары по голове. Вот один из врагов свалился, и Василий остался с недругом один на один. Два мощных удара они нанесли друг другу одновременно, и одновременно повалились на землю. Но противник Василия свалился навзничь, а сын Буслая упал только на одно колено. Он был страшен в тот миг. Красивое боярское лицо было не узнать от крови и ран, казалось вот-вот он свалится на землю. Все, кто были в сознании, затаили дыхание, а затем услышали дикий, совсем не детский крик.

– Сима-а-аргл!

И Василий поднялся на ноги. Это была победа. Он смотрел на поверженных врагов, лежащих у его ног и в этот миг воистину впервые в жизни чувствовал себя непобедимым. Позже сын Буслая ещё долго будет вспоминать этот миг победы после долгой и изнурительной схватки, победы безоговорочной и такой желанной.

– Волхва бы сейчас, – стонал Садко, потирая сломанную кисть.

– У моей матушки есть целебные отвары, – предложил Святослав Вольга, – но в таком виде мы к ней не пойдём.

– Это уж точно, – расхохотался в ответ Садко.

И все мальчишки из шутовского братства вдруг разразились неистовым гомерическим хохотом. Те, что приходили в сознание, глядя на других, заражались их смехом.

– К матушке всё-таки сходи, – через смех заговорил Василий, – возьми отвара. Нужно подлечиться, и этих тоже нужно подлечить, – кивнул он на поверженных Сбродовичей.

– Тебе, Вася, видимо, одной драки мало, – съязвил Садко.

Но Святослав, будучи так же боярским сыном, понял благородство Василия и поспешил с риском для себя в деревню. Мало победить врага силой, нужно уметь покорять врагов своим милосердием. Святослав был на коне, и потому вернулся быстро. Василий напоил отваром друзей, угостил им и врагов. Но теперь они не были врагами, они вдруг прониклись уважением к Василию и благоговением перед ним. И некоторые даже примирились с Потамией. В частности, и Клим – старший из братьев Сбродовичей. А Василий, следуя всеобщему бунтарскому духу, стал уже всерьёз вынашивать замысел борьбы против Чурилы, на что никто из куда более опытных старшин Людина конца никак не отваживался. Возможно, к счастью, Василий тогда не успел приступить к осуществлению своего замысла, поскольку его братство уменьшилось в числе. Святослав уехал вместе с Радогостем учиться чарам оборотня. Костю, Луку и Мои-

сея родители заперли в домах и заставили молиться богу о прощении. Никита Новоторжанин постоянно ходил с сыном в церковь и старался теперь никогда не упускать его из виду. Дерзкие дети навлекли на себя большую опасность, и кто знает, чем это могло им аукнуться в дальнейшем. К тому же, христиане смотрели на все местные обычаи, даже на языческие верования аристократии, как на дикость, и хоть не открыто, но высмеивали их. Христианство пришло из земли ромеев, из Римской Империи, где все кичились своей богатой и великой историей. Разумеется, свою религию они считали самой цивилизованной. Никита Новоторжанин не долго присматривался к новой вере и вскоре крестился. Нельзя сказать, что он был сильно верующим, говорил лишь, что единый бог лучше и проще, чем много богов. Другое дело его сын – Костя, который был ещё совсем юн, и потому новая вера по-настоящему очаровала его. Он уверовал глубоко и всем сердцем. Костя владел грамотой и потому много времени проводил за чтением священных текстов, переведённых на русский. Про что не мог прочитать, спрашивал у священников и каждый раз дивился логичности и красоте этой веры. Но почти все друзья Кости из шутовского братства были язычниками, и потому он не оставлял свои попытки обратиться их в свою веру, а в первую очередь – Василия. Однако сын Буслая был упрям и не поддавался. Зато другие сорвиголовы из братства увлеклись новой верой. Потамию Хромому она показалась очень даже интересной, и он даже принялся обучаться грамоте. Правда, времени на это у сына Чурилы теперь было немного, поскольку он нынче жил отдельно от отца, в старой покосившейся избёнке и вынужден был постоянно искать себе пропитание, промышляя не редко разбоем. Христианская идея всепрощения притягивала к себе лиходеёв Потани. Ни одна религия ничего подобного обещать не могла. Волхвы могли простить многое, колдуны не прощали ничего.

А Святослав Вольга меж тем был уже далеко от города, блуждал с малознакомым чародеем, который теперь был его наставником в чародейском ремесле. Уже исчез за горизонтом Новгород, а путников поглотила густая лесная чаща. Когда на улице стало темнеть, Радогость принялся разводить костёр, его ученик набрал сухих веток. Наконец, небо заволкло тёмной пеленой, а вдали послышался вой волков.

– Ты понимаешь, что они говорят? – спрашивал Радогость.

– Говорят? – удивился Святослав, – они же просто воют.

– Я слышал, ты умеешь влиять на животных и даже использовал свои чары против людей. Хотя, люди из толпы слабы духом, и не нужно большого искусства, что их зачаровать. Но чтобы поистине управлять животным, нужно понимать его. Особенно понимать волков. Я слышу в их голосе тоску, потому что у них мало друзей и много врагов. Слишком много врагов. А знаешь, кто главный враг хищника?

– Другой хищник, более сильный, – предположил юный Вольга.

– Сильный хищник – это враг, но не главный. Главный враг хищника – падальщик, предатель, клятвопреступник. Тот, кто нападает со спины и всегда толпой. Он нигде, но в то же время повсюду, он один, но их всегда много. Кто жив, но в то же время уже и мёртв.

– И кто же это, наставник?

– Это упыри. Упырям нельзя верить, они всегда нарушают данные слова. Но они мастера в искусстве лжи. Они легко могут внушить тебе жалость к себе, но они всегда тебя обманут и предадут. Потому что такова их природа, и поэтому мы их истребляем. Каждый человек и чародей что-то создаёт или организовывает, защищает, лечит больных, кто-то что-то создаёт. Но упыри ничего не создают, они даже бесплодны и не могут оставлять потомства, они могут только потреблять, пить кровь и обращать через укусы всех в свой проклятый род. Они только забирают, но не отдают, они разрушают, но не создают. Люди и чародеи и отдают, и забирают. Упырь может покусать тебя и выпить твою кровь и при этом не убить. Если он оставит тебя в живых, ты почувствуешь сильный недостаток крови в теле и страшную жажду. Вода не поможет утолить эту жажду, сколько бы ты её не пил. Покой наступит, когда ты отведаешь чужой крови.

Не так важно, чья это будет кровь: коровы, птицы, ящерицы или другого человека, который скорее всего умрёт от укуса новообращённого. Если ты выпьешь крови, то станешь упырём, и жажда будет преследовать тебя всю жизни, если перетерпишь, умрёшь человеком. Таков закон. Мы верим, что после смерти люди становимся теми, кем умерли. Если ты умрёшь рабом, после смерти станешь рабом, если умрёшь свободным, навечно обретёшь свободу. Если ты умрёшь человеком, не испив чужой крови, в посмертии ты будешь человеком. Но если ты станешь упырём, то когда-нибудь ты всё равно умрёшь, но тогда в посмертии ты не станешь никем, точнее, станешь мёртвым предметом, вещью. Поэтому, если когда-нибудь перед тобой станет выбор, стать упырём или умереть, лучше выбери смерть, как выбирают очень многие достойные. Ты ещё обязательно столкнёшься с упырями, если ты действительно хочешь стать волком.

– Да, я хочу этого, – отвечал Святослав, – а откуда взялись упыри?

– О, есть старое поверье, – отвечал Радогость, – ещё до того, как появились волхвы и вера в богов, на земле было лишь два вида чародеев: упыри и берегини. Берегинями были как живые, так и уже умершие чародеи, покровительствующие живым. Иногда их ещё называли шаманами, они обращались ещё не к богам, а к духам, которые были неотделимы от природы. Берегини были детьми природы, покровителями всего живого, главной целью жизни такого шамана было – самому стать духом, служить и охранять природу. А вот упыри природу разоряли, уничтожали всё живое и потому издревле они были прокляты. Берегини считались дикими жителями леса, а вот упыри были домашними животными, которые вели образ жизни скота. Люди поклонялись и тем и тем, благодарили берегинь и приручали у себя упырей. Но затем одна из сил нарушила равновесие. Сейчас уже доподлинно неизвестно, кто сделал это первым. Упыри стали нападать, не только чтобы утолить свою жажду крови, они стали забирать людей в плен и делать из них таких же упырей. Шаманы же разделились на разные кланы, одни из которых стали заниматься исключительно светлыми чарами, их поначалу называли волхвами, другие взялись за тёмные, став колдунами. Колдуны истребляли упырей, но волхвы научились поработать кровососов и использовать в своих целях. Правда, упыри сами по себе неуправляемы, и жажда крови никогда не позволяла им стать хорошими друзьями чародеев. Появились среди волхвов и волшебники, которые научились объединять между собой светлые и тёмные чары. Волшебники эти могли и поработать и истреблять упырей. Среди них выделились оборотни, которые научились входить в звериную шкуру и в таком образе были недоступны для укуса упыря. Но сейчас на волхвов и многих волшебников идут гонения. А это значит, что скоро некому будет обуздывать упырей, их будут только убивать. Но из-за такой опасности кровососы могут сплотиться и стать гораздо сильнее, чем они есть.

Казалось, Радогость хотел за одну ночь рассказать своему ученику все чародейские тайны. Святослав слушал внимательно и очень долго боролся со сном. Однако ночь вскоре взяла своё, и юный ученик стал засыпать под треск дров в костре. Лесной воздух был чист как нигде. Здесь кипела естественная жизнь, и вся суэта городской жизни быстро забывалась. Юный Святослав заснул так крепко, как не засыпал уже давно, и Радогость даже завидовал его крепкому молодецкому сну. Когда же юноша проснулся, то от неожиданности даже отшатнулся. Прямо перед ним стоял огромный лесной волк. Он стоял неподвижно, и, казалось, даже не смотрел на человека, и всё же Святослав достал кинжал из складки одежды. Однако, едва он моргнул глазами, как волк исчез и на его месте появился Радогость. От удивления у Святослава отвисла челюсть, он впервые увидел такое.

– Запомни, – заговорил его наставник, – мы не превращаемся в зверей, мы просто надеваем на себя шкуру зверя, его ауру. Для этого мы и будем учиться их понимать. Аура волка даст тебе защиту, которую не сможет прокусить упырь, но в глубине под этой чародейской бронёй ты всё равно остаёшься самим собой.

После завтрака они продолжили путь. Радогость шёл уверенным шагом, будто бы шёл к известному месту. И вот они внезапно оказались в самом волчьем логове. Святослав мог воздействовать чарами на одного или двух зверей, но их здесь было множество.

– Твои чары здесь не помогут, – произнёс Радогость, – но не бойся этих белых волков, просто делай как я.

И чародей опустил на одно колено. Святослав ничего не понял, но сделал тоже самое. Один из белых волков пошёл к ним навстречу, затем вдруг, не останавливаясь, встал на задние лапы и обратился человеком, одетым в балахон из мешковатой ткани. Его беловолосая голова в форме тыквы не была покрыта головным убором, волосы были короткие, на лице не было растительности. Само лицо имело в себе какие-то волчьи черты, было немного вытянуто, имело длинный тонкий нос и лукавый хищный взгляд. Он изменился за эти годы, и всё же Святослав его узнал. Это был тот самый чародей, что принёс в жертву Буслая, когда это отказался сделать Усыня.

– Приветствуя тебя, Вахрамей, вождь белых волков, – проговорил Радогость.

– Приветствую тебя, Радогость из клана Серого Волка, – отвечал ему чародей, – что занесло тебя в такую даль от Новгорода и твоего клана?

– Я веду своего ученика к себе в клан, но сначала он должен сразиться с волком.

– Что ж, ты чтить обычаи, это похвально, – проговорил Вахрамей, – а я недавно был в Киеве, помогал князю собрать дружину для подавления бунта родимичей. Теперь мой путь лежит на восток.

– Уж не в Новгород ли ты собрался, владыка?

– Нет, в Новгород мне пока рано. В Новгороде всё спокойно, а вот к востоку от Новгорода может случиться неладное, необходимо моё присутствие.

– Упыри? – настороженно спросил Радогость.

– Да, упыри. Особенно меня беспокоит один из них, очень сильный, из древних. Я даже не уверен, что быстро настигну его, но его необходимо изловить.

– Что ж, удачи тебе, Белый Волк, если бы я мог, я пошёл бы с тобой.

– Благодарю за отзывчивость, Радогость, но в этом нет нужды. Я чувствую, что буду долго искать его следы, это отняло бы у тебя много времени. К тому же, я не хотел бы отрывать тебя от твоего клана и юного ученика.

Радогость кивком головы поблагодарил его.

– Что ж, прощай Радогость Серый Волк.

– Прощай, Вахрамей, Белый Волк.

И вождь снова обратился волком, и пошёл дальше, а все прочие волки последовали за ним.

– Почему они расхаживают в образе волка? – спросил Святослав.

– Волки гораздо выносливее людей. Они проходят огромные расстояния. Если бы ты мог обращаться, мы бы тоже не разгуливали в человеческом облике, и мы уже давно были бы хуторе нашего клана.

– А что значит «древние упыри»?

– О, от тебя ничто не ускользнуло, мой ученик. Упыри делятся на касты: древние, волшебные и простые. Древние – это высшая каста, те, что прожили дольше 300 лет, они очень опасны. Но я уверен, Вахрамей с ним справится, ведь он по праву считается одним из сильнейших оборотней.

– Скорее одним из самых коварных, – ухмыльнулся юный Вольга.

Тогда Святослав не задал наставнику главного вопроса, про который просто забыл. Что означал грядущий поединок с волком, о котором говорил Радогость? Видимо, это была какая-то традиция оборотней, известная только им.

– Упыри оставляют за собой следы, – говорил вечером у костра наставник, – это есть следы ауры, невидимые для простых людей. По ним мы и выискиваем кровососов. Некоторые, особенно древние, очень хорошо могут скрывать свои следы. Так же их можно найти по следу их жертв. Животные или люди с покусанными шеями и выпитой кровью – это жертвы упырей. Но будь осторожнее, иногда сильные упыри специально оставляют следы, чтобы заманить оборотня в ловушку. Опытный оборотень умеет отличать следы, оставленные случайно о тех, что оставляются намеренно.

Святослав снова заснул у костра под убаюкивающий голос наставника. Утром же, когда он проснулся, то не обнаружил рядом с собой Радогостя, и был очень встревожен. Кинжал юноши был под рукой, и он готов был дать отпор любому внезапному врагу. Вскоре послышался хруст веток. Кто-то приближался, но он был не один. Святослав увидел Радогостя в компании серого волка.

– Это волк-одиночка – пояснил наставник, – я нашёл его у водоёма и наложил на него свои чары. Теперь он безобиден, но только для меня.

– А для меня? – забеспокоился Святослав, и сердце его заколотилось в тревожном предчувствии.

– Тебя он попытается убить, – отвечал Радогость, – я прикажу ему. Это твоё испытание.

– Но если я погибну? Мой отец...

– Тогда тебе не бывать оборотнем. Я не взял плату с твоего отца, значит, я ничего ему не должен. Я не обещал ему, что ты вернёшься домой живым. Что ж, пора.

Святослав хотел ещё что-то сказать, но вскоре понял, что время для слов прошло. Волк яростно оскалился и набросился на юношу. Вольга не упал, он был прижат к дереву и обеими руками держал зверя за шею. Он смотрел прямо в алчущую плоти волчью пасть, переполненную белыми клыками. Нож лежал в складке одежды, но чтобы достать его, нужно было одной рукой отпустить волка, а это означало мгновенную смерть для юного чародея. Святослав попытался наложить на зверя чары, но того защищали чары Радогостя. Положение казалось безвыходным. Вольга терял силы, он слабел. В какой-то момент он понял, что в любом случае его кровь прольётся. Нужно было смириться с тем, что придётся испытать страшную боль, пожертвовать своей плотью, чтобы сохранить всё тело. И Святослав сунул левую руку прямо в волчью пасть, и, держа его правой рукой за шерсть, повалился на него всем весом. От боли Вольга вскрикнул, но не ослабил хватку. Боль в руке казалась невыносимой, но чародей знал, что если ослабит хватку и вынет руку, то погибнет. Свободная рука его достала клинок. Зверь пытался высвободить свою пасть для новых смертоносных укусов, но в следующий миг проскулил от боли, а шерсть на его животе окрасилась в красный цвет. Вслед за первым ударом ножа последовал второй. Вольга кричал, будто бы это уже он был диким зверем, не чувствующим боли. Но он чувствовал боль, которую, однако, заглушал неистовый гнев и ощущение победы. Никогда ещё Святослав не чувствовал себя таким живым, как сейчас. Он смотрел на умирающего от ран волка, которого он одолел в схватке насмерть, и как никогда понимал цену своей жизни.

– Смотри в его глаза, – говорил Радогость, – используй чары, его аура после его смерти перейдёт к тебе.

Вольга сделал, как велел ему наставник и забрал у зверя остатки его жизненной силы. Волк погиб, а Святослав оскалился и зарычал, теперь часть этого волка навсегда поселилась в нём.

Глава 7.

Меткая стрела.

Потеряв на время своих верных друзей и соратников, Василий на долгое время остался один и вынужден был в одиночку отдуваться за дерзкую выходку, которую предприняли они вместе. Ещё до того, как вместе с Радогостем отбыл Святослав, вождь шутовской братчины потерял ещё одного товарища – Садко Волрожича. Случилось это так. После драки с братьями Сбродовичами Садко несколько дней не появлялся дома, справедливо опасаясь, что ему попадёт от отчима – верного друга Чурилы. Кисть у мальчишки была сломана после драки, что постоянно причиняло ему неудобства и страшную боль. Но больше всего его огорчало то, что он не мог теперь так же стрелять из лука, как прежде. Он давно уже изготовил себе лук и стрелы и наострился в стрельбе, тренируясь чуть ли не каждый день. Садко радовался своей меткости и скорости, теперь же вынужден был держать лук сломанной правой кистью, а натягивать тетиву левой, из-за чего постоянно промахивался и никак не мог попасть в мишень, которой ему служил красная точка на стене деревянного сарайчика. В конце концов сломанная кисть устала, и раздосадованный Садко отшвырнул свой лук в сторону. Один из младших мальчишек, наблюдавших за ним, тут же побежал подбирать лук. Садко же уселся на кочке и не заметил приближения другой группы мальчишек. Среди них шёл рослый некрасивый юноша, с сухим чёрными волосами и небритым лицом. Щетина была длинной, но редкой, отчего лишь отдалённо напоминала бороду. В этом лице Садко с лёгкостью узнал своего старшего свободно брата Щегла.

– А, вот ты где, собака, – выругался он, – ты куда пропал, дурак? Отец люто зол на тебя, приказал тебя найти.

– Ну что ж, ты меня нашёл, – равнодушно отвечал Садко, – можешь идти и сообщить об этой своему отцу.

В ответ Щегол вместе с товарищами уничижительно расхохотался.

– Наш отец велел привести тебя, дурень. Так что пойдём.

– Он мне не отец. Мой отец – Симаргл. Он научил меня чарам, не ведомым ни одному смертному.

И с этими словами Садко встал с места и принялся делать странные жесты перед лицом Щегла и его дружков, будто пытался их околдовать. При этом он кривлялся и изгибался так, что никто из присутствующих не смог сдержать смеха, кроме Щегла, который, нахмурившись, неподвижно смотрел на него.

– Эх, видимо, сейчас я не форме, – пожал плечами Садко, когда понял, что его чары не действуют на других.

– Я пришёл сюда не для того, чтобы слушать твои дурацкие выдумки, – заговорил Щегол, – все уже сыты по горло твоими сказками. Думаешь, они кому-то интересны, думаешь, это смешно? Ты позоришь меня и своего отца.

И Щегол с силой ударил младшего брата кулаком по лицу. Нужно сказать, что прежде он был не так зол, но чем старше становился сын Волрога, тем становился грубее к своему младшему безумному брату, да и вообще становился всё более озлобленным и жестоким. От удара Садко свалился на землю, но вскоре поднялся на ноги. В руках он держал огромную сухую коровью лепёшку, которую швырнул и попал прямо в лицо Щеглу. Все, включая его друзей, разразились дружным хохотом. Щегол же буквально зарычал от ярости и, казалось, что вот-вот разорвёт брата на части. Садко побежал прочь и выхватил у младшего мальчишки лук.

– Не подходи! – ни то прокричал, ни то провизжал он.

– Или что? – злобно скалился Щегол, – выстрелишь в меня?

Садко вместо ответа наложил стрелу и принялся натягивать тетиву.

– Кто дал тебе лук, дурак? Тебе даже ложку деревянную опасно доверять. А ну брось, а то я тебе голову окручу.

Но в ответ Садко лишь повернулся к брату задом и шлёпнул себя ладонью ниже спины.

– Вот что сначала открути! – прокричал он. Щегол в ярости двинулся на наглеца, а Садко снова взял лук и с левой руки выстрелил. Он и не рассчитывал попасть, зная, что на время утратил свою меткость, надеялся лишь отпугнуть брата, унижавшего его на протяжении всего детства. Но как назло именно сейчас стрела угодила в цель, и не куда-нибудь, а именно в шею старшему брату. Глаза Щегла наполнились ужасом, он схватился за рану и, хрипя, упал на землю. Кровь хлынула из раны, изо рта. Садко застыл и от страха не мог пошевелиться. Друзья Щегла тут же пришли к нему на помощь, вынули стрелу, но это ему не помогло. Вскоре он перестал дышать и так и остался лежать в луже собственной крови. Не иначе как злой рок выпустил эту стрелу, которая в одночасье уничтожила обоих братьев. Садко, бледный, как мрамор, упал на колени.

– Ты чего наделал, дурак? – гневно закричал один из друзей Садка и двинулся на него. Его крик словно пробудил младшего брата, тот поднялся и снова угрожающе выставил вперёд заряженный лук.

– Как? Дурак, говоришь? Только тронь меня, собака. Пусть хоть кто меня тронет, всех поубиваю, будь то сам Чурила.

И мальчишки в страхе застыли. Они видели, как у Садка дрожат от волнения руки, да и, видимо, он сейчас дрожал всем телом, бешеными глазами он смотрел на мёртвое тело своего брата, погибшего от его руки и на его товарищей, и понимал, что его жизнь окончена.

– Тихо, тихо, успокойся, – принялись уговаривать его друзья Щегла. Они в страхе отступили, а Садко убежал прочь. Он помчался к реке, в тайное место. Голова кружилась, почва уходила из-под ног. Скоро, очень скоро его семья проклянёт его, а его родные братья, даже те, что относились к нему неплохо, начнут на него охоту. Весь Людин конец ополчится против него. Садко понимал, что его ожидает суд, и скорее всего, Чурила отдаст его во власть Волрога. Делай мол, что хочешь, с убийцей сына. И тогда... Садко до боли вцепился здоровой рукой себе в волосы. Голова отказывалась представлять тот ужас, который может ждать его в будущем. Первая здравая мысль, которая пришла к нему в голову – идти к Василию Буслаеву. Шутовское братство набирало силу, оно могло его защитить. И задними дворами, словно вор, Садко тихо стал пробираться к дому Василия. Вскоре он оказался у своего друга и поведал ему эту страшную историю. Василий задумался, держась рукой за подбородок.

– Вот так вот, Вася, такая мелочь может уничтожить человека. Какой-то нелепый случай. Я ведь ещё так молод. Если ты не выдашь меня, нам обоим конец. Все ополчатся против тебя. А если выдашь, то я никогда не стану взрослым мужчиной.

– Ну, будет тебе, Волрог же не такой лютый зверь, чтобы тебя мучить. Ну, побьёт, ну, может, отдаст в рабство гребцом на какое-нибудь судно. Потом вернёшься, и заживёшь как прежде, или своей, другой жизнью.

– Эх, ты, благородный боярский сынок. Столько живёшь здесь, а так и не понял здешних нравов. Никто меня не пощадит. Моего родного отца никто не пощадил, разделались, трусливо и подло, толпой на одного. В горло залили расплавленную медь.

– Я не гоню тебя, – отвечал лишь ему Василий, – если хочешь, оставайся у меня, ты мой друг, и я тебя не выдам.

И Садко решил остаться. Однако уже на следующий день в кузницу к Василию пришли братья Садка и стали уговаривать его выдать убийцу, будто бы были уверены, что тот находится у Василия, а может и того хуже, ожидали, что как вождь братства, он разыщет своего названного брата и выдаст на суд, совершив тем самым предательство своего друга. Сын Буслая поведал об этом разговоре другу.

– И что думаешь делать? – спрашивал его Садко.

– Я уже сказал тебе своё решение.

– Эх, навлечёшь ты на себя беду, Вася, весь Людин конец будет против тебя. Нет, нельзя мне здесь оставаться, Новгород меня никогда не простит. Мне закрыта дорога в Людин конец. Не могу же я вечно прятаться. Без суда я для всех буду врагом, а после суда – мертвецом. Бежать мне надо.

– И куда же ты собрался бежать?

– К варягам. Стану таким же варягом, как мой отец, буду плавать по морям, грабить города, купаться в золоте.

Василий в ответ лишь усмехнулся.

– До варягов от нас далеко. Да и потом, это каким нужно быть хорошим воином, чтобы выжить среди таких лихих воинов, чтобы они делились с тобой добычей и принимали за равного, при том, что ты для них чужак и даже не знаешь их наречия?

– Другого выхода у меня нет, – отвечал Садко, – для начала я наймусь гребцом на какую-нибудь лодью, а там, куда течение занесёт. Может, и доберусь до земли викингов. Может, когда-нибудь ещё и свидимся. Об одном только прошу, дай мне гусли в дорогу, чтобы музыка согрела меня в пути. Только музыка помогает выжить тогда, когда жить нет больше сил.

И Василий дал ему гусли, крепко обнял на прощание, стараясь не показывать, как тяжело у него на сердце. Садко тоже старался держаться и даже шутил. Он распрощался со всеми мальчишками из братства шутов, думая, что прощается с ними навсегда, а затем покинул Людин конец. За какую-то почти смешную плату ему удалось со сломанной кистью устроиться гребцом к одному купчишке из Славенского конца. Вскоре вместе с другими гребцами и торговцами он покинул Новгород, думая, что уже никогда не вернётся в город, в котором родился и вырос.

Вскоре вместе со своим наставником отбыл и Святослав, и тогда совсем ещё юный Василий в одиночку столкнулся с ещё неведомой ему опасностью и ответственностью. Слухи о победе Васьки над братьями Сбродовичами давно ходил по Людину концу. Потамий Хромой только усиливал этот слух и даже поговаривал, что скоро сын Буслая окрепнет и одолеет самого Чурилу. Конечно, хитрый замысел нелюбимого сына Чурилы был понятен, он надеялся бросить вызов своему отцу и перессорить его с другими старшинами. Даже в случае победы Чурила был бы ослаблен, и тогда его сын мог если не победить его, то хотя бы стать таким же старшиной в своём братстве и получить во владение немалую территорию. Всё это произошло тогда, когда люди Чурилы ещё продолжали втайне выполнять задания колдунов. И хоть вождь Усыня давно уже отбыл и зимовал где-то под Киевом, его замещал чародей Богомил. Колдун присутствовал на заседаниях боярской думы, и, хоть открыто не противоречил Добрыне, тайно пытался всячески усиливать своё влияние в городе. Так, однажды несколько родов из племени меря и северян начали кровную вражду друг с другом. Родовая вражда и кровная месть тогда были священны, но поскольку враждующие роды были довольно богаты, то это плохо сказывалось на торговле. Богомил здесь проявил талант отличного оратора и смог примирить между собой враждующие роды на выгодных для обеих сторон условиях. После этого Богомила за его красноречие стали называть Соловьём. Но Соловьё было мало поддержки среди нескольких новгородских родов, и он задумал навести порядок во всём Людином конце, подчинив всех Чуриле. Для этого Богомил открыто оказывал поддержку старшине и настолько усилил его, что однажды велел поднять размер дани, которую старшина собирал с купцов и ремесленников. Колдун понимал, что это может вызвать недовольства, но именно это ему и было нужно, чтобы в миг выявить недовольных и всех уничтожить.

В ответ на всё это некоторые ремесленники стали прибегать к юному старшине Василию и просить, чтобы его братчина взяла над ними защиту. Это было всего несколько мелких ремесленников, которые, зная благородный характер мальчишки, надеялись просто сесть ему

на шею, и вовсе не платить ему под различными отговорками, пользуясь его защитой от других старшин. Но Василий хоть был совсем юн, но повёл себя не так, как от него ожидали.

– Я не буду собирать с вас дани и не стану над вами тираном, как Чурила, – отвечал он ремесленникам, – но всё же я помогу вам, если вы вступите ко мне в братчину. Я считаю, что ремесленники и охотники сами в силах себя защитить. Я же буду лишь вашим головой, если вы того захотите и не выберете другого. Каждый член братства будет платить не дань, а добровольную плату на вооружение и кормление ополчения. Но плата не будет обязательной и постоянной. Если кто не сможет заплатить, пусть не платит, достаточно будет того, что он с оружием в руках встанет на защиту своего добра. Если же пожелаете оставить меня головой, обещаю отчитываться перед братством за каждую гривну и ничего из общей казны не использовать для собственной наживы, а добывать себе средства своим трудом и хозяйством, как и все честные труженики.

Такие слова тронули ремесленников, и они дали Василию своё согласие. А затем слух о его благородстве разошёлся по всему концу. Многие ремесленники поняли эти слова так, что в братстве Василия те, кто смогут оплатить взнос и купить оружие, тем самым откупятся от необходимости сражаться, а те, кто победнее, не смогут заплатить и вынуждены будут выступать в рядах ополчения. Иными словами, бедные должны были сражаться за богатых, а богатые платить дань за бедных. И всё же многие бедняки из ремесленников обрадовались такой возможности и стали на равных правах вступать в братство Василия. Вступали и некоторые богатые, которых привлекало отсутствие воли к наживе у нового молодого старшины. Но богатые с большим трудом соглашались вступать в братство, а если соглашались, то с условием, что лучше заплатят больше, чем нужно, но не будут сражаться. А ведь Василий до сих пор не проявил себя в настоящем бою и показался людям только в кулачной драке. Но бояре должны были быть не только отменными воинами, но и хорошими ораторами. Василий говорил красиво и убедительно, демонстрировал всем широту своей юной души и бесстрашие перед врагом и действительно отчитывался перед братством за свои расходы, чем некоторым даже стал недоедать. И однажды такая политика привела к своему результату. Придя весенним днём в кузницу, Василий столкнулся с недобрый взглядом кузнеца Людота.

– Видно, ты совсем страх потерял, мальчишка, – бранился кузнец. – Скажи, я не понимаю, кем ты себя возомнил? Думаешь, ты дружинник, сын Буслая. Да ты просто подмастерье, ты здесь никто.

– Остынь, Людота, что произошло?

– Приходили тут к тебе. И почему-то искали тебя у меня. Люди Чурилы, сукины дети. Вызывают тебя на бой. Под предлогом того, что ты не выдал им осенью Садка. Но это только повод, ты сильно перешёл им дорогу, причём всем, не только Чуриле. Нарушил их правила, по которым они живут ни одно поколение. И это тебе будет уже не кулачная драка, тут в ход пойдут уже ножи и дубины.

– Ну, палица у меня уже есть. Настучу Чуриле по голове. Он уже стареет, людей у него немного, народ против него возмущается. Это раньше он был охотником и мог в одиночку одолеть медведя, теперь он уже не может держать в порядке Людин конец.

– А кто сможет, ты что ли?

– Мне это и не нужно, – отвечал Василий. – Разве есть какая-то честь для боярского сына в том, чтобы руководить нижним концом города? Нет, Людота. Я просто хочу показать людям, что они сами могут защищать себя, как и было когда-то, без всяких Чурил. И даже князь им не нужен.

– Так вот оно в чём дело, – смекнул Людота, – хочешь Добрыне насолить, и боярам, которые одобрили твоё изгнание? Отомстить самому воеводе. Смотри, мальчик, с огнём играешь, не по зубам тебе враг, сгинешь напрасно.

– Иначе я не могу, Людота, я – боярин, я – воин. И если они не хотят, чтобы я воевал за них, я буду воевать против них.

В этот же день Василий стал собирать своё братство, которое теперь уже многие перестали называть шутовским и называли просто братством Василия. Они думали, что старшина собирает их, чтобы в очередной раз отчитаться в расходах, и потому многие не пришли. Но Василий повёл другие, до ужаса смелые речи. Стал говорить против Чурилы, против Богомила, Добрыни и даже самого Перуна, призывал себе в защитники Симаргла и призывал братство вооружиться на великую битву. Братчина тут же раскололась. Одни согласились дать врагу бой, в числе которых первым был Потамий Хромой, но другие наотрез оказались выступать против столь сильного противника, и последних было на порядок больше.

– Неужто откажемся, струсим? – спрашивал у таких Василий.

– Пусть наши богатеи раскошелятся. Заплатим Чуриле откуп, глядишь, он нас и простит.

– Не понимаю я вас. Разве так должны говорить свободные труженики, которые решили сами защищать себя и не терпеть чужого гнёта? Разве для того мы объединились в братство, чтобы теперь сдать Чуриле.

– Тебе нас не понять, старшина, – говорили ему ремесленники, – ты из бояр, тебя с детства готовили к войне. А мы – люди простые, нас с малых лет другому учили, воины из нас плохие.

Глядя на то, как люди его отказываются идти в бой за тем, кого нарекли своим вождем и выполнять прямые обязанности ополчения, Василий уже стал и вправду подумывать о том, чтобы заплатить выкуп Чуриле, а затем и вовсе отказаться от звания старшины и остаться лишь с теми, кто был в братстве с самого начала. Его власть на поверку оказалась лишь иллюзией, самообманом. Юный боярин внушил себе, что он всё ещё лидер, что это его предназначение, в то время как всё давно уже было не так. И всё же Василию, не смотря на юность, хватило тогда ума не покинуть братства. Он уже понимал, что никто не поймёт этого его жеста и расценят его как слабость. А стоит лишь дать слабину, и, если ты один, в Людином конце тебя разорвут толпой на части. И тогда Василий принял единственное решение, которое, как ему казалось, могло решить все проблемы.

– Что ж, будь по-вашему, – заговорил он, – мы не будем биться против Чурилы, но и платить ему не будем. Мы соберём Людинское вече.

Некоторые мужички из толпы засмеялись, другие зачесали в бородах и затылке. Вечем здесь называли сбор всех старшин со своими братчинами на лобном месте. Они вместе пили, делили сферы влияния, порой решали споры и казнили преступников. Собирались они раз в год, осенью, после жатвы, и сейчас было никак не время для собрания. Более того, всем было понятно, что такое собрание никак не поможет Василию. Но сын Буслая совсем другое понимал под словом «вече». Собрание всего населения. Такого в Людином конце не видели уже давно, ведь, кроме всего прочего, население здесь постоянно менялось. Одни уезжали, другие приезжали, было много всяких залётных бродяг. В Людином конце не имелось даже вечевого колокола, и всё же, Василий был твёрд в своём решении, и никто не мог его отговорить. Самых верных своих людей из братства он стал рассылать к богатым хозяевам, чтобы призывать их на вече. Сам же сын Буслая отправился в Неревский конец, к своему другу юности – Косте Новоторжанину.

– Выручай, Костя, кроме тебя мне помочь некому, – говорил Василий.

– Чем же я могу тебе помочь? Сам знаешь, боец из меня не ладный.

– Я знаю, но то, что я готовлю, может изменить жизнь всего Людина конца. И это может быть выгодно твоим единоверцам. Я знаю, в Людином конце уже немало христиан, нужно уговорить их собраться на вече. Из вашего конца пусть тоже приходят, и священник ваш. Но не чтобы выбирать, а, чтобы судить со стороны о честности собрания.

– Опасно, Вася, там же будут все люди Чурилы.

– Там будет народ, лобное место. Чурила не посмеет устроить резню средь бела дня на глазах у всего города. Он слишком труслив и больше любит действовать из тени. Выручай, если вы поможете мне добиться своего, я перед твоей церковью буду в долгу.

– Так уж и быть, я устрою тебе встречу с нашим священником.

Как ни странно, люди Чурилы не препятствовали собранию общелюдинского вече, а в назначенный день народ всё-таки стал в большом количестве стекаться на лобном месте. Появились и некоторые старшины, за ними потянулись и остальные. Поначалу пришли все, кроме Чурилы. В итоге у него не осталось выхода и пришлось явиться вместе со всей своей огромной братчиной. Народ притих, когда ещё издали увидел мощную сутулую фигуру в медвежьем тулупе. Говорили, что этого медведя Чурила убил сам в молодости, от него получил свой шрам на лице, который делал его выражение лица всегда полным презрения, несмотря даже на густую щетину и недлинную бороду лопатой. Старшина приближался не спеша и остановился вблизи от места, где собирались другие старосты.

– Ну и что за балаган вы тут устроили? – резко спросил он.

– Это вече, – отвечал Василий.

– Какое это к чертям вече? У вас что, в башке квас забродил? Этот боярский сынок голову надурил? Хочет ввести у нас свои славенские порядки, поломать наши обычаи. А вы ещё с ним говорите! Мне нужен только он, с остальными я не собираюсь спорить. Если боится выйти со мной на бой, то пусть так и скажет, сдастся и не устраивает балагана.

– Я не боюсь тебя, Чурила, – говорил как можно громче Василий, – но я лишь один человек, и если я брошу тебе вызов, примешь ли ты его? Или хочешь, чтобы наши братчины бились между собой? Но будет ли от этого лучше Людину концу, если двое сильнейших старшин поубивают друг друга в поединке? Мы ослабнем, а боярские ублюдки, которых ты так ненавидишь, от этого станут только сильнее. Пусть же лучше народ рассудит, как нам жить в мире друг с другом, чтобы быть сильными, чтобы оставаться свободными. Чтобы колдуны не проглотили нас и не выплюнули, как мелкую рыбёшку, а, чтобы с нашим мнением считался сам Добрыня.

– Да, дело говоришь! – закричал люди из самых разных концов собрания, заговорили даже некоторые старшины. Чурила заскрежетал зубами, но ничего не сказал, а Василий продолжал:

– Когда-то в Людином конце жили в основном только охотники – люди, которые своим трудом, бросая вызов природе, добывали себе пропитание. Некоторые и сейчас являются охотниками (при этом он кивнул на Чурилу). И издавна охотники объединялись в братчины, чтобы защищать охотничью добычу от разбойников и прочих посягателей на их добро. Это было справедливо. Затем охотники взяли под свою защиту рыбаков, разных ремесленников и торговцев, и стали брать с них дань. Это тоже было справедливо, поскольку люди, не добывающие себе пропитание с оружием в руках, приняли защиту тех, кто мог их защитить на тот момент. Но должны ли сильные наживаться на слабых, если те – хорошие труженики и мастера своего дела? Чурила главной своей целью сделал волю к наживе, наложил лапу на свободный промысел в Людином конце, не считаясь с мнением других старшин и простого народа. Защиту он превратил в грабёж (на это люди Чурилы возмущённо загудели). Он никогда не смог бы сделать этого, если бы во время обращения Новгорода в новую веру не подружился бы с Усыней, а затем с Богомилом. И что теперь? Чурила богат, с его богатств колдуны имеют долю, а простой народ и промысел в Людином конце от этого страдает. И от гнёта новой веры, которая тоже в доле с Чурилой. Ещё год назад в Людином конце был свободный промысел, теперь же на огромной территории, контролируемой Чурилой, новый промысел без его разрешения и вовсе открыть невозможно. Разве это справедливо? Я освобождаю от дани всех, кто вступает в моё братство, дабы вернуть первоначальный вид людинскому ополчению. Потому что, только будучи едиными, мы сможем защитить себя.

Когда Василий закончил, толпа словно взорвалась, многие взяли за дубины и готовы были накинуться друг на друга. В основном народ стал напирать на Чурилу и его людей, которые здесь были в меньшинстве, и потому вынуждены были отступать. Христиане с трудом оттаскивали дерущихся и не давали начаться бойне. Чурила уже запустил руку себе под тулуп и сдавливал ручку кинжала. И всё-таки держался, хоть и видел, как теряет власть. Многие старшины и богатые люди тогда высказались. Спорили до ночи, до хрипоты, даже в Славенском конце города встревожились столь большим сборищем в Людином конце и вооружили часть ополчения. Людинские старшины разрывались между верностью обычаям и завистью к Чуриле, который настолько их всех превзошёл в своём могуществе. В итоге их мнение раскололось, и большинство выступило на стороне юного старшины Василия. Наконец, началось голосование. Всем миром выбирали, распустить ли братство Василия Буслаева, или позволить ему жить дальше, набирать в своё число людей, не считаясь с обычаями. Уже в самом начале голосования всё решалось не в пользу Чурилы. План Василия осуществлялся, хоть им теперь овладела тревога из-за наступившей темноты. Но даже во мгле ночи Чурила уже не решился взяться за оружие и выступить против столь превосходящего его числом врага. После голосования он лишь плюнул на землю и сказал старым старшинам Людина конца:

– Дурачьё, думаете, мне подгадили, вы себе подгадили. Этот боярский зверёныш сожрёт вас по одному и не подавиться.

С этими словами самый грозный староста из Людина конца ушёл прочь, поверженный, без единой пролитой капли крови, если не считать небольшие раны, полученным людьми в мелких стычках от кулаков противников. Но ножи и дубины в ход не пошли, и это казалось настолько необычным для Людина конца, что Василия после того дня все стали считать чародеем, способным одерживать победы даже без оружия. А кузнец Людота, почесав в бороде, решил, что недооценил этого боярского сына и сам вступил в братчину Василия Буслаева.

Глава 8.

Разбойники.

По осени в Новгороде появились два путника в куртках из волчьей шкуры и кожаных штанах, но поясе которых висели острые как бритва кинжалы. Один из них был много старше другого, в волосах и бороде его уже проступала седина. Второй был совсем молод, ещё недавно он был мальчиком, а теперь возмужал, приобрёл хмурый отважный взгляд. Чародей, увидевший их, сразу узнал бы оборотней-волков и не ошибся бы. Это действительно были волкодлаки: Радогость и Святослав. Они направились по главной улице прямо в дом к дружиннику Борису Вольге. Рыжеволосая жена Бориса – Светорада с порога обняла юного гостя, узнав в нём своего сына.

– Возмужал, возмужал, – обнимал его Борис, – так, значит, ты теперь настоящий оборотень?

– Так и есть, – отвечал за ученика Радогость. – Ещё многому ему предстоит научиться, но главную науку он усвоил, и теперь может быть волком.

– Что ж, Радогость, друг мой, пора потолковать и о твоей награде. Пойдём.

И они ушли, чтобы поговорить наедине. Светорада же стала кормить своего сына и располагать его на отдых с дороги. Но Святослав спешил повидать своих друзей, и в особенности крёстного брата – Василия, о котором уже кое-что услышал, пока добирался до города. Целый год юный Вольга отсутствовал в городе и успел сильно соскучиться по Новгороду. Мать не смогла его задержать дома, и он отправился в путь. Был ещё светлый, немного пасмурный день, на земле повсюду были следы недавно прошедшего дождя. Святослав шёл напрямик в Людин конец, как вдруг услышал пение знакомого голоса и игру на гусях. Вольга пошёл на звук, и, обойдя грязную лужу, в которой валялся огромный жирный хряк, наткнулся на небольшую толпу. В центре на лавке сидел сказитель с гусями в руках и напевал под красивую мелодию гуслей, рассказывая про какое-то морское путешествие купцов в Грецию. Слух не обманул Святослава, и в юном сказителе он узнал своего старого приятеля Садка. Теперь это уже был не неопрятный мальчишка из Людина конца, он был хорошо одет, сыт, коротко стрижен. Какое-то время Вольга, улыбаясь, наблюдал за его игрой, пока Садко не увидел его и сам не расплылся в улыбке. Допев до конца, он спрятал гусли в кожаную суму, поклонился, под всеобщую похвалу собрал монеты, которыми одарил его народ, и пошёл прочь.

– Ты стал настоящим сказителем, – обнимал его Святослав.

– Да, это так, – отвечал Садко, – я пою лишь то, что сочиняю сам, за это моряки прозвали меня скальдом, так называют сказителей у викингов.

– Удивил ты меня, Садко-скальд, я помню, ты бежал из города, а теперь вот вижу не беглеца, а любимца народа.

– Да, незадолго до твоего отъезда случилась та ужасная история, – проговорил Садко, – и я за какие-то гроши нанялся гребцом на судне. Думал, жизнь моя окончена, и никогда я не вернусь в Новгород. В путешествии нас постигло несчастье. Наш корабль захватили пираты, самые настоящие викинги. Многих убили, иных оставили в живых, чтобы потом сделать рабами или продать за выкуп. Тут -то и помогло моё мастерство игры на гусях. Варяги сразу признали во мне скандинавскую кровь, а когда я рассказал им про своего отца, предоставили мне больше свободы и даже позволили играть на гусях. Тут-то я и поразил их. Я им так понравился, что в конце концов уговорил их вождя освободить всех пленных, кроме меня. Я остался среди них, и радовал их своей музыкой. Казалось, мечта моя сбылась, я попал к настоящим викингам. Но любовь к родным местам взяла во мне верх, да и к тому же, они оказались слишком жадными и не захотели на равных делить со мной добычу. И вот однажды, когда они все напились, я

претворился таким же пьяным. Но я был трезвее других и смог сбежать от них и вернуться в Новгород. Здесь я нашёл тех гребцов, с которыми плавал, некоторые из них теперь нанялись на другие суда и быстро поведали обо мне своим хозяевам. Многие стали звать меня к себе, но ни к кому из них я не пошёл, а пошёл на лодку к боярским торговцам, служащим боярину Стояну Воробью. Они меня взяли с собой и не пожалели. Совсем недавно я вернулся из плавания, и меня познакомили с самим Стояном, который лично высоко оценил моё мастерство и мои знания грамоты. Вот так вот, брат, слава Симарглу, я теперь уже тружусь не гребцом, а настоящим купцом на судне боярина Стояна. Год назад я считал, что погиб, а теперь я живее всех живых, и мой злой рок теперь превратился в моё счастье.

– А как там Вася поживает, ты видел его?

– Нет, у Василия я пока не был, – отвечал Садко, – в Людин конец мне соваться нельзя. Хотя Вася там человек и влиятельный, но спасти меня от суда всё равно не сможет. Братоубийцу там сразу подвергнут казни, будь он хоть самый лучший скальд на свете.

После этого Святослав распрощался с Садком и отправился к Волхову мосту. Дело близилось к вечеру, и Вольга торопился. Река Волхов текла так же гладко и спокойно, а знаменитый Волхов мост величественно раскинулся над ней. Святослав хорошо помнил дорогу к дому Василия Буслаева. Он так торопился, что даже не обращал внимания на косые взгляды прохожих. Здесь в такие одежды из необработанной волчьей шкуры могли рядиться только лучшие охотники, да и то, считали это излишним бахвальством. Но вот, наконец, показалась и знакомая изба. Святослав постучал в дверь и увидел старую вдову – Амелфу Тимофеевну. Вольга поклонился ей и вошёл в дом. Он был поражён внутренним убранством избы. Теперь они не просто не бедствовали, а очень даже неплохо жили. На полу были постелены животные шкуры, столы и лавки были из дуба, даже появилась пара работников, которые помогали управляться с хозяйством. Само хозяйство тоже разрослось, появились куры, гуси, свиньи, недалеко на лугу паслась корова, между собой перебранивались дворовые псы. Вольга только дивился тому, как круто всё изменилось в его отсутствие.

– А Василия нет дома? – спрашивал он.

– Нету, – отвечал Амелфа Тимофеевна.

– Где же он пропадает?

– С друзьями своими, стервец, будь они не ладны. Уже три дня дома не ночует. Я слышала, что он с друзьями живёт в доме у Макара Сироты. У Макара родителей нет, изба пустует, вот они и обсуждают там свои дела по управлению своими владениями, а попутно пьянствуют и дебоширят. Не знаю уже, как их унять. Костя Новоторжанин, до чего уж скромный парень, и то не смог их образумить. Не знаю, может хоть ты, Святослав, сможешь его наставить на истинный путь.

– Я попытаюсь, – отвечал Вольга, – только знать бы ещё, где этот Макар Сирота живёт.

Амелфа Тимофеевна объяснила Святославу, как найти нужный дом, и хоть Людин конец он знал плохо, но очень быстро сыскал избу. Уже издалека Вольга услышал громкое пьяное пение и пошёл на звук. Дверь в избу была не заперта, и любой желающий мог сюда войти. Внутри пахло брагой и дёгтем. Пройдя в горницу, Святослав увидел около тридцати пьяных мужчин, с ними были и пьяные девицы, дочери охотников из Людина конца. У дальней стены избы на возвышенной лавки, словно на троне, сидел юный Василий-старшина, на коленях у него сидела какая-то молодая, немного пьяная девушка, обхватив его за шею.

– Чего надо, хлопец? – прорычал какой-то мужичок, который, видимо, и был хозяин Макар Сирота.

– Циц, – властно проговорил Василий, – утихни Макар, к нам вернулся наш брат. Это Святослав Вольга, мой названный брат, я обращён его отцом в веру Перуна и Симаргла. А нука, Глаша, отойди.

И девушка, шатаясь в разные стороны, встала с колен Василия. Сын Буслая поднялся с лавки и заключил друга в крепкие богатырские объятия.

– Вина нашему брату, – велел он, – отведай, Святослав, вино хорошее, купец один из Булгарии привёз. Вёз, видимо, для дружины, но чем мы хуже?

Вольга взял ковш и весь его осушил. Вино действительно оказалось очень хорошее, знатное.

– Знакомься, жена моя, Глафира, – проговорил Василий, указывая на красавицу, которая минуту назад сидела у него на коленях, – дочь этого, как его....

– Хомы Пескаря, – отвечала девушка.

– Точно, его дочь.

Василий едва стоял на ногах и восстановил равновесие только тогда, когда положил руку на плечи девушке.

– Когда же ты успел жениться, Вася? – спрашивал Святослав.

– Да это дело не хитрое. Приглянулась мне девица, и вот она уже моя жена. А с Хомой я как-нибудь столкнусь. Он меня знает, и поперёк моего слова не пойдёт.

Василий отпустил свою жену и уже вместе с гостем, положив руку на Вольгу, побрёл на своё место и усадил рядом с собой друга.

– И что, сильно ты любишь, Глафиру? – спрашивал Святослав.

– Люблю, наверное. Хотя, какая разница. Народец здесь глупый. Увидели во мне силу, сами стали мне дань нести, хоть я и не просил. И мясо понесли, и шкуры, и золото, и дочерей стали мне своих сватать, и рабынь дарить. Я же хотел, как лучше, чтобы люди были свободны, чтобы жили для себя, но, видимо, прав Чурила, им порядок и твёрдая рука важнее любой свободы. Что ж, если они такие дураки, буду пользоваться тем, что они мне дают. В конце концов, я это заслужил, я же знать. Что же ты не пьёшь, друг мой?

– Я только с дороги, Вася, – отвечал Святослав, – я первый день в городе, мать ещё на меня не насмотрелась, надо домой трезвым явиться. Да и тебе я бы не советовал так злоупотреблять. Ты – боярин, не забывай этого. Ты – благородный, а пьянствуешь в компании такого сброда.

– Да, я боярин, – поднялся с места Василий, – А бояре делают, что хотят!

– Сядь, сядь, не горячись, – чуть ли не силой усадил его Вольга.

– К тому же, я пью только благородные напитки, как учил меня отец. Просто время свободное выдалось. Скоро снова на дело пойдём. Разбойников бить. Повадились тут какие-то в лесу, купцам и охотникам покоя не дают. Пойдёшь со мной, брат? Надо их как-то выследить, а у тебя-то, я знаю, нюх теперь волчий.

– Что ж, пойдём, – отвечал Вольга, – когда?

– Да хоть завтра. Чего время тянуть?

– Ладно, как скажешь. Надо бы Садка с собой взять. Хватит ему от людей прятаться, пусть благими делами искупит свою вину.

– Хорошо, позови его, давно уже его не видел.

– И смотри, чтобы завтра был трезвее трезвого, и люди твои.

– Знаю, учи учёного.

И Святослав покинул избу Макара. Интересно, знала ли мать Василия о том, что у него есть жена? Да и знала ли об этом та, которую он называл своей женой? Всё это казалось какой-то детской шуткой, игрой взрослых детей. А Вольга направился к ещё одному старому другу – Косте Новоторжанину. Тот находился в торговой лавке своего отца и радостно встречал своего приятеля. Лишь один Костя, казалось, совсем не изменился за всё это время. Такой же худощавый, такой же дружелюбный. На следующий день Вольга и Садко первым делом зашли к Косте, а затем все трое отправились в Людин конец Новгорода. Они были не из тех, кто бежал от драки, они всегда готовы были дать отпор врагу. Их сила была в дружбе, которая казалась

невозможной. Один был христианин и не должен был сильно привязываться к убеждённым язычникам, другой был оборотень и должен был на равных быть только с чародеями, третий и вовсе был изгоем и братоубийцей. И все троя, ради своей репутации, не должны были вести дружбу с мальчишками из Людина конца, в числе которых был и Василий. И всё же они были вместе, в который раз, и вместе с отрядом покинули Новгород, чтобы сражаться против общего врага. Едва они оставили город позади себя, как кто-то окликнул их женским голосом. Воины обернулись и увидели бегущую к ним девушку. Хотя, девушку в ней выдавало лишь несколько милостивое лицо и большие бёдра с узкой талией. Длинные волосы её были убраны в хвост на затылке, на теле одет овчинный тулуп, на плече она несла длинный боевой топор. Василий улыбнулся, узнав свою названную жену – Глафиру.

– Я с вами пойду, – переводя дух, сказала девушка.

– Зашибут ведь, – проговорил Вольга.

– Не боишься, красная девица? – улыбаясь, спросил Садко.

– С таким мужем я ничего не боюсь.

Василий ещё пуще прежнего заулыбался.

– Ладно, пойдём, – проговорил сын Буслая, – чего время тянуть?

И они побрели в сторону леса, рядом бежали охотничьи псы, вынюхивая повсюду человеческий дух.

– Женщин я люблю, – отвечал Садко, – но жить с ними не могу. Но ведь их можно любить, не живя с ними.

– Если ты спишь с женщиной, это ещё не значит, что ты её любишь, – влезла в мужской разговор Глафира.

Садко хотел, было, что-то возразить, но Василий жестом велел ему молчать: собаки что-то почуяли. Воины отправились по следу и пришли к горе залы и углей – следам давно сгоревшего костра.

– Они здесь были, – произнёс Василий.

– А, может, это не они? – засомневался Костя.

– Они, я это чувствую, – вымолвил Святослав, – я вижу их ауру, а значит, они здесь были недавно. Возможно, они ночевали сегодня здесь.

– Сможешь их выследить?

– Смогу, идите за мной.

Святослав резко изменился в лице, шутовское выражение тут же исчезло, сменилось выражением сосредоточенности, какое можно увидеть на лице у хищника, выслеживающего добычу. Теперь он шёл впереди, и все удивлялись тому, как бесшумно он передвигался по лесу. Несколько раз Святослав останавливался и оглядывался по сторонам. Когда находился новый след, чародей продолжал свой путь, и его спутники снова шли за ним. Наконец, впереди послышалось мужское многоголосье. Нюх воинов уловил запах жаренного мяса. Садко наложил стрелу на лук, Василий сдвинул в руке свою неподъёмную палицу и приказал:

– Окружаем. Вольга, веди всех, кто справа, со мной пойдут все, кто слева и Садко. Как только услышите, что мы атакуем, нападайте.

Отряд Василия не умел передвигаться так бесшумно, как Вольга, но они старались, как могли, чтобы не выдать себя. В результате разбойники узнали о приближении врага тогда, когда черты этого врага были уже различимы в лесной чаще. Числом разбойников было примерно столько же, сколько и тех, кто пришли их бить. Они сидели вокруг большого костра, на котором жарили тушу дикого кабана. Отряд Василия подошёл первым. Сын Буслая взмахнул палицей, и она столкнулась с разбойничьей дубиной. Василий размахнулся сильнее, разбойник ударил в ответ. Палица снова столкнулась с дубиной, но душегуб не выдержал силы удара и повалился на землю. Василий не стал его добивать, а ринулся в схватку вместе со своими товарищами. Сразу три разбойника рухнули на землю от ранивших их стрел. Лихие люди все стояли против

отряда Василия, в то время как сзади на разбойников напал ещё один отряд. Садко в это время выпускал одну стрелу за другой, и редкая стрела не ранила или не убивала кого-то из врагов. Разбойники попрятались за деревьями. Они оказались в безвыходном положении, они были окружены. Но лихие люди даже не думали сдаваться. Один из них взял копьё, резко выскочил из-за дерева и метнул оружие в лучника. Садко едва успел увернуться, но копьё проткнуло сразу двух людей, стоявших у него за спиной. Другие разбойники так же были вооружены копьями, в то время как их враги имели в руках только топоры, дубины, палицу и лук. Василий со своей палицей пытался сражаться против разбойника с копьём, но это было невероятно сложно. Много раз он чуть не был ранен, но так и не подступился к своему врагу. То же самое происходило и с остальными.

– Глупые дети, – проговорил длинноволосый разбойник, который, судя по всему, был вождём, – вы ещё не умеете сражаться, а уже погибнете. Я отошлю ваши головы в Новгород, пусть это будет для других уроком.

– А куда отослать твою голову? – спрашивал Василий. Внезапно он перестал атаковать и отступил. Затем сын Буслая снял с себя свой кожаный тулуп и остался в одной рубахе. А после Василий снова ринулся в бой, свой тулуп он набросил на вражеское копьё, и, зацепив его, потянул на себя. Разбойник ничего не успел сделать, и от удара палицей по голове рухнул на землю. За Василием тот же самый приём стали повторять другие воины из братства. Но самому юному старшине теперь не повезло, другой разбойник набросился на него с копьём в руке. Василию в одной рубахе пришлось отступать. Но копьё врага догнало его, ранив в бедро. Сын Буслая, хромая, продолжал отступать, и, казалось, теперь он уже точно не сможет уйти от смертельного удара. Но тут свирепый женский крик пронёсся над лесом. Глафира топором поразила в спину неприятеля, угрожавшего её возлюбленному. Тот пал замертво. Свирепое лицо девушки было перепачкано во вражеской крови и в тот момент было очень страшным. Василий не знал, злиться ему на неё или благодарить. Подлость содеянного уравнивалась тем, что это было сделано, чтобы спасти его жизнь. Но не время было для раздумий. Враг был побит, ослаблен, даже окружён, но всё ещё защищался.

– Сдавайтесь, – властно промолвил Василий, – или умрёте.

– Думаешь, мы боимся смерти, мальчишка? – гневно прокричал вождь, – ты можешь убить нас, но ты не сможешь нас победить.

Едва он это сказал, как Садко пустил ему стрелу в ляжку.

– Смерть ведь тоже бывает разная, – проговорил он, – у кого-то она быстрая, а у кого-то – медленная.

– Тебе не запугать меня, ты за всё заплатишь, мальчишка, – рычал раненный вождь.

Следующая стрела угодила ему в руку, отчего разбойник уронил на землю копьё.

– Как ты сказал? Мальчишка?

– Да, мальчишка. И вы все здесь – дети, вы даже не представляете, во что вы ввязались. Вы все умрёте, я приду за вашими душами, за вашими головами.

– Ну, надоел, – проговорил Садко и выпустил стрелу.

– Нет! – попытался остановить его Василий, но было уже поздно. Стрела попала вождю прямо в горло, он захрипел, рот его наполнился кровью. Он больше не мог говорить и упал на землю умирать в страшных муках. Лицо Василия выражало скорбь, и только Святослав Вольга мог понять причину этого недовольства. Воины из братства шутов сражались без всякого благородства, использовали стрелы, нападали со спины и толпой на одного. Среди новгородской дружины не принято было в бою опускаться до такой низости. Здесь высшей отвагой считалось предоставить врагу равные шансы, а ещё лучше, одолеть врага, превосходящего числом. Людинские же мальчишки в бою не знали никакой чести. А меж тем оставшиеся без вождя разбойники не сдались и после его смерти, продолжая сопротивляться.

– Стрел мало, на всех не хватит, – вымолвил Садко, выпуская последние из своих запасов в шею и сердца душегубов. Один из разбойников с диким криком и копьём на перевес побежал прямо на Садка, но по дороге его свалила дубина Кости ударом в затылок. Затем Костя подобрал копьё убитого и пошёл в атаку на оставшихся копыеносцев. Один из них искусно владел копьём и даже ранил своего противника в бедро. Костя вскрикнул от боли и отступил, а Василий уже поспешил на подмогу. Но уже в следующий миг Костя своим копьём выбил копьё у врага и проткнул его в живот. Лицо разбойника исказилось в гримасе страшной боли, и его убийце от этого стало не по себе. Костя много раз участвовал в драке, видел смерть, но никогда ещё не убивал. Вид корчившегося в смертельной муке врага вызвал у него приступ тошноты. К своему стыду Костя не смог сдержать рвотных позывов.

– Ты как? – взял его за плечо Василий.

– Богомерзкие дела творим, Вася, – проговорил в ответ Костя и перекрестился, – прости Господи.

– Твой бог любит разбойников и душегубов?

– Он всех любит, все заслуживают прощения.

– Стало быть, и убивать их не нужно?

– Да нет, на всё воля божья.

Но не только смерть своего врага познали в тот день названные братья Василия Буслаева, но и смерть своих друзей. Три отважных воина, которых они знали с детства, погибли в бою. Немало было раненных, среди которых был и сам старшина, и его товарищ – Костя Новоторжанин, который сейчас бледный как мертвец, хромой, превозмогая боль, в обнимку с Лукой брёл в сторону города. Садко с победоносным видом нёс с собой голову одного из разбойников, отрезанную им наугад у одного из мёртвых злодеев. Эту голову он намеревался насадить на пику и выставить на обозрение перед Людиным концом, чтобы всем возвестить о сегодняшнем подвиге и о своём возвращении. Святослав был чем-то обеспокоен и никак не мог насладиться победой. Как человек знатный и благородный он испытывал ту же неприязнь, что и Василий. Но не только это тревожило Вольгу. Казалось, он что-то заподозрил, почувствовал присутствие каких-то чародейских сил, хоть пока об этом не рассказывал. Как только победители оказались в городе, Святослав на время отлучился от своих друзей, а затем вернулся вместе со своим наставником – оборотнем Радогостем.

– Садко, – попросил Вольга, – покажи моему наставнику голову разбойника, которую ты притащил с собой.

Садко с радостью выполнил просьбу друга и притащил уже надетую на пику голову душегуба. Радогость заглянул ей прямо в глаза, не брезгуя ничем, открыл голове рот и заглянул вовнутрь.

– Предчувствие тебя не обмануло, Святослав, – провозгласил он

– В чём дело? – не понимал Садко.

– Этот разбойник – укрут, как и все прочие, видимо.

– Что это значит, волкодлак, я не понимаю?

– Укрут – это ученик упыря, его раб, – пояснил Радогость, – но сам он упырём не является. И всё же он уже загубил себя, потому что связался с кровососами. Они учат его своим хитростям, чтобы использовать против людей. Когда его сочтут достойным, то сделают упырём. Упыря, управляющего укрутом, называют посвящённым, укрут – это ещё не посвящённый. Посвящённый не выходит на охоту, он приказывает укруту, и тот проникает в село как обычный человек, а затем приносит своему хозяину животное, человека, ребёнка, кого угодно. И упырь выпивает кровь жертвы.

– Но теперь же разбойники мертвы? – будто бы спрашивал Садко.

– Это вряд ли. Если вы, конечно, не отрубили им все головы. Ночью упыри кусают их, и многие из укрутов сами станут упырями. У славян принято сжигать трупы. Это хороший

обычай, верное средство избавить покойного от страшной участи упыря. Но вы ведь не сделали этого? Вы оставили тела лежать там, где они были убиты, вы возрадовались своей победе и забыли про осторожность. А меж тем, вы оказали разбойникам услугу.

– Это какую же?

– Они должны были ещё заслужить право стать упырями. Теперь же их и так сделают посвящёнными. Они проснутся жаждущими крови и мести, и ту и другую жажду они захотят утолить здесь, на вашей земле.

– Упыри же не нападают на города, – засомневался Святослав, вспоминая, чему его учил наставник.

– Опытные упыри не падают. Но эти слабы и глупы, это их первая ночь в новой шкуре, им нужно найти много крови, чтобы всем окончательно обратиться в упырей. И найти эту кровь они смогут только здесь.

– Так в чём проблема? – выступил вперёд Василий, – вернёмся в лес и сожжём все тела.

– Слишком поздно, – остановил его Святослав, – солнце скоро зайдёт, и упыри повывлезают из своих нор. Если даже мы перебьём их, многих из нас они покусуют.

– И что же нам делать? – встревожилась Глафира, лицо которой теперь выражало неподдельный страх.

– Вам ничего не нужно делать, – отвечал ей Радогость, – охота на упырей – это дело оборотней. Пришло время, Святослав, сегодня ты встретишься с упырями. Но будь осторожен, иначе это может стать и твоей последней встречей с ними.

– Мы вас не оставим, – настаивал Василий, – мы вместе с вами будем защищать город.

– Как угодно. Но учти, если тебя покусуют, я лично отрублю тебе голову.

Василий и Радогость обменялись недобрыми взглядами. Воины стали готовиться к тяжёлой ночи. Садко делал новые стрелы. Костя перевязывал свою рану. Солнце стремительно приближалось к горизонту, пока, наконец, не исчезло за его линией окончательно.

– Пора, – молвил Радогость.

И весь отряд двинулся к окраинам Новгорода. Радогость на глазах у всех принял образ зверя. Но это было не полное обращение, а такое, на которое были способны только опытные оборотни. Он как бы застыл в состоянии между человеком и зверем, был довольно крупным волком, стоящим на двух ногах, как человек. Святослав же превратился в пушистого серого волка. Люди меж тем попрятались в свои убежища. Оборотни были существа непредсказуемые, и, как не силен был Василий Буслаев, против оборотней ни его сила, ни его палица скорее всего не помогли бы. Довольно долго пришлось просидеть в засаде, пока в кромешной тьме не послышались шорохи, которые сменились звериным рыком. Здесь, на подступах к городу, друг с другом сражались звери, рвали друг друга на части. Люди с горящими факелами выскочили на улицу. Радогость уже вырвал сердце двоим упырям, но врагов вокруг было слишком много. Садко выпустил несколько стрел, угодивших в цель. Костя сунул какой-то клыкастой человекоподобной твари в пасть горящий факел. Вольги уже нигде не было. Василий с размаху палицей уложил двух упырей, и тут увидел на земле раненного волка, истекающего кровью. Ещё немного, и упыри разорвали бы его. Василий поднял его на руки. Волк ещё дышал, но не мог больше сражаться.

– Рубите им головы, – послышался огрубевший, похожий на рык голос Радогостя. Затем оборотень прорвался через толпу упырей и устремился в лес. Почти все вурдалаки рванули за ним, как охотничьи псы за диким зайцем. Лишь один упырь не спешил убежать, Садко узнал в этом обезображенном огромными клыками лице вождя разбойников.

– Это ещё не конец, придёт время, и ты за всё заплатишь, мальчишка, – проговорил он. Садко со скрипом натянул тетиву, но упырь вдруг исчез во мраке леса. Люди вернулись в город, в избе на стол они положили раненного волка. Вскоре зверь принял человеческий облик.

Броня волка хорошо защищала Святослава: раны были рваные, но не глубокие, а потому – не смертельные.

– Наставник! – попытался вырваться Вольга, когда ему перевязывали раны, но рука Василия крепко прижала его к столу.

– Он увёл упырей за собой, в лес, – произнёс Садко.

– Утром мы разыщем его, – пообещал Василий.

– Он сказал, что упыри больше не вернуться, – вымолвил Вольга, – они не получили здесь, чего хотели – крови, значит, больше они сюда не сунутся.

Утром Василий с товарищами отправился в лес, на поиски Радогостя. Вскоре они нашли мёртвое изуродованное человеческое тело. От множества рваных ран и крови его тело превратилось в кровавое месиво, узнать его было невозможно, можно было лишь догадаться, что это тот, кого они ищут

– Наставник, – с горечью в голосе проговорил Вольга, – ещё сколькому ты не научил меня.

Дальше Святославу предстояло учиться самому.

Глава 9.

Посадник.

Ту ужасную ночь Василий Буслаев и товарищи запомнили надолго. Никогда ещё прежде старшина так не уставал, и никогда ему так не хотелось напиться. Святослав и Василий не изменяли своим обычаям и пили только вино, остальные пили по привычке хмельную брагу. Вольга искренне оплакивал наставника. Совсем другое настроение было у Садка. Стоило ему как следует напиться, как он отправился дебоширить по Людину концу. Для начала он водрузил-таки голову убитого разбойника на шест и позже, с песнями в окружении товарищей принялся гулять по городу и поить вином каждого прохожего. Так уже на следующий день все знали о случившейся бойне и о том, что непосредственное участие в ней принял братоубийца Садко. Дружину Василия все стали воспевать в своих песнях, не малый вклад в это внёс и Садко, который быстро сложил песню о случившейся битве и исполнял её во всех концах Новгорода. В результате влияние Василия стало невероятно возрастать, а вместе с тем, вопреки даже собственной воле, он начал богатеть. Но вскоре Садко снова отправился в плавание, намереваясь вернуться до зимы. Святослав же отправился в клан Волка, чтобы сообщить оборотням скорбную весть и продолжить своё обучение. Василий снова почувствовал себя одиноким и обессиленным. Когда с ним были его верные товарищи, его силы будто бы многократно умножались. Знатность Вольги и находчивость Садка были его верной опорой, казалось, вместе с ними сын Буслая может всё. Без них же его силы убывали, как убывала и решимость. Казалось, об этом догадывались некоторые из его врагов. Один из людинских старшин, вероятнее всего, по навету Чурилы, начал обижать людей, которые были под защитой Василия и состояли в его братстве. Сын Буслая понимал, что враги прощупывают его возможности и пошёл на открытый конфликт. Небольшая война закончилась тем, что Потамий Хромой вместе со своими людьми присоединился к старшине враждующей братчины. Но Василий и не думал отступать и признавать своё поражение. Теперь он намеревался дать бой врагу, намного превосходящему его силой. Но в назначенный день на битву враг не пришёл, а чуть позже появился Потамий со своими людьми и рассказал страшную правду. Ночью он пьянствовал с людьми из враждебного братства, гостей развлекали полупьяные или пьяные шуты, выделывая сами непристойные проделки. Когда все окончательно напилось, шуты взяли за ножи и перерезали всё враждебное братство вместе со старшиной. Таков был жестокий план Потамия Хромого, который был приведён в действие. Василий, когда узнал о случившемся, пришёл в ярость и даже ударил Потамия кулаком в ухо. Тот упал, но тут же встал, чтобы наброситься на обидчика, однако множество рук обхватили и сдержали его.

– Как посмел ты впутать меня в такое бесчестие! – кричал Василий, которого теперь с трудом сдерживали его братья.

– Или так, или нам пришёл бы конец, – отвечал Потамий, – их было больше, и рано или поздно они бы так извели нас. Я претворился, что я на их стороне, и уничтожил твоих врагов. И вот твоя благодарность?

– Благодарность за что, за бесчестие?

– За победу! А ты думаешь, как мой отец стал таким влиятельным? Страх и такое же кровопролитие. Пусть же теперь дрожит каждый раз, когда видит рядом с собой шутов. Мы должны стать ещё страшнее. Ты давно перешёл дорогу Чуриле, и если думаешь, что он простит тебе это, Вася, то ты глупец. Стоит нам дать слабину, и он уничтожит всех нас.

Ничего не сказал в ответ ему Василий, а лишь раздосадованный ушёл прочь. Он позаботился о том, чтобы с семьями убитых обошлись как можно более милосердно. Многим из них Василий даже из общей казны выплатил виру, чем вызвал всеобщее возмущение братства. А позже всех возмутил новый поступок Василия. Всех особо приближённых к себе братьев он вдруг взялся учить грамоте и игре на гусях. В помощь себе для этого он использовал христиан из Неревского конца, которым щедро заплатил за работу. Людинский народец, как мог, сопротивлялся, но, зная крутой нрав старшины, вынужден был часами просиживать над книгами или за струнами. И всё же, в устройстве братства это тогда мало что изменило. По-прежнему здесь богатые откупались данью от участия в сражениях, а беднота, освобождённая от взносов, сражалась и проливала свою кровь. Братство Василия понемногу из ополчения превращалось в наёмное войско богатейших членов братства, что делало его с одной стороны очень привлекательным, но, с другой стороны, мешало замыслам сына Буслая и оспаривало его власть. Дурная слава о юном старшине распространялась вместе со славой хорошей. Одни говорили о зверствах, которые творила молодёжь под масками шутов, другие говорили о знатности и благородстве старшины, который хотел всех в братстве сделать равными, то есть устроить своё ополчение так же, как была уже устроена новгородская княжеская дружина. Это сильно отличало его братство от других братчин, в том числе и от братчины Чурилы, где всё было основано на беспрекословном подчинении вождю и его ближайшему окружению, и попасть в которую можно было только благодаря своим родственным связям.

Но Василий сам поддерживал в народе не только хорошую, но и дурную славу о себе, наводя на всех страх. Так, однажды у старшины появился знатный вороной конь, на котором он принялся разъезжать по Людину концу. Все завидовали его коню, и тут же пошли толки о том, откуда взялся этот скакун. Выяснилось, что конь тот принадлежал одному купцу из Славенского конца. Время от времени Василий напивался со своими братьями и в шутовском облачении, прославляя Симаргла, отправлялся в лес. Здесь они превращались в настоящих разбойников и дебоширов. Если они натыкались на какую-то разбойничью шайку, тот уничтожали её на месте, если сталкивались с диким зверем, то устраивали охоту, а если натыкались на купца, то, если он был не из их братства, начинали грабить. Всё не отбирали, но забирали то, что хотели, особенно тщательно выискивали золото. Так однажды Василию и понравился конь купца из Славенского конца. Когда купец и всё его сопровождение были уже обезоружены, Василий повёл за собой коня.

– Та за это, ответишь, пёс, – прорычал купец, – этого коня мы везём в подарок самому боярину Угоняю. Он с тебя живо шкуру спустит.

– Передай боярину Угоняю, – молвил в ответ Василий, – что сын невинно убиенного Буслая забрал виру за павшего отца.

А затем велел взять дерзкого купца и привязать к хвосту лошади так, чтобы лицо его было повернуто к лошадиному задку. Руки купцу связали за спиной и так отпустили. Больших усилий стоило ему уворачиваться от копыт лошади при беге. Так под всеобщий хохот разбойников он побежал по лесной тропинке.

– Мой отец мёртв, – говорил Василий, – но это не значит, что я больше не боярин. Я дружинник, а дружина делает, что хочет.

Василий будто бы специально дразнил богачей и старшин из Людина конца, а затем перед простыми людинцами говорил о необходимости сплотиться против знати из Славенского конца. Он будто бы намеревался стравить между собой два конца Новгорода, вызвать на бой самого Добрыню, чтобы восстановить своё честное имя. Только один человек мог остановить страшные потехи Василия – его мать. Нередко обиженные купцы из Людина конца ходили к ней жаловаться на сына и нередко так возвращали себе некоторое утраченное имущество. И всё же, Василий жил уже не бедно, и делал всё, чтобы не вернуться к тому нищему положению, в каком он оказался, когда был изгнан из Славенского конца. Женщины его любили и одаривали своей любовью. Из-за этого его названная жена Глафира сильно ревновала и однажды ушла от него, а затем, будто бы назло, стала женой одного из сыновей Чурилы. Это сильно расстроило Василия, и он пил беспробудно три дня, утопая в вине и женской ласке. И всё же, здесь не было ни одной женщины знатного сословия, ни одной, которая могла бы быть ему равной. И каждый раз, когда мать уговаривала своего сына жениться, он отвечал лишь ей:

– Моей женой может стать только девушка из знатной семьи. Такова была воля моего отца. И я её не нарушу.

– Эдак ты никогда не женишься, и я никогда не увижу внуков, – отвечала мать.

– Пусть так, но зато я останусь собой. А внуков ты увидишь. У тебя ещё Никита есть, скоро тоже взрослым мужем станет.

Так минул ещё один год. А в новом году в Новгороде закипели новые страсти. Летом в самом центре Новгорода в думскую избу понабилась вся дружина. Стояли локтем к локтю, с трудом дышали. Лишь один боярин сидел просторно на возвышении – воевода Добрыня в окружении своей старшей дружины.

– Вот зачем я вас собрал, бояре, – говорил воевода, – пришёл гонец из Киева с вестями от самого нашего князя Владимира. И вот какие вести он принёс. Князь распустил войско чародеев в Киеве. Спокойно, это не значит, что все прежние клятвы не имеют больше силы. Мы – друзья клана Змея, и остаёмся таковыми, как и прежде. Но великий князь набирает новое, своё войско, чтобы идти в Ромейскую Державу. Когда-то киевская дружина под командой князя Олега брала сам великий город Царьград. Сейчас же великий князь заключил с их кесарем дружеский союз. В Ромейской Державе поднялся страшный бунт, и подавить его ромеи сами не в силах. Между нами говоря, они давно уже подавляют восстания и ведут войны не своими руками, а руками наёмников из других стран, и щедро за это платят. Теперь они обратились за помощью к нашему князю. Князь поможет им и взамен получит всё, что попросит. Из Новгорода выступит войско в три тысячи воинов в помощь князю. Князь вызвал меня и Сигурда. Не обязательно всё войско должно состоять из дружинников, мы будем набирать в него и наёмников. Если есть желающие отправиться добровольно, говорите сейчас.

– За богатой добычей отчего же не поехать? – послышался голос одного из младших дружинников.

– Что ж, дело хорошее, – отозвался другой, чином постарше.

– А ты, Вольга, что же, поедешь? – спросил кто-то.

– Да нет, должен же и здесь кто-то остаться, – отвечал Борис.

– Добре, – поглаживал свою бороду Добрыня, – так тому и быть. Долгое время в Новгороде была смута, а потому я здесь был и воеводой и верховным волхвом, а посадника и вовсе не было. В моё отсутствие его роль выполнял Сигурд. Но теперь и я, и он оба покидаем город, и нужно избрать того, кто будет посадником в моё отсутствие.

– Тут и гадать нечего, – вышел вдруг вперёд колдун Богомил, – ты только что поклялся, что клан Змея, – ваши друзья. Докажи это, докажи, что верен своему слову. Усыня меня здесь поставил, чтобы помогать тебе править. Значит, мне и быть в Новгороде посадником.

– Погоди, Богомил, – возразил ему боярин из старшей дружины, – посадник выбирается у нас дружиной, а не назначается сверху.

– Хорошо подумайте, – прищурился Богомил, – Новгород сейчас останется без войска, а клан Змея – рядом. Прогневаете вождя Усыню, и тогда даже боги обрушат на вас свой гнев.

– Ишь, грозится! – прокричал Борис Вольга.

– Не пугай, пуганные уже, – вторил ему другой.

– Правильно, Богомила в посадники, – закричал третий.

– Что говоришь, собака?

Началась толкучка, могло дойти и до драки. Добрыня встал перед сложной задачей. Поставить посадником Богомила – обидеть дружину, дать выбор дружине – обидеть Богомила, который однозначно в выборах не победил бы, да и самого Усыню, наверняка злого после ссоры в Киеве тоже обидеть не хотелось. Вождя клана Змея не боялся на Руси только дурак.

– Слушай, что скажу, – поднялся с места Добрыня как раз в тот самый момент, когда Борис Вольга схватил за грудки какого-то дружинника, готовясь вытрясти из него душу.

– Вижу я несогласие в нашей дружине, – продолжал верховный волхв. – Испокон веков в Новгороде действует обычай, что если нет в дружине согласия, решать должен народ.

– Вече! – радостно прокричал Борис Вольга.

– Вече! – заголосили и прочие бояре.

На вече были согласны все, поскольку здесь каждый мог решить вопрос в свою пользу. Народ был переменчив в своих решениях, его можно было подкупить, напоить, уговорить. И некого было винить в решениях славянского вече. Здесь и Богомилу было на что рассчитывать, хоть он был и не очень популярен. Но Богомил всё равно согласился с решением дружины, стиснув зубы. Так и быть, нового посадника пусть выбирает вече, как встарь. Слух об этом в момент облетел весь Новгород. И народ сразу оживился, сразу пошли слухи и толки, хоть никто ещё не знал кандидатов на должность посадника, знали лишь, что это будет кто-то из старшей дружины. Вместе с тем нужно было избрать нового верховного волхва и переизбрать тысяцкого ополчения. Богомил не зря был прозван Соловьём, и в первые дни после принятия решения о вече, вышел к народу и говорил такие слова:

– Новгород, уже 7 лет, как новая вера была принята вашим городом и городом Киевом. Такова была воля нашего великого князя – Владимира, который так же является и князем Новгорода. За эти годы колдуны отважно сражались на войнах на стороне князя и преумножили его успех. Вместе мы били вятичей и родимичей, и забрали у них много земли и богатой добычи, и заслужили себе великое уважение в мире. Уже без меня колдуны вместе с князем ходили воевать в Булгарию, на Хазарию, и везде их ждала победа. Киевская держава стала такой сильной, какой ни была никогда. А чем сильнее Киев, тем сильнее и Новгород. Нас уважают и боятся по всему миру, и в этом заслуга колдунов. Да, порой колдуны были жестоки, брали людей в рабство, приносили щедрые жертвы богам. Но всё это лишь для того, чтобы умиловить богов. И боги благословили Киевскую Державу, и возвысили её почти так же, как Ромейскую Державу. А в скором времени мы... Русь, возможно, станет даже сильнее Ромейской Державы. Я знаю, в Новгороде не любят, когда вас называют Русью. Но именно под таким именем нас знают и боятся во всём мире. Если я стану посадником Новгорода, мы станем ещё сильнее, мы заставим бояться нас и болгар на Волге, заставим дрожать весь мусульманский мир. Идите за мной, и ни один враг больше не сможет захватить Новгород, наш город будет непобедим. Но если пойдёте против меня, вы пойдёте не только против вождя Усыни и князя Владимира, но и против богов. А если боги начнут нам мстить и отвернуться от нас, если мы отступимся от богов, то наши враги раздавят нас.

И очень глубоко слова чародея тронули местный народец. За красноречие жреца и стали называть Соловьём, послушать его речи собиралось огромное множество народу. Богомил говорил с помоста на соборной площади, что было дозволено лишь князю или посаднику. Кол-

дун, следовательно, говорил так, будто бы он уже был посадником, говорил, как настоящий хозяин города. И, по сути, это было так, поскольку никто из старшей дружины не посмел ещё открыто соперничать с Соловьём за место посадника. Казалось, что это уже вопрос решённый, и править жрецу Богомилу в Новгороде. И пока Добрыня искал, кого бы поставить, пусть даже для виду, на выборах против Соловья, в город прибыли торговые лоды боярина Стояна, на которых одним из начальников был совсем ещё юный Садко. Узнав о происходящем, скальд тайно отправился в Людин конец к старшине Василию, чтобы держать совет. Прибыв на место, Садко в очередной раз пожалел о том, что был изгнан. Братство шутов, когда-то созданное им, теперь получило невероятное могущество. Правда, большой власти в нём Василий не имел, правило здесь собрание, в котором больше влияния было у самых богатых. Но и сам сын Буслая богател и набирался опыта, а имя его наводило на людей страх. Василий как и прежде лютой ненавистью ненавидел колдунов за смерть своего отца, а потому решил, что если Богомил станет посадником, то ни за что не примет власть чародея и не подчиниться ему.

– Он ведь не только Перуну молится, – говорил Садко, – но и Симарглу – нашему богу. О Богомиле люди много хорошего толкуют.

– Для меня всё одно, – отвечал уже пьяный Василий, – ненавижу всех их. Когда-то новгородская дружина состояла из свободных людей. А что теперь? Все ползают на брюхе перед Киевом. Тьфу.

Садко понял, что бесполезно отговаривать друга и испил вина.

– Кстати, мы тут тебе жену нашли, пока тебя не было, – снова заговорил Василий, – недавно она овдовела и теперь тоскует по женской ласке.

Глаза Садка загорелись от любопытства. А в следующий миг в избу завели женщину, закутанную с ног до головы. Садко снял покрывало с её головы и увидел покрытую морщинами старуху.

– Иди ко мне, милоч, – произнесла она. Вся братчина расхохоталась от такой шутки, Садко разразился хохотом и даже обнял и поцеловал свою наречённую, а после зачерпнул из бочки вина и выпил до дна целый ковш. Наутро с больной головой он отправился на двор к боярину Стояну Воробью. Своё прозвище «Воробей» он получил за то, что имел владения на Воробьёвых горах. Сам дружинник был ещё молод, ему едва перевалило за 30 лет. Высокий, статный, русоволосый. Он был приблизительно одного возраста с князем Владимиром, более того, был другом юности князя. Когда Владимир был князем в Новгороде, юный Стоян буквально жил на его дворе. Когда отец Стояна вместе с князем отправился в Новгород, сын вошёл в старшую дружину и теперь был одним из самых верных бояр Добрыни, наравне со скандинавом Сигурдом и прочими доверенными лицами. Стоило Садку прийти на двор, как начальник побранил его за долгое отсутствие и сослал в конюшню убирать навоз. Едва он закончил, в конюшне появился боярин Стоян, который очень доволен был тому, что нашёл конюшни чистыми.

– Хм, быстро ты справился, Садко, – проговорил он. – Не видел, куда мой конюх запропастился? Чёрт бы его побрал, наверное, отправился слушать этого Богомила на площадь.

– Если боярин желает, я могу запрячь Буяна, – вымолвил Садко.

– Да, пожалуй, пусть будет Буян. Съезжу до Добрыни. В городе не протолкнуться, переполох. Все, разинув рты, Соловья слушают и ждут от него подарков.

– Нешто Богомил теперь наш посадник? – спрашивал Садко.

– Видимо да, – отвечал Стоян, – а больше и некому. Кто же пойдёт против колдуна?

– По мне, боярин, из тебя вышел бы куда лучший посадник.

Стоян улыбнулся такой лести и погладил свои усы.

– Тут, Садко, и по знатнее меня бояре есть, и по богаче. Не мне с ними тягаться. Тем более, я уезжаю в Киев вместе с Добрыней и Сигурдом.

– Жалко. Боюсь, станет Богомил посадником, смута в городе начнётся. Друг мой – Василий – сын боярина Буслая и очень влиятельный человек в Людином конце. Он на колдунов зол и ни за что не признает власть Богомила. С другой стороны, если бы кто-то из достойных людей выступил против Богомила, и если бы Василий со своими людьми проник бы в людинскую курию, то эта курия отдала бы свой голос против Богомила. Василий красноречив, и людинское вече его слушается.

– Людинская курия большой роли на вече не играет, – отвечал Стоян, однако, не уходил, что значило, что он хочет слушать дальше.

– Это ещё не всё, – продолжал Садко, – есть у меня ещё один друг – Костя Новоторжанин. Он – христианин, более того, среди христиан он – герой. Бился с разбойниками и упырями и был ранен. Если я попрошу, клянусь Перуном, что и Неревский конец всей курией проголосует против Богомила.

– Хм, хорошие у тебя друзья, Садко, – чесал бородку Стоян.

– Есть у меня и ещё один друг – чародей Святослав Вольга, сын дружинника Бориса Вольги. Если я попрошу, то и Борис будет за противника Соловья, а за ним и все волхвы и волшебники, их родственники, и полукровки, и все, кто боятся Усыню и колдунов.

– Это если ты их попросишь, Садко. Но с чего бы тебе их просить, и с чего бы им выполнять твою просьбу?

– Я попрошу, если ты мне прикажешь, боярин, потому что я у тебя на службе. А они выполняют мою просьбу, потому что так же как и я ненавидят колдунов и Богомила.

– Ну а если колдуны мне голову снимут за такую просьбу?

– Ты не хуже меня знаешь, боярин, что колдуны сейчас в крепкой ссоре с князем Владимиром, он прогнал их из Киева. Поэтому и хочет он теперь заручиться поддержкой Ромейской Державы. Даже если колдуны попытаются вернуть свою власть в Новгороде, мы дадим им отпор, и князь Владимир не будет на нас за это в гневе, возможно, даже отблагодарит. Но колдуны не пойдут к нам, они засели в Чернигове и копят силы, чтобы напасть на Киев.

– Хм, складно говоришь, Садко, – продолжал задумчиво поглаживать бородку Стоян. – Я всегда знал, что ты смыслён не по годам. У меня дара красноречия такого нет, поэтому если я пойду против Богомила, ты будешь моим голосом. Но сначала нужно посоветоваться с Добрыней, приготовь мне Буяна, да поскорее.

Вскоре Стоян вернулся от Добрыни и сообщил радостную весть. Теперь Садка он назначал дьяком и своим глашатаем. Тут же юный скальд переоделся в новый комзол, подпоясался расшитым золотом поясом и отправился прямо в боярскую избу, где сидели дьяки и подьячие, которые лишь тем и занимались, что считали боярские доходы и расходы. Оба дьяка и пятеро подьячих выполняли помимо основных и другие обязанности по хозяйству. Так, каждый из них в зависимости от воли Стояна становился гонцом, управляющим на Воробьёвых горах или даже торговцем и мореплавателем, но главной их задачей было вести учёт дани и казны всего хозяйства дружинника, писать указы, письма и грамоты. Дьяки поверх кафтана носили пояс, вышитый золотом, а подьячие – серебром.

Садко, довольный собой вышел в таком виде щеголять в город. Он понимал, что в случае провала он не только может быть изгнан из дьяков, но и вообще с дружинного двора. Но в случае успеха он рассчитывал попасть в личную дружину посадника Стояна, одна мысль об этом уже опьяняла. Первым, к кому отправился Садко, был Костя Новоторжанин. Уже здесь возникли затруднения. Во-первых, сам Стоян официально был язычником, по мнению христиан, а во-вторых, само вече христиане считали языческим действием и участия в нём принимать не хотели. Да и вообще, они сторонились общественной жизни в языческом обществе.

– Скажи своим единоверцам, Костя, – говорил на это Садко, – что, если Богомил станет посадником, то они лишаться не только мирской жизни, но и жизни вообще. Сигурда и Доб-

рыни в городе не будет, заступиться за вас будет некому. Богомил ваш храм с землёй сравниет. Не к чему ему чужая вера в городе. Сейчас есть только один выбор: либо Стоян, либо смерть.

– Я скажу им, Садко, – отвечал Костя, – я на твоей стороне, ты же знаешь, но убедить других будет не просто. Спой лучше что-нибудь, а то уже давно не слышал я твоего пения и твоей игры.

И Садко порадовал старого друга своей музыкой, а после отправился в гости к Свято-славу. Тот сразу оживился от поступившего предложения.

– Сколько чародеев из клана Серого Волка сейчас в городе? – спрашивал Садко.

– Около десяти, – отвечал юный Вольга, – официально они подчиняются Усыне и клану Змея. Но они с радостью отомстят колдунам. Есть ещё ведьмы, которых знает моя мать. Да и отец мой очень популярен в младшей дружине. Если он поддержит Стояна, его шансы на победу возрастут. Уговорить бы только отца, он ведь Воробья далеко не во всём поддерживает, к тому же, он и сам подумывает о том, чтобы побороться за место посадника. Не волнуйся Садко, тебе я помогу. Соберу людей против Богомила, а там уже решим, за кого голосовать. Только никаких речей на людях я держать не буду, действовать буду тайно.

– Хорошо, как скажешь, брат.

Следующим, к кому следовало заглянуть, был Василий. В свои 20 лет он был уже упрям, как бык и непредсказуем. Невероятно трудно было его в чём-то убедить, и ещё труднее было заставить его что-то делать. Если насчёт Кости и Святослава у Садка не было тревог, то здесь его стали обуревать сильные сомнения. Василия он застал дома, трезвым и почему-то в плохом расположении духа.

– Стояна в посадники? – удивился Василий, когда выслушал просьбу друга, – может, лучше, тогда Чурилу посадником сделаем? Он тут мне грозился дом поджечь за то, что я одного из его людей кулаком насмерть убил. А он сам напросился, дурак. Со мной и трезвым-то никто не может справиться, а он пьяный хотел со мной потягаться.

– Чурила служит Богомилу, Вася, он поддержит Соловья. А Стоян против Богомила, значит, и против Чурилы.

– Если опять Чуриле дорогу перейду, он мне точно дом сожжёт вместе со всем хозяйством.

– Нешто ты Чурилу боишься, Вася? Я тебя не узнаю.

– Я не за себя боюсь, я за родных. Чурила – человек простой, он пойдёт на любую низость, чтобы победить. Если нужно, возьмёт близких в заложники, убьёт женщин и детей, будет нападать со спины и ночью. Ему не ведомо благородство в бою.

– Будто бы у Чурилы нет родственником и близких. Тронет твоих родных, ты тоже самое сделаешь с его дочерьми. Я слышал, он в них души не чаёт.

– Я? – даже несколько смутился Вася, – я не посмею, и он это знает.

– Зато другие посмеют, – глядя ему в глаза говорил Садко. Он уже наклонился совсем близко к голове друга и положил ему руку на плечо.

– Хоме Горбатому прикажи, и он всё сделает, этот убивец никого не пожалеет. А если боишься гнева Потамия, то Хромого я возьму на себя. Уберу его куда подальше на время.

– Эх, не понимаешь ты, – вздохнул Василий, убирая его руку с плеча, – я и без тебя прекрасно знаю, на что способна моя братчина. Только я этого не хочу. Мне и так уже достаточно их проделок. Они не знают чести, они ничем не лучше Чурилы, почти все. Я вроде и главный над ними, но они меня совершенно не понимают, только боятся. Эх, устал я. Если стану таким, как они, то я больше не дружинник.

– Боишься, что о тебе скажут другие? Вот она цена боярской свободы. Постоянно оглядываться назад, бояться дурных слухов.

– Да причём тут дурные слухи, – разгневался даже Василий, встал, но тут же снова сел на лавку. – Ты, Садко, не понимаешь смысла дружины. Бояр мало, это редкие люди, исключитель-

ные, но их всегда очень мало. Можно сказать, потому их и мало, что они такие исключительные. И мы должны постоянно поддерживать в себе эту исключительность, не опускаться до толпы, не действовать так как толпа, не быть злопамятными, не быть подлыми, не завидовать. Не потому что это не правильно, а потому что иначе мы будем как все, и уже не можем считаться исключительными, даже не смотря на богатство и власть. Да и не богатство и слава делают дружинника дружинником. Я не был богат и был в изгнании, но всё равно оставался боярином, оставался человеком исключительным, а, значит, и знатным. Эта исключительность редко возникает случайно, обычно же она взращивается большим трудом, из поколения в поколение, в борьбе против простоты и через отбор самого исключительного и прекрасного. А сейчас я вижу, как дружина гибнет. Будто какой-то червь точит её изнутри. И при этом называется она как и прежде – дружина, но она уже перестаёт быть исключительной. Бояре теперь полюбили деньги, полюбили славу больше справедливости и власти, и готовы подчиняться Киеву и кому бы то ни было ещё. Они становятся слишком простыми. Вот и я здесь стал слишком простым. Я погибаю, и понимаю это. Но я не хочу торопиться со своей гибелью, хочу, даже теряя свою знатность, послужить ещё великому делу боярства. Даже ценой своей жизни. Я могу победить Чурилу, могу поддержать Соловья, но и я погибну, причём бесславно. Отдам свою жизнь не ради великого дела торжества красоты, а ради чего-то бездарного и низкого. Нет, этого я не могу допустить. Пусть я живу в Людином конце, но об одном я молю богов, подарить мне красивую смерть, позволить умереть ради прекрасного, то есть ради исключительного, великого.

Многого Садко не понял из речи своего друга, но из того, что понял, уяснил, что такой ум не поддастся на его красноречие, и убедить его не получится. А меж тем появилась мать Василия – Амелфа Тимофеевна.

– Про Стояна я кое-что слышала, – заговорила она, – и про отца его. Когда твоего отца и моего мужа отправили в заточение, они вместе с Борисом Вольгой ходили просить Добрыню освободить Буслая.

От этих слов Василий изменился в лице. Если Стоян и не тот человек, который сможет возродить дружину, то хотя бы тот, который сможет развязать руки Василию, и вместе они, возможно, и смогут побороться за возрождение. Садко внимательно следил за задумчивым лицом друга, ожидая, когда тот заговорит.

– Ладно, будь по-твоему, – вымолвил, наконец, Василий, – только ради своего отца я не дам Богомилу стать посадником.

В следующую пятницу со двора Стояна челядь выкатила пустую бочку и поставили её на торжище. В торговый день здесь было полно народу, торговцы наперебой голосили, пытались продать свой товар, отчего здесь было шумно, и поначалу мало кто обратил внимания на молодого дьяка, который забрался на бочку и принялся держать речь.

– Новгородцы, не верьте колдуну Богомилу, он всех вас обманывает, – пытался он перекричать голоса торговцев, – Я – Садко – дьяк дружинника Стояна Воробья скажу вам правду. Колдуны подняли бунт в Киеве против нашего князя Владимира, и наш князь прогнал их из города за это. Теперь князь не поддерживает их, не поддерживает их и бог Перун. Богомил говорит, что своим могуществом мы обязаны богам. Но колдуны долгое время верили своим богам и никакого могущества не имели. Могущество пришло от другого бога, от Перуна, в которого колдуны прежде никогда не верили. Бог Перун – это бог княжеской дружины, и только княжеской дружине и великому князю Владимиру мы обязаны своими победами в Болгарии, в Хазарии, в войне с печенегами... Колдуны приносят свои жертвы напрасно, лишь чтобы запугать нас. Но они не сломили нас, за годы их тирании мы стали сильнее. Долго ли ещё нам терпеть их гнёт? Допустим ли мы колдуна в посадники? Мы забыли, что Новгород – это вольный город. Пора об этом вспомнить.

И эти слова возымели своё действие. Народ стал прислушиваться к молодому оратору. По Новгороду пошёл слух о сыне Волрога, который лично бросил вызов Богомилу. Челядь

Стояна перекатывала бочку из одного конца торжища в другой, и везде Садко говорил одни и те же слова. Но на этом они не остановились. Известный скальд привлекал людей музыкой и игрой на гусях. А когда народу собиралось достаточно, прекращал игру и начинал свои дерзкие речи, называя себя всегда посланником Перуна.

– Перун – это добрый бог, покровитель дружины и князя, – говорил Садко, и, вспоминая слова Василия, добавлял к этому, – отец всего исключительного и выдающегося на этой земле. Но колдуны оболгали его, чтобы приносить жертвы от его имени. Не верьте Богомилу, долой колдунов! Стояна Воробья в посадники! Стоян – наш заступник!

И народ вторил Садку и шёл за ним. Народная ненависть к колдунам росла и даже грозила перерасти в восстание. Но Садко чувствовал, когда толпа слишком разгневана и находил слова, чтобы её успокоить, обещая, что стоит лишь Стояну стать посадником в Новгороде, как он тут же наведёт порядок. В то же время Костя держал речь в христианском храме с разрешения священника. Он робел и заикался, говорил сбивчиво, но призывал всех идти на вече за Стояна. Неизвестно, что бы было, если бы здесь не было его возлюбленной – Ольги. Она придавала Кости уверенности, смотрела на него полным нежности и восторга взглядом и внимала каждому его слову. И слова юного героя подействовали на христиан, и даже сам священник поддержал его предложение. Святослав в свою очередь ночами где-то пропадал, никто не знал, где. Где-то в тайных местах он собирался в Новгороде с опальными чародеями. Те наотрез отказывались от прямого участия в вече, и всё же обещали помочь. Василий в свой черёд собрал вече в Людином конце, где нужно было решить, кто возглавит курию и отправится на вече в Славенский конец. Разумеется, никто столь молодому старшине не позволил возглавить курию, но и Чурила не добился этого места. Его получил кузнец Людота, который состоял в братстве Василия. Так же на вече удалось добиться, чтобы сам Чурила не попал на вече. От этого лицо старшины словно стало ещё злобным и полным презрения. Страшным взглядом Чурила проводил тогда Василия. А уже вечером, испив ковш вина, сын Буслая говорил своей братчине такие слова:

– Не проспять бы нам, братцы, когда будет вече. Пойдём своё слово держать против Богомила за Стояна. А если кто из Людина конца будет говорить против нашего, то будь то хоть люди Чурилы, лупите, пока не начнёт голосовать за Стояна.

И вот наступил день великого новгородского вече. Уже с утра на площади появились колдуны из личной дружины Богомила, которые на всех наводили страх своим видом. Соловей вместе со своей дружиной верхом на коне объезжал городскую площадь, будто бы показывая, кто здесь настоящий хозяин. Казалось, этот отряд уничтожит каждого, кто пойдёт против его вождя. Но вот послышался звон вечевого колокола, и Новгород стал оживать. Народ стягивался на площадь, чтобы высказать свою волю. Шли купцы, лавочники, ремесленники, дружинники, челядь, охотники из Людина конца, христиане. Народ собирался в отдельные копы, каждая из которых могла держать своё слово на вече, голоса самых разных копен были равны друг другу. А слова здесь было всего два: за Богомила или за Стояна. Воробей появился почти в одно время с Добрыней, стало ясно, что он накануне о чём-то говорил с верховным волхвом. Очевидно, в случае поражения на выборах Стоян рассчитывал уйти из города в поход и тем самым обезопасить себя. Первому Добрыня дал слово Соловью, и тот использовал всё своё красноречие. Говорил он долго и красиво и завершал свою речь такими словами:

– Подумай, как следует, Новгород. Кого ты хочешь себе в посадники? Бесславного Воробья, шут которого от его имени врал вам и баламутил всё это время, или сильного колдуна, который сможет защитить вас от всех бед? Я думаю, выбор очевиден. За мной правда, Усыня и боги, за ними – кривда и нечистая сила.

Дали слово и Стояну Воробью.

– Я, конечно, так хорошо говорить не умею, – молвил боярин, – скажу лишь, что Богомил для нас чужак, в дружине он совсем недавно, да и порядков наших не знает. Я был в дружине

ещё при князе Владимире, я рос с князем. Мой отец был в новгородской дружине, и его отец. Я не буду лгать своему городу, и, если нужно, отдам за Новгород свою жизнь.

– Богомила хотим! – прокричал кто-то в толпе, и тут же началась толкучка. Это молодцы Василия Буслаева избивали кого-то из Людина конца.

Стали по очереди давать слово разным копнам. Вперёд пробились копны племён, обязанных Богомилу своим примирением. И все как одно держали речь за него. Стоян переглянулся с Садком, и во взгляде его было беспокойство и гнев.

– А ну, расступись, – закричал Садко, расталкивая толпу, – дай и другой стороне слово молвить.

И вот выбрался из толпы огромный Василий Буслаев, подобно киту, проплывающему через косяк мелкой рыбёшки. За ним потянулся чуть ли не весь Людин конец. И Василий заговорил обо всём наболевшем. Стал держать речь про своего отца, отчего толпа недовольно загудела, а Добрыня злобно нахмурился. Затем Василий и вовсе открыто заговорил против новых порядков и новой веры. Кончил, однако, просьбой поддержать Стояна Воробья, но речь его мало на кого подействовала, да и толпа постоянно мешала ему говорить. Только воевода со своим окружением стал косо поглядывать на возмужавшего сына Буслая, который не только не погиб, но и сумел добиться немалой власти, находясь в изгнании и в опале. В конце концов Садко в удобный момент шепнул на ухо другу, чтобы тот убирался сразу после голосования, не дожидаясь результатов, иначе его могут схватить. А меж тем дали слово и другим копнам, дали слово и христианам, но, несмотря на это, Богомил всё равно шёл впереди. Всё же красное слово – это хорошо, но богатые подарки и вино, на которые не скупился клан Змея – это ещё лучше. По взгляду Стояна Садко понимал, что если боярин проиграет, то ему придётся очень туго. Воробей отправится в поход вместе с Добрыней, а Садко попадёт на расправу к Богомилу. И пояс дьяка уже не вызывал у Садка гордости, а как-то неудобно сдавливал живот. Но вот появился на площади дружинник Борис Вольга, вышел, поклонился народу и выступил за Стояна. Его слова возымели свой эффект, и когда началось голосование, многие из младшей дружины голосовали за Воробья. Значительная часть младшей дружины разом ополчилась против Богомила, и Соловей заскрипел зубами от злобы. За младшей дружиной потянулся и торговый народ: купцы да лавочники, которых, к тому же подговорили волшебники. Богомил нервно сдавливал эфес своего меча. Совсем не многие теперь отдавали ему свой голос, преимущество клонилось в сторону Стояна. В конце уже никто не сомневался, что победа за ним. Но Богомил потребовал пересчитать голоса. Он был в ярости, казалось, он вот-вот набросится на Добрыню и Стояна. Смерть Соловья не принесла бы сейчас Новгороду ничего хорошего. Дьяки внимательно пересчитывали голоса, записывали цифры, затем подошли с куском бересты и показали его Добрыне. Тот выступил вперёд и заговорил:

– Новгород, ты сказал своё слово. И с сегодняшнего дня твой посадник – Стоян Воробей. В ярости Соловей топнул ногой, отчего зашатался весь помост.

– Полегче, Богомил, – вымолвил Стоян, – будешь безобразничать в моём городе, будешь наказан.

– Ещё посмотрим, кто кого накажет, – прорычал Соловей и убрался прочь с площади. Новый посадник отправился к себе домой. Слухи шли вперёд него, и его родные уже вскрыли бочки с вином и накрыли на стол праздничные кушанья. Молодого дьяка Стоян посадил подле себя и стал вести с ним такой разговор:

– Хорошую службу ты сослужил мне, Садко, какую бы ты хотел получить награду за это?

– Я лишь хотел бы ещё лучше служить тебе, владыка, – отвечал Садко, – а это я смогу сделать лишь в твоей личной дружине.

– В моей дружине? – удивился Стоян, наливая себе вина, – в моей дружине служат только мои родственники, дальние или ближние. Или хочешь породниться со мной?

– Да куда уже мне, владыка? Больно не по чину.

– Вот именно, не по чину. Тебя всерьёз никто не воспринимает, Садко, для всех ты – шут. Это не в обиду тебе говорю. Просто, каждый должен быть на своём месте. Я твою хитрую натуру знаю, и знаю, где она может лучше пригодиться. Я теперь посадник, а ты – мой дьяк. Должность почётная и прибыльная, и головой не так рискуешь, как дружинники.

В одночасье мечты Садка рухнули. Он мечтал влиять на Стояна, помогать ему в управлении городом. Для своих лет он слишком многого хотел, этот урок смирил его гордыню. Садко сделал вид, что рад и тому, и выпил вина. Никто бы не понял, если бы сын разбойника из Людина конца так расстроился бы из-за такой оказанной ему высокой чести. На следующий день вече собралось снова, чтобы выбрать тысяцкого и нового верховного волхва. На должность волхва почти единогласно все избрали Богомила, здесь не о чем было и спорить. А вот за место тысяцкого разгорелся спор. Сам Борис Вольга претендовал на это место и рассчитывал на поддержку Стояна Воробья. Но Стоян открыто его почему-то не поддержал, а потому тысяцким стал другой знатный боярин – Угоняй, тот самый, у которого Василий Буслаев некогда украл коня.

Глава 10.

Гости из Рима.

Мужики потирали руки в ожидании предстоящей схватки. Все бородатые, угрюмые крестьяне, испытанные ни раз в кулачном бою. Те, что по моложе, разминались, ходили на руках или прыгали, перекручиваясь через голову. Кулачные бои – старинная русская забава у простонародья. И место было выбрано удачное: чистое поле, зелёная трава, недалеко от Новгорода. Но противник опаздывал, а у мужиков чесались кулаки. Того гляди, начали бы уже друг друга лупить почём зря. Но тут вдали показалась группа горожан, приблизительно равная им числом. Вот они, матёрые бойцы, вышли поразмяться. Один – хромой, другой – горбатый, у третьего голова перевязана. Сразу видно – городские, бойцы неважные. Но впереди шёл настоящий здоровяк, которого свет ещё не видывал. Плечи широки как коромысло, голова как наковальня, кулаки, как кузнечные молоты, а грудь как кузнечные меха. При этом он был ещё очень молод, лицо было начисто выбрито, из-под шутовского колпака на голове во все стороны торчали русые волосы. При виде такого витязя хуторской люд немного растерялся, хоть и старался не подавать виду.

– Ну что, начнём? – меж тем задорно вымолвил здоровяк.

– Тебе как звать, добрый молодец?

– Василием, – отвечал витязь.

– Не тот ли Василий Буслаев, что убивает ударом кулака?

– Тот самый, – нахмурился здоровяк.

Мужики пошептались меж собой, почесали в затылках, да и развернулись и пошли обратно, в сторону своего хутора.

– Ну куда же вы? – пошёл за ними Василий, – мужики, клянусь, в полсилы буду бить. В четверть силы!

Но земский люд был неумолим. Против такого бойца никто из них не решился бы сражаться. Василий совсем расстроился, присел на кочке, призадумался.

– Вот жизнь пошла, даже подрасться не с кем, – проговорил тоскливо он, – все меня боятся, до всех моя слава уже дошла. Пойти что ли, потрясти купцов из Славенского конца? Да нельзя, они теперь меня там все в лицо знают, за версту обходят, да и новый тысяцкий ненавидит меня лютой ненавистью за угнанного коня и потому никому не велит меня трогать, сам хочет меня достать.

– Не печалься, Вася, – положил ему руку на плечо Потамий, – хватит ещё на наш век всяких драк.

– Тоска одна в Новгороде, – поднимался на ноги Василий. – Ну, пойдёмте, братцы, хоть вина напьёмся, делать нечего.

Да, велика была сила Василия Буслаева, но здесь она пропадала зря. Против этой природной силы и природного ума была подлость, хитрость и интриги слабых, всегда сплочённых между собой лучше, чем сильнейшие. Они мечтали приручить эту природную силу, сковать, обуздать её. Василий надеялся после вече заручиться дружбой с новым посадником. Ведь тот был обязан сыну Буслая, как и многим другим. В тайне Василий даже лелеял мечту вновь вернуться в дружину, и Борис Вольга хлопотал за него перед Воробьём. Но слава разбойника и людинского старшины уже разошлась о Ваське по городу. Теперь он для всех, даже знавших его отца, был чернью, павшим. Возможно, в душе бояре понимали, что в чём-то сын Буслая больше боярин, чем каждый из них, более непосредственный, более вольный, и потому завидовали ему. С ужасом для себя Василий понимал, насколько он одинок в этом мире, чужой и для близких, и для дальних. И, напиваясь вина, молодой старшина тешил себя мыслью, что

раз он для всех чужой, то, либо ему и вовсе не стоит жить в этом мире, либо жить жизнью исключительной, как и положено человеку столь необычному и для всех чужому. Здесь он всё больше начинал верить в свою исключительность, в свою великую судьбу, и вынашивать план, как ему одолеть всех своих врагов, одолеть самого Добрыню и колдунов, восстановить честное имя и самому стать князем независимого Новгорода. Стоян Воробей же, став посадником, сразу дал всем понять, что ничего требовать от себя не позволит. Обещаний, которые от его имени давал Садко, посадник, разумеется, не выполнил, угождать никому не собирался. Многие бояре ходили после вече к нему с разными просьбами и прошениями, полагая, что наступило время перемен, но очень немногие получили удовлетворение по своим делам. Нужно сказать, что хоть Воробей и не обладал даром красноречия, но был хитёр и опытен в политических интригах. Став посадником, после отбытия из города с войском Добрыни и Сигурда, Стоян стал искать дружбы с волхвом Богомилом. Помог их примирению новый тысяцкий – Угоняй. Будучи родовым аристократом, он, тем не менее, стал хорошим другом Соловья и поддерживал его, когда тот домогался места посадника. От трёх этих людей: Богомила, Стояна и Угоняя теперь зависела будущая судьба Новгорода.

Меж тем, князь Владимир в скором времени с войском покинул русскую землю. Теперь он был далеко, а колдуны из клана Змея были рядом, под Черниговом, а потому с ними было лучше не ссориться. На Ромейской земле некий Варда Фока поднял восстание против власти василевса константинопольского – Василия. Момент был подходящий, империя была ослаблена, терпя поражения от болгар. Русский князь подросел вовремя и нанёс сокрушительный удар по мятежникам. Пока те оправлялись от поражения, Владимир отправился в Константинополь и тайно принял христианскую веру. Но русский князь знал, что цезарь Василий слаб, и поставил условие, что крестит Русь в христианскую веру только в том случае, если император отдаст ему в жёны свою родную сестру. И Василевс согласился породнить величайший род в мире с князем варваров. Невеста должна была приплыть по реке. Владимир с дружиной отправился вперёд по суше. Было на реке одно опасное место, где проплывающие корабли часто грабили печенеги. Для надёжности князь Владимир стал с войском именно в этом месте и принялся ожидать, когда сюда прибудет корабли царевны Анны. В этот же момент отряд дружинников во главе с Сигурдом отправился в Киев, сопровождать митрополита Михаила. Михаил стал их заложником на случай, если бы василевс нарушил своё обещание и не отдал бы свою сестру князю. Михаил должен был от своего имени крестить Киев. Другой архиепископ, уже их Киева был отправлен в Новгород для того, чтобы именем князя крестить город.

Христиане каким-то образом уже заранее прознали о скором прибытии в Новгород архиепископа Иоана, и начали готовить ему тёплый приём. Совсем другой приём готовили Стоян и Богомил. Посадник Воробей был одним из немногих дружинников, которые были особо приближены к князю Владимиру, когда тот княжил в Новгороде. Стоян клялся Велесом в верности своему князю, но теперь князь творил что-то неладное. Уж не захватили ли его в плен проклятые ромей и не заставили ли его силой подписать грамоту, с которой приехал архиепископ? Не было рядом мудрого Добрыни, не у кого было спросить совета. Богомил же Соловей в любом случае был против жреца чужой веры. И всё же отца Иоана приняли радушно, как доброго гостя. Как выяснилось, архиепископ не знал языка новгородцев и говорил только через толмача, который и сам говорил с акцентом.

– Великий князь Вальдемар, – начал он, – прислал нас, чтобы сообщить великую весть вам. Долгое время вы жили во тьме и во лжи. Ви не знали истинного Бога, творца Вселенной, пострадавшего за нас на кресте и воскресшего на третий день. Ви поклонялись богам, которые есть нечистая сила, противная единому Богу. Но на вашего князя сошла благодать, он увидел свет и уверовал. Теперь он хочет и вас привести к своей вере. По сему случаю сегодня у вас в храме Преображения мы будем нести службу и крестить всех желающих в истинную веру. Храни вас Бог.

Сказав это, архиепископ направился к христианам, которые радостно тянули к нему руки, прося благословения. Иные даже плакали от радости и славили Христа. Отец Иоанн осенял всех крестным знаменем, по тем временам не тремя перстами, а двумя.

– Святой отец, батюшка, – протолкнулся через толпу Костя Новоторжанин.

– Чего тебе, сын мой?

– Позволь мне венчаться у тебя вместе с моей невестой Ольгой. Благослови нас.

– Благословляю, дети мои, и завтра же вас обвенчаю.

– Спаси бог, батюшка, – целовал ему руку Костя.

Ольга, невеста его, на радостях даже обняла при всех своего жениха, так для неё это было неожиданно и приятно. Но затем вдруг покраснела и отпустила будущего мужа. Костя тоже залился краской и пожалел даже, что не носил ещё бороды.

– Поздравляю, брат мой, – приобнял его за плечи Садко, который тоже был здесь, – сам архиепископ ромейский вас обвенчает. Хоть и хомут на шею, зато освящённый воскресшим богом.

– Будет тебе, – слегка толкнул его счастливый Костя.

– Не могу смотреть на твою радостную физиономию. Можно подумать, женитьба когонибудь сделала счастливым.

– Лучше скажи, что там Стоян говорит? Примет он новую веру или будет противиться воле князя?

– Так он мне всё и рассказал, – говорил ему Садко, – я знаю не многим более твоего. Знаю лишь, что Стоян снюхался с Богомилом, и очень ваша вера им пришлась не по вкусу. Так что скажи своему батюшке, чтобы таких речей, как сегодня, за стенами храма больше не вёл.

Сказав это, Садко ушёл, ему нельзя было долго здесь находиться, да и присутствовал он здесь лишь по поручению Стояна. Но прежде, чем вернуться к скучной работе дьяка, он свернул в проулок, который вёл совсем в другую сторону от думской избы и встретился там с другим своим товарищем – Святославом Вольгой.

– Ну, что скажешь, брат мой? – спрашивал его Садко.

– Мы готовы, – отвечал Святослав, – волхвы пойдут на союз с христианами против колдунов.

– Добро. Теперь остаётся только уговорить Стояна. Смотрите, раньше времени не вылезайте, только когда я скажу. Эх, не просто будет уговорить Стояна, шибко он боится вождя Усыню.

– Усыня в Чернигове, он сюда не придёт.

– Я знаю, знаю. Но Стоян осторожничает, рисковать боится. Ты не волнуйся, я своё слово сдержу, но за посадника ручаться не могу.

За долгие годы присутствия в Новгороде христиане отстроили свой молебельный дом в настоящий храм, который называли храмом Преображения. Именно в Преображенском храме на следующий день служил свою службу архиепископ Иоанн, и многие в тот день преобразились из язычников в христиан. Но много было и тех, кто пришли просто поглазеть на заморского жреца, лопочущего на чужом, незнакомом языке. Для одних это была потеха, для других большое диво, для третьих – знамение великих перемен. Для Кости и Ольги это означало заключение священного союза на небесах, и ни о чём другом они сегодня больше думать не могли. В этот же день Ольга переехала в дом к Новоторжанам, где молодым супругам выделили целую комнату. Здесь Костя впервые без стеснений обнял свою жену. Лицо его залилось краской, её ещё пуще. Ольга застыла и словно впала в оцепенение. Костя целовал её в щёки, в губы, в лоб, даже в брови, прижимал её к телу. Самое время, чтобы заделать дитя. Но оба молодожёнов не знали, как, хоть и много раз видели, как это делает всякая дворовая живность, будь то куры, собаки или коровы. Но так, по животному они не хотели. Пришлось немало постараться и испытать немалые неудобства, и в конце концов заснуть не удовлетворёнными,

хоть и счастливыми, в объятиях друг друга. Это уже потом старшие братья посветят Костю в тонкости интимной жизни, и после проб и ошибок что-то начнёт у него получаться. Но и сейчас молодые были счастливы тому, что были вместе, рядом, на земле и на небе, и никто не мог их разлучить.

Церковные службы в Преображенском храме происходили с того дня ежедневно, но от общего числа новгородцев крестились немногие, в основном приходили лишь ради любопытства. Греческий священник нёс свою службу исправно, хоть никто и не понимал ни слова, а толмач переводил народу только проповеди. Так прошёл целый месяц, и совсем уж расхозяичились христиане в городе, стали посылать своих людей по домам с проповедями, даже Стояна начали склонять в христианскую веру.

– Сколько можно в своей жизни веру менять? – отпирался посадник, – эдак и с ума сойти не долго.

Богомила же христиане явно раздражали, и он стал искать на них управы.

– Ну, молятся и молятся, что с того, – отвечал равнодушно Стоян на все его жалобы.

– Они хулят нашу, истинную веру, называют нас дикарями, сманивают в свою веру.

– Хочешь перебить всех христиан в городе? Князь Владимир осерчает. Добрыня голову снимет и с тебя, и с меня.

– Не бойся Добрыню, бойся могучего вождя Усыню и Черниговского князя Всеволода. Они смогут за нас заступиться, если примем их сторону.

– Всеволод с Усыней пойдут на Киев, а не на Новгород. До Киева им ближе, в Киеве нет сильного войска, всё ушло на войну, и Киев нанёс им страшную обиду. К нам колдуны не придут, нам никто не поможет. А я против своего князя не пойду.

– Получается, у нас с тобой несогласие выходит, – лукаво произнёс Соловей, – а если в дружине несогласие, к кому следует обращаться? К вече.

Богомил хорошо усвоил урок новгородского народовластия, и вот вскоре зазвенел вечевой колокол, и стал народ собираться на площади. И увидели все Богомила Соловья, стоящего на помосте. Поклонившись народу, говорил верховный волхв такие слова.

– Приветствую тебя, Новгород. Когда я стоял здесь в прошлый раз, я просил вас сделать меня своим посадником. Я обещал, что, если стану посадником, то дам вам защиту от врагов, и сделаю Новгород сильным. Вы же меня не послушали, и вот результат. Теперь иноземец, не знающий даже нашего языка, от лица киевского князя учит нас, как нужно правильно верить, хулит нашу веру, поит народ вином, говоря, что это кровь Бога, будто бы народ – это упырь, который должен пить кровь.

И народ зароптал, и пошло в толпе волнение.

– Не гоже! – кричали торговцы.

– Долой чужаков! – голосили даже некоторые смельчаки.

– Князь Владимир покорился ромейскому владыке, – продолжал Богомил, – его держат в плену и заставили подписать грамоту с приказом весь Киев и Новгород обратить в новую христианскую веру. Сначала они крестят нас в свою веру, а затем заберут нашу землю, а всех нас сделают рабами. Великий град Новгород, где испокон века жил свободный люд, покорят иноземцы. Скажите, дадим мы им это сделать?

– Нет, не дадим!

– Долой басурман!

И большая толпа горожан вслед за Богомилом двинулась прямо на Преображенскую церковь. Христиане закрыли ворота храма и огромные ставни, в результате чего оказались запёртыми внутри. Отцу Иоанну объяснили, чего требует народ, а архиепископ заговорил на ломанном русском:

– Мы же здесь по велению князя. Как смеют они бунтовать против воли своего василевса? Они же чернь. У нас даже знатные люди не могут перечить кесарю.

– На Руси народ вольный, святой отец, – заговорил вдруг Костя Новоторжанин, – не привык подчиняться одному богу и одному василевсу. Но мы можем их усмирить, если пойдём на союз с волхвами.

– С кем?

Архиепископу на его родном языке объяснили, кто такие волхвы, и он на своём же языке отвечал.

– Христиане не идут на союз с язычниками, – переводил толмач, – христианская вера несёт людям душевное спасение, но если не хотят они спасение, то пусть горят в аду.

– Но, батюшка, – не сдавался Костя, – волхвы враждуют с колдунами, они помогут нам и помогут крестить много людей. Без них нам не одолеть колдунов.

– Хватит! – отвечал архиепископ, – я устал от этой земли, устал от этого беспорядка. Я целый месяц нёс этим дикарям слово божье. Видимо, дьявол завладел их умами. Я возвращаюсь в Киев.

– Сначала нужно выбраться за эти стены, – съязвил Костя.

– Сжечь их, – послышались голоса с улицы.

– Да, сожжём храм! – вторил ему другой голос.

– Плохи наши дела, – говорил Новоторжанин, – если не выйдем сейчас, нас тут зажарят заживо.

– Так выходим же. С нами Бог, неужели мы испугаемся каких-то варваров?

И отец Иоанн пошёл вперёд всех. Ворота открылись, и священник пошёл навстречу толпе.

– Именем Божьим, заклинаю вас, – начал он.

– Бей попа, – прокричал кто-то из толпы, и не успел архиепископ договорить, как разъярённые горожане набросились на него. В последний момент Костя вытянул его на себя за рясу и закрыл собой. Завязалась драка. В храм язычники войти не могли, там не было больше места, дрались прямо в проходе. Вытаскивали кого-нибудь из храма и избивали уже на улице. Выбитые из строя бойцы уползали на паперть, а оттуда куда подальше. Послышались дикие женские крики, на весь двор раздался звонкий детский плач. Ольга издали пыталась разглядеть мужа, но Кости нигде не было видно. То ли он был в самой гуще схватки, то ли уже лежал где-то с пробитой головой, а, может, вовсе затоптали в толкучке. Узнать это не было никакой возможности. В храме было хорошее эхо, шум драки поднимался под самые купола и облетел весь Новгород. Василий Буслаев услышал этот шум за версту. В один миг собрал он людей и бегом направился в Неревский конец. Уже по дороге узнали, кто, кого и за что бьёт и помчались к храму.

– Кого бить-то будем, Вася? – спрашивал Потамий Хромой.

– Ещё спрашиваешь? Костя – мой названный брат. Раз он христианин, значит, бьём тех, кто бьёт христиан.

– Ой, что ж это делается-то! – послышался рядом отчаянный женский крик. Какая-то христианка стояла на коленях прямо на земле, с разбитым в кровь лицом, и неистово молилась и сыпала проклятия на язычников.

– Господи, помоги! Господи, защити!

И тут же откуда-то появилась группа отчаянных молодцов, уже одним своим видом наводящих на всех ужас. Некоторые были разодеты как шуты, в красные рубахи с длинными рукавами, в которых, однако была специальная прорезь для кулаков. У некоторых, включая огромного как скала вождя шествия, на голове был чёрный шутовской колпак. Этот здоровяк слово таран решительной поступью ворвался в толпу, пробивая себе дорогу к храму. Под его кулаками враги разлетались в разные стороны, как трава под косой, и, если оставались в сознании, хватались за голову и уползали в сторону.

– Берегись, шуты здесь! – прокричал кто-то. Горожане тут же прекратили своё нападение на христиан и все вышли из храма навстречу новому страшному врагу. Братчина Василия меж тем уже поломала строй новгородских горожан и многих побила или обратила в бегство. Из храма понемногу стали выбираться и христиане. Показался и Костя, он стоял возле самого архиепископа, защищая его от нападков врагов. Богомил со стороны, сидя верхом на коне, наблюдал за происходящим. Вскоре здесь появился и Стоян Воробей со своей свитой.

– Эх, Богомил, что же ты наделал, – вымолвил он.

– Ты же сам этого хотел, только боялся. Ничего, если что, вали всё на меня.

– Садко, – вдруг подозвал Стоян, и один из всадников вплотную подъехал к нему.

– Слушаю, владыка.

Но Стоян вдруг отвернулся от него в другую сторону и скривил лицо.

– Ты чего, чеснока что ли объелся?

– Да, – улыбнулся в ответ Садко, – говорят, убивает всякую заразу во рту.

– Дурак. Я видел у тебя лук, ты стрелять-то умеешь?

– Обижает, владыка, бегущему зайцу в глаз попадаю.

– Хорошо, вот и покажи мне своё мастерство. Видишь того крепкого молодца. Запомнил, как его...

– Это Василий Буслаев, владыка. Сын боярина Буслая, твоего старинного друга. Тот самый, который на вече....

– Понял, понял. Давай-ка, пристрели его.

– Как же так, владыка?

– Ты не понял приказа, дьяк?

– Но он же в толпе, – возражал лучник, – я ненароком могу задеть кого-нибудь из горожан.

– Ничего, он широкий, ты не промахнёшься. Стреляй.

Садко взял стрелу, вложил её в лук и натянул тетиву. Спина Василия воистину была огромной и сейчас была совершенно открыта. Сразу несколько врагов пытались его свалить, но их удары его даже не пошатнули. Крепка была шея витязя, крепко он стоял на земле.

– Стреляй же! – кричал Стоян на прицеливавшегося дьяка.

– Нет, там дети, если задену....

– Не дури мне голову. Стреляй, сукин сын!

Ещё немного, и стрела готова была уже вырваться из натянутой до предела тетивы. Но вместо этого стрелок опустил лук.

– Нет!

Богомил Соловей злорадно улыбнулся.

– Вот, значит, как? – гневался Стоян, – Ты хочешь у меня служить или нет? Тогда стреляй. Это твой путь в мою личную дружину, а, может, и в младшую дружину Новгорода. Не перечь своему посаднику.

– Нет, владыка, что хочешь со мной делай. Я не буду стрелять в друга.

– Ну, тогда, пошёл вон с глаз долой, – обозлился Стоян, и Садко поспешил убраться отсюда прочь. Оставалось только гадать, какое наказание приготовит для него Воробей, но добра от этого искать точно не стоило. А ведь если бы не Садко, да не Василий Буслаев, Стоян ни за что не стал бы посадником. А меж тем Воробью самому пришлось исправлять положение, и его младшая дружина, не слезая с коней, заехала прямо в толпу и многих передала, другие же бросились в рассыпную. Один дружинник хотел задавить и Василия, но тот лишь пригнулся, взял обеими руками коня за живот и опрокинул его на землю вместе с всадником. Вместе со своим братством Василий Буслаев отступил к храму и скрылся внутри. Здесь он встретил и Костю с рассечённой бровью, который всё это время держался возле отца Иоанна и

защищал его. Священник, однако, тоже не отделался одним испугом и сейчас прикрывал рукой подбитый глаз. Посадник Воробей слез с коня и один направился в храм.

– Прощения прошу за беспорядки, – проговорил он, обращаясь к отцу Иоанну. – Видимо, ваша вера слишком противна нашему народу.

– Ты пошёл против воли князя, – бросил ему архиепископ.

– Да нет, батюшка, если бы не я, вас бы всех тут перебили. Я спас вас. Народ не хочет вас принимать, не я.

– Я вернусь в Киев и всё доложу митрополиту.

– Ну, воля твоя.

И архиепископ, гордо перешагивая через тех, кто уже валялись без чувств, отправился к себе домой. Вскоре он действительно отбыл в Киев, массового крещения Новгорода не состоялось. Совсем иначе дело обстояло в стольном Киеве. Здесь христианство приняли многие, в том числе и знатные люди. Колдунов там уже не было, и некому было воспрепятствовать этому. Митрополит Михаил фактически стал уж главным города и распоряжался всюду, словно князь. Он же стал собирать войско, призывая на помощь всех христиан, когда узнал, что язычники из Чернигова идут войском на Киев. Теперь чародейские богатыри избрали себе нового воеводу – Дубыню – вождя клана Вепря, вместе с которым был и черниговский князь Всеволод Додон. На призыв митрополита в свою очередь откликнулись монахи из соседней Болгарии и прислали своё христианское войско, которое тут же в народе окрестили потыками, то есть птицами за лебединые крылья, которые они прикрепляли к своим доспехам со спины. Но именно болгарские потыки стали первыми христианскими богатырями, которые должны были дать отпор языческим богатырям. Князь Владимир в свою очередь никак не отреагировал на происходящее, поскольку был занят важным делом на ромейской земле. Долгое время он ждал, когда приплывёт его невеста, пока не понял, что император Василий просто решил его обмануть и не выполнять данное слово. Тогда русский князь развернул свои войска в сторону моря, где на Крымском полуострове стоял богатый ромейский городок – Херсонес. Из мести императору Владимир взял город в осаду. Горожане храбро отбивались и имели массу припасов, что говорило о том, что осада города будет долгой. Для Киева это означало, что подмоги от великого князя ждать не стоит, отбиваться и держать осаду в случае чего придётся своими силами. Для Новгорода это на некоторое время означало свободу и независимость. Казалось бы, мечты Василия начали сбываться. На радостях он даже отправился к старшине Чуриле и говорил ему такие слова:

– Не хочу быть твоим врагом, старшина. Хочу, как и ты, служить посаднику Стояну. Ведь мы делаем одно дело.

Чурила лишь недобро улыбнулся, впрочем, его изуродованное шрамом лицо иначе и не умело улыбаться.

– Думаешь, в дружину обратно вернуться, мальчик? Думаю, в думскую избу ты теперь попадёшь только как шут.

И в ответ на это все люди Чурилы дружно расхохотались.

– Напрасно ты меня обижаешь, старшина. Потеряешь хорошего друга и помощника.

– Думаешь, мне нужна помощь такого, как ты? Кто ты такой? Выскочка, молокосос. Не пройдёт и двух лет, как тебя пустят на нож. Видел я таких немало. Быстро начинали, вверх взлетали, но быстро и заканчивали. Ты сначала доживи до моих лет, проживи с моё, а потом и делай мне такие предложения. Всё, ступай, мальчик, не о чем нам с тобой больше говорить.

И Василий, стиснув зубы, вынужден был уйти. Нет, никто не знал здесь чести и уважения. И всё же слова Чурилы запали молодому старшине в душу. Он ни раз уже задавался вопросом, почему его друг – Потамий Хромой не борется с ним – своим старшиной за лидерство и преспокойно остаётся в тени? Были до Василия молодые старшины, но все они погибали молодыми. Были те, которые очень быстро и стремительно достигали больших высот, были и

такие, которые всех других старшин подчиняли себе и становились единоличными правителями Людина конца. Такого называли уже не старшиной, а головой. И власть таких голов тоже длилась не долго. Одного разрубили на кусочки прямо во время собрания старшин, нечего было даже хоронить. К другому собственная дочь провела ночью в дом убийц. Только одно было для Василия спасение: если бы его снова взяли в дружину. Умерить свои амбиции он не мог, не мог переделать себя, забыть обо всём, чему его учили с раннего детства. Но последние надежды попасть в дружину рассеялись, когда к Василию снова пришёл старый друг Садко, уже пьяный в шутовском наряде.

– Вася, а я тебе невесту нашёл, – вымолвил дьяк и привёл закутанную с ног до головы девицу.

– Да невеста твоя – горбатая! – засмеялся кто-то из братчины, и другие подхватили его смех.

Василий сдёрнул покрывало с её головы и увидел бородатое лицо Хомя Горбатого. На мгновение все замерли, ожидая реакции своего старшины, который, как известно, после встречи с Чурилой был не в духе. Василий вдруг обнял Хомя могучей рукой, а другой зачерпнул ковш вина и влил ему в рот. Горбун выпил всё до дна, а затем вырвался и поцеловал Василия прямо в губы. Тут уж все расхохотались, даже сам Василий. И началась великая попойка. Здесь-то Садко и поведал другу о страшном приказе своего посадника. И о том, что если бы на месте Садка был бы какой-нибудь другой лучник, то сына Буслая, наверняка, уже не было бы в живых. К тому же, известное было дело, что Угоняй не забыл своего украденного коня и теперь лютой ненавистью ненавидел Василия, только ожидая случая, чтобы отомстить. Садка, однако, за неподчинение не выгнали со службы, а только выгнали из дьяков, чему он был даже рад. Теперь он снова отправлялся в плавание, начальником на судне Стояна.

Глава 11.

Иоаким.

Вскоре до Новгорода дошли новые вести, выяснилось, что зять ошибалась. Князь Владимир не только не находился в плену у ромеев, но, когда те не сдержали данное ему слово и не захотели царевну из самого знатного в мире рода отдать замуж за варвара, пошёл против них войной. Его войско взяло в осаду богатый город Херсонес, известный на Руси как Корсунь, и через девять месяцев осады город был взят. Но когда ещё осада только началась, из Чернигова с войском вышел князь Всеволод, а с ним все три из четырёх кланов колдунов. Четвёртый клан чародеев был уничтожен самими колдунами три года тому назад. Войско князя Додона брало за городом город, никто не выдерживал натиска врага. И так язычники почти дошли до самого Киева, где встретились с городским ополчением и болгарскими богатырями-потыками. И хоть в том бою князь Всеволод победил, на осаду стольного града сил у него не осталось, и он вернулся на зимовку в Чернигов. Часть войска осталась в захваченных городках и погостах. По весне же, когда закончилась осада Корсуни, и крымский город был взят, на ромейской земле снова развернул свою деятельность мятежный Варда Фока. Князь Владимир снова ввязался в бой, но при этом потребовал, чтобы царевну Анну ему привезли сюда, в Корсунь. Всеволод Додон в свой черёд отправил в Киев гонцов с предложением сдаться, но христианский митрополит не захотел их и слушать. И тогда черниговский князь обратил свой взор на более лояльный язычеству город – Новгород. Но путь до Новгорода был дальше, чем путь до Киева, да к тому же проходил через чужие земли и княжества. Поэтому Всеволод Черниговский действовал постепенно. Как известно, главный торговый путь Руси – путь «из варяг в греки» проходил через три крупных города: Ладогу, Новгород и Киев. Войска Всеволода стали постепенно захватывать мелкие города на этом пути. Взяли немало городов вдоль Днепра ниже и выше Киева и тем самым стали контролировать торговлю на этом участке. Постепенно подбирались к Новгороду. И вот это уже серьёзно обеспокоило князя Владимира. Потерять путь «из варяг в греки», эту пульсирующую артерию Киевской Державы, означало тоже самое, что потерять страну. В Новгород обходным путём был тайно отправлен священник из Корсуни, грек Иоаким, с которым Владимир познакомился в Крыму.

Случилось это почти через год после изгнания из Новгорода архиепископа Иоана. Посадник Стоян Воробей теперь оказался словно меж двух огней. С одной стороны, в любой момент новым князем мог стать Всеволод, и у власти остались бы язычники, с другой стороны, Владимир мог вернуться и крестить всех в христианскую веру. Стоян всегда был верен Владимиру, но сейчас из-за неверного выбора он и его род могли потерять всё. А пока Воробей бездействовал, Богомил и Угоняй прибирали Новгород к своим рукам. Соловей теперь и не претендовал на место посадника, он, будучи верховным жрецом, имел в своих руках власть ещё большую. Даже Чурила из Людина конца при поддержке Богомила теперь ещё смелее притеснял всех в своём конце города. Один за другим старшины подчинялись его власти и признавали головой над собой. Головой всего Людина конца. Не признал только один, юный старшина – Василий Буслаев. По силе он был равен Чуриле, многие обиженные самозванным головой, переходили в братство Василия. Однако самые богатые члены братства уже сговорились с Чурилой. Голова заплатил им не малую сумму за то, чтобы они сдали Василия. Но на расправу Чурила отправился не сам, а выдал юного старшину его злейшему врагу – тысяцкому Угоняю. На заре ополченцы пришли к дому Василия. Лишь немногие братья тогда смогли подоспеть к нему на помощь. Сын Буслая своей громадной палицей одним ударом убил коня под ополченцем и уже собирался добить всадника, но его обступили со всех сторон враги. Шестеро его держали, пока пятеро других его избивали. И Василий ослаб, с переломанными рёбрами и разбитым

лицом упал на колени. В это время другие ополченцы разоряли двор старшины. Угнали коров, забрали всё золото, которое нашли, за волосы выволокли из дому мать – Амелфу Тимофеевну. Наконец, выгнали из конюшни и знатного коня.

– Долго же я свой подарочек не мог получить, – обнимал его за шею Угоняй.

– Верно тебя называют Угоняем, – плюясь кровью, молвил Василий, – только и можешь, что угонять чужое добро, будто вор.

– О, ты ещё говоришь мальчишка? Даже перед смертью дерзишь тем, кто выше тебя. Так знай, я возвращаю своё добро, которое ты у меня украл, ну и немного сверху плату за пользование им.

В ответ Василий злобно расхохотался, чем многих поверг в изумление.

– Мало тебе, видно, рёбер сломали, раз ты можешь ещё смеяться, – произнёс Угоняй, доставая копьё, чтобы поразить насмерть нахала.

– Где же ты был, справедливый боярин, когда дом моего отца разорили люди Чурилы? Когда этот пёс, которого вы хотите сделать головой, угнал коня моего отца и разъезжал на нём долгие годы? Он первый плюнул в лицо дружине и продолжает это делать по сей день.

– Я не знал, что это он, – отвечал Угоняй, – а если бы знал, он был за всё заплачен.

– Ну вот, теперь ты знаешь, и что ты будешь делать? Ты сделаешь то, что тебе прикажет Богомил и колдуны. А они приказали кланяться Чуриле, а мне срубить голову. И после этого ты называешь себя дружиной? Нет у нас дружины, давно уже нет. Дружина делает, что хочет, так прежде говорили. Теперь дружина делает то, что ей велят.

– Да что ты понимаешь! – прокричал Угоняй, хоть решимости у него уже поубавилось.

– Я понимаю. Мой отец с детства учил меня чести. И если бы ты был настоящим дружинником, ты бы вызвал меня на честный бой, а не прятался бы за спины своих бойцов.

– Ах ты! – замахнулся копьём Угоняй, но вдруг с силой воткнул его в землю. – Бросаешь мне вызов? Что ж, смело. Даю тебе слово дружинника, мы ещё встретимся в бою. Но не сегодня. Ты слаб и ранен, это был бы нечестный бой. К тому же, если ты бросаешь мне вызов, я выбираю, каким биться оружием. Мы будем сражаться на копьях, так что до того, как мы встретимся снова, научись владеть копьём, чтобы никто не сказал, что я сразил на копьях врага, который владеет только дубиной.

И с этими словами Угоняй уехал, сохранив Василию жизнь. Множество живности и хлеб в амбарах они оставили не тронутыми. Мать Василия не могла унять слёз от радости и нахваливала благородство Угоняя. Однако радоваться было рано. То слово, которое дал сыну Буслая тысяцкий, нельзя было нарушить. Однажды они должны были встретиться в бою и сразиться насмерть. Но братство Василия не погибло в тот день, и это значило, что Чурила теперь должен был уничтожить его своими силами. Богачи, продавшие Василия, были изгнаны из братства, и теперь оно было уязвимо как никогда. И всё же Чурила пока не решался действовать. Возможно, он опасался стать головой, чувствуя шаткость своего положения и памятуя о прошлом: ни один из старшин, ставшим головой, не умер своей смертью, а был убит и чаще всего предан своими же. Последний голова не находился у власти и года, на первом же собрании старшин его разрубили на кусочки. Василий Буслаев был теперь слаб и не представлял опасности, а расправа с ним могла вызвать гнев народа. Опять же вспоминался опыт прошлого головы. За неделю до его гибели ему бросил вызов его бывший соратник, который захотел стать старшиной и получить свободу. Голова одолел его, а через неделю разгневанные люди его разорвали. К тому же, упрочившиеся положение Чурилы теперь снова расшаталось из-за гнева тысяцкого Угоняя, который стал теперь особенно строг к самозванному голове и даже схватил несколько людей из его братства и прилюдно казнил за кражу. Так же по указанию Богомила новый тысяцкий взялся трясти и дружину. И снова тень подозрения пала на Бориса Вольгу, как на крёстного отца Василия Буслаева. Сын его – Святослав, выскользнул из рук Угоняя, а

затем и вовсе исчез из Новгорода. За это младшего Вольгу ещё больше стали подозревать в связи с волхвами.

Несладко пришлось и христианам, которые теперь свою веру свободно распространять не могли, на торжище их грабили, забирали товар, на улице избивали, в Славенский конец не пускали, в Людином конце правил теперь голова Чурила. Только в Неревском конце они ещё могли чувствовать себя в безопасности. Так что семейное счастье Кости Новоторжанина и его жены было совсем не долгим. Теперь они вынуждены были скрываться и жить в страхе. На фоне судьбы троих друзей, судьба Садка выглядела вполне сносной. Он был далеко от Новгорода, плывал по морю, торговал. Конечно, теперь бывший дьяк был вынужден подчиняться тем, кому раньше мог отдавать приказы. Участь незавидная для любого начальника. Прежде Садко был вхож в думскую избу, где видел высшую городскую знать, получал хорошее жалование, спал в просторных палатах. Поэтому поначалу бывшему дьяку было нелегко, но гусли и острый язык в очередной раз помогли ему.

А меж тем, в самый разгар гонений в Новгород прибыл гонец от князя Владимира, который вместе с тем был ещё и христианским епископом. Как гонца, никто прогнать его не мог, и потому, стиснув зубы, Богомил решил поначалу впустить архиепископа, который каким-то чудом прошёл все заставы князя Додона. Вместе с посадником Соловей встречал гостя у городских ворот. Архиепископ ехал не в повозке, как в прошлый раз, а верхом на лошади, отчего его никто не принял поначалу за архиепископа. Но вот всадник перекинул ногу через спину кобылы, спрыгнул на землю и пошёл навстречу к новгородцам. Весь остальной клир пошёл за ним. Иоаким был мужчина средних лет, намного моложе старого Иоана, крепок телом и даже несколько полноват, что несколько его не безобразило. На широком приветливом лице росла даже не борода, а редкая длинная щетина, видно было, что это человек мягкий, но отважный и привыкший повелевать людьми. Клир за его спиной переговаривался на родном языке, и, слыша греческую речь, Богомил не добро сплюнул и вымолвил:

– Опять притащились басурмане, наречия нашего не ведают.

– Отчего же не ведаем, боярин, ведаем, – проговорил на русском языке ко всеобщему удивлению Иоаким. – Я в Херсонесе учил наречие русов по книгам святых Кирилла и Мефодия.

– Милости просим в Новгород, – поклонился ему Стоян, чувствуя на себе испепеляющий взгляд Богомила.

– Доброго здравия, – поклонился в ответ Иоаким, – ты здесь, посадник?

– Я, Стояном меня величать, из рода Воробья.

– А я Иоаким – епископ Херсонесский. Князь Владимир велел кланяться тебе и передавать следующее. За архиепископа Иоана он на тебя зла не держит, понимает, что ты действовал во благо Новгорода. Просит тебя принять нового архиепископа Иоакима и обезопасить его от нападков недругов. И ещё кое-что велел предать с глазу на глаз.

– Архиепископ нам не нужен, – заговорил Соловей, – у нас здесь своя вера, истинная, родная. Что слова князя передал, благодарим, побудь гостем у нас с дороги, а потом уезжай прочь. А если имеешь ещё что-то сказать, говори при всех.

– А ты боярин, кто таков будешь? – спрашивал Иоаким.

– Я – Богомил, верховный волхв истинной веры.

– А верховный волхв выше киевского князя?

– Нет, – отвечал Соловей, хмурия брови.

– Стало быть, слово киевского князя выше твоего слова, и выполнять я буду то, что велел мне он.

И с этими словами Иоаким гордо прошёл мимо Богомила. Соловей вынужден был сдерживать свой гнев, надеясь потом выпытать у Стояна, что епископ сказал ему наедине. А Иоаким говорил ему следующее:

– Князь просил тебя не доверять Всеволоду и гонцам из Чернигова. Просил продержаться хотя бы год, а затем он со всем своим войском вернётся на Русь и одолеет всех врагов.

– Легко сказать, продержаться год, – развёл руками Стоян, – здесь не знаешь, как и день прожить спокойно. Всеволод-князь подбирается всё ближе. Богомил, чувствуя это, совсем распоясался.

– За верховного волхва не беспокойся, Стоян. Я помогут тебе с ним, для этого я и пришёл. Но и ты должен помочь мне.

Следующий день в Новгороде хоть и не был праздничным, но христиане радовались, как на праздник. Весь Неревский конец ожил, церковь Преображения была переполнена. И верующим, и случайным гостям было интересно, что скажет Иоаким. И греческий архиепископ на русском языке проповедовал им:

– На великого князя Владимира сошла благодать, я сам был свидетелем этого. Христос благословил его на крещение своего народа в истинную веру. И говорил он такие слова князю: «Каждый умерший, если будет он праведником при жизни и раскается в своих грехах перед смертью, будет воскрешён к вечной жизни в царствии Божьем. И построю я на Руси великий храм, который будет обителью всех слабых и обиженных. И каждому дам я прощение, кто придёт туда, и каждый жаждущий получит искупление своих грехов. И наступит на Руси царство благодати и правды». И благословил Господь князя на великие дела и пожизненное правление, и благословил город Киев и город Новгород, и взял под свою защиту.

Но важно было не только то, что говорил Иоаким, но и то, как он это говорил. Его жесты и интонации в голосе проникали прямо в сердца людей, и толпа оживала и чувствовала, как на неё через слова священника сходит божественная благодать. Из храма народ не выходил, выплывал со счастливыми лицами. Толпы язычников со всех концов не могли испортить им настроение. В одной из таких групп язычников ехал верхом сам Богомил со своею дружиной. Увидев отца Иоакима, Соловей спешился, и, сжимая в руке плётку, пошёл на священника.

– Ты ещё здесь, епископ? – злобно проговорил он.

– А с чего мне не быть здесь? – непонимающе спрашивал Иоаким.

– Я тебя предупреждал, чтобы ты убирался.

– Скажи мне, Новгород, – обратился вдруг к народу архиепископ, – кто князь в вашей земле?

– Владимир! Владимир! – в один голос заголосили и христиане и язычники, и простые зеваки.

– А кто воевода, князем поставленный? – снова спрашивал архиепископ.

– Добрыня!

– Так вот, Новгород. Владимир и Добрыня лично наказали мне быть здесь. Я выполняю их волю, я их слово, их руки и воля. Владимир и Добрыня же признали над собой лишь одну власть – власть Господа Иисуса Христа. И я не покину этот город, пока мне не велят Добрыня и Владимир. Или пока Бог не заберёт к себе мою душу. А теперь, именем князя Добрыни, именем князя Владимира и Христа – расступитесь.

И толпа начала расступаться, даже против своей воли, так как сильны были слова Иоакима, и трудно было не подчиниться ему. Даже Богомил, видя такое дело, отступил и лишь прорычал вслед:

– Смотри, поп, я тебя предупреждал.

В тот день все поняли, что появился в Новгороде человек, который мог бы потягаться в красноречии с Соловьём и даже, возможно, одолеть его. Через отца Иоакима словно говорил сам Бог, словно сам великий Рим, объявший небо и землю своей властью, говорил его устами. И пошли по Новгороду христианские миссионеры, и всюду говорили о благословенном князе Владимире едином владыке, как и новый Бог, и о любви к слабым и бедным, и о греховности человеческой природы и избавлении от греха через веру в Христа, и много о чём

ещё. И стал Богомил затевать недоброе против Иоакима, думать, как извести архиепископа. В лоб действовать было нельзя, нужно было придумать что-то по хитрее. Из Чернигова давно не было никаких вестей, и Соловей начинал чувствовать себя здесь покинутым, а оттого злился пуще прежнего. Он мечтал вернуться в свой клан, идти в бой рядом с Усыней, а вместо этого вынужден был прозябать в этом ненавистном ему городке.

Иоаким же день за днём всё больше народу привлекал в свою веру, ещё больше появилось сочувствующих, которые сомневались, колебались, не решаясь пока креститься. И вот однажды ночью архиепископ тайно покинул свой дом. С ним было несколько верных ему людей, они повели его за собой по тихим городским улицам. Свет зажигать было нельзя – заметят, приходилось пробираться в полной темноте. Лица путников были скрыты балахонами, все были вооружены и в случае внезапного нападения готовы были отдать жизнь за отца Иоакима. Впереди всех шёл молодой христианин, который вёл за собой остальных. Вскоре проводник свернул в переулок и оказался возле невзрачного маленького домика на берегу Волхова. Юный христианин три раза постучал в дверь, хозяин открыл ему, огляделся по сторонам и впустил гостей в дом. В доме было темно, что существенно осложняло путь по лестнице вниз. Внизу же уже горел свет, и собралось немало народу. Снаружи не было видно света, как не было слышно и никаких звуков. Проводник процессии сбросил балахон с головы, и все узнали Костю Новоторжанина. Навстречу ему вышел Святослав Вольга и взял его за руку. Землянка была заполнена бородами мужчинами и старцами в мешковатых балахонах.

– Это ты что ли Иоаким? – спросил один из них у епископа, который так же открыл теперь своё лицо с большой родинкой на щеке.

– Да, это я, – отозвался архиепископ, – а вы, стало быть, те самые волхвы?

– Волхвы и волшебники. Словом, чародеи, не признающие над собой власти колдунов. Мы не покорились, и потому мы прячемся. Моё вот имя – Родим. Когда-то я был верховным волхвом в Новгороде, но потом Добрыня объявил на меня охоту. В день надругательства над нашими святынями народ не дал меня схватить, а потом я вынужден был бежать из Новгорода. Долгие годы я скитался, а теперь вот вернулся, и вижу, что колдунам теперь так же худо, как и нам было когда-то. Да ты садись, Иоаким, в ногах правды нет.

Архиепископ уселся на лавку у стены. При тусклом свете он с трудом различал черты лица волхва Родима и пытался что-то прочесть на нём.

– Твоя вера уже никогда не вернётся, – открыто заговорил Иоаким, – думаю, это ты понимаешь, Родим. Сам князь Владимир принял христианство. Назад пути нет. Так чего же ты хочешь?

Волхв Родим в ответ чему-то усмехнулся:

– А почему ты так уверен, что наш князь принял вашу веру?

– Я видел князя в Херсонесе. Он уже был крещён, молился в храме с прочими христианами и обручился с византийской царевной по православному обряду.

– Это понятно, но почему ты считаешь, что то христианство, которое принял князь Владимир, именно ваше? Нет, Иоакимушка, оно не ваше, оно наше, русское. Вспомни, хоть один князь, хоть один самодержец во всём мире крестился в вашу веру на таких условиях, на каких крестился наш князь? Породнился с императорским родом, захватил город. Он будто сказал вашему кесарю: мы теперь равны с тобой перед Богом, и только Бог один надо мной Господин. А, скажешь, не так, Иоаким? Ваш кесарь, который до сей поры считал себя единственным помазанником Бога на земле, теперь подвинулся и признал ещё одного помазанника рядом с собой, нашего князя, варвара, как вы говорите.

– Что ты хочешь этим сказать, волхв?

– Я хочу сказать, что христианство для нас – это только чешуя, скорлупа. Под этой скорлупой будет русское начало идти по миру, пока однажды весь мир не покорится этому началу.

И тогда мы легко сбросим эту скорлупу, как будто её и не было, и будем хозяйничать во всём мире. Пройдёт сто лет, двести, а может быть и тысяча, и скорлупа расколется.

– Складно говоришь, волхв, – отвечал ему отец Иоаким, – только в одном ты ошибся. Если всё случится так, как ты говоришь, мир будет не ваш, он будет принадлежать только одной семье – семье Рюрика, которая сейчас правит на Руси. Всего одна маленькая семья, и такая большая власть. Смогут ли они её удержать, как ты думаешь? Ведь удержать власть намного сложнее, чем её захватить. Если какая-то семья хочет хозяйничать во всём мире, она должна быть готова лучших людей со всего мира принять к себе в семью. Так, чтобы все лучшие люди мира были одной семьёй, близкими друг другу. А как это сделать тогда, когда пока из одного конца мира в другой доберёшься, уже успеешь покрыться сединами?

– Я же сказал, может через тысячу лет... – задумчиво отвечал волхв, – и не семья Рюрика, так долго она вряд ли просуществует, а другая, более крупная, более могущественная. Но хватит о будущем, пора, Иоаким, нам поговорить и о дне сегодняшнем. Как ты сказал, удержать власть сложнее, чем её захватить. Когда вы, христиане, захватите Русь, чтобы удержать её, вам понадобится помощь тех, кто ненавидит колдунов не меньше вашего. Наша помощь, волхвов. Взамен за это я хочу, чтобы христиане не устраивали на нас гонений. Пусть князь будет христианином, мы не станем соваться в город, мы уйдём в села и малые города. Что скажешь, Иоаким?

Архиепископ задумался, а, может, его просто заворожил вид огня и красных углей в очаге. Наконец, он заговорил:

– Князь велел мне крестить Новгород любым способом. Для него важно сохранить этот город в своей власти, чтобы его не прибрал к рукам Всеволод Додон. Если для этого нужно заключить союз с волхвами, я пойду на это. Но смогу ли я убедить Добрыню соблюдать этот договор? Ведь я его едва знаю.

– В этом мы тебе поможем, – отвечал волхв и запустил кочергу в очаг. От этого по всей землянке пошёл жар.

– Мы, Иоаким, создадим свой отряд богатырей. С твоего благословения. Такой же, какой есть у болгар-потыков, что приехали с ангельскими крыльями за спиной защищать Киев. Разве не могут русские люди быть христианскими богатырями?

– Могут, наверное, – пожимал плечами отец Иоаким, – только нужно спросить соизволения митрополита Михаила. Он тех потыков призвал из Болгарии, и поставил над ними воеводой Анастаса. Но у болгар какое-то своё христианство, многие их считают ересью.

– Убеди митрополита, думаю, это будет легче чем убедить Добрыню. А дальше уже дело за тобой будет. Назначь старшиной над богатырями Святослава Вольгу, сына Бориса. Под его началом мы будем бить чародейских богатырей и всякую нежить.

– Хорошо бы ещё увидеть этого Вольгу.

– Это можно, – вымолвил Родим, – Святослав, подойди.

И юный Вольга, всё это время находившийся рядом с Костей, подошёл к Родиму и Иоакиму.

– Скажи, Святослав, – обратился к нему волхв, – сможешь ли ты возглавить богатырское войско, которое било бы колдунов и защищало бы христиан и волхвов?

– Смогу, – отвечал Вольга, – ведь для этой цели отец и отдал меня учиться чарам, для этого я все эти годы готовился и набирался сил.

– Что ж, – вымолвил Иоаким, – да будет так, друг мой. Но только когда ты крестишься в христианскую веру?

Вольга взглянул на Родима, тот одобрительно кивнул.

– Я готов хоть сейчас, – отвечал Святослав.

– Это хорошо, но пока рановато. Что ж, Родим, отныне мы с тобой союзники. Но действовать начнём, когда я скажу, не раньше. Как мне найти тебя?

– Спроси Костю Новоторжанина, он всегда меня найдёт через товарища своего – Святослава.

И они пожали друг другу руки – волхв и священник. Их тайный союз должен был помочь Иоакиму продержаться в городе, несмотря на козни Богомила. Но Соловей притих и пока против христиан не выступал, и это затишье тревожило больше всего. Что-то он задумал, что-то нехорошее. Вскоре по городу прошёл слух, что Всеволод, князь Черниговский взял ещё один город на торговом пути «из варяг в греки» и тем самым подобрался ещё ближе к Новгороду. Эти известия взбудоражили Новгород. Пошли разговоры о том, чтобы Всеволода признать своим князем. Для этого были все основания, ведь родной дед Всеволода когда-то был новгородским князем Олегом, после Рюрика, тем самым князем, который захватил потом Киев и присоединил к своим землям, а позже даже разграбил Царьград – столицу ромейских императоров. Олег был дальним родственником Рюрика, но следующий князем после него стал Игорь, сын Рюрика. Дети Олега были в дружине, а потому получили во владение Черниговское княжество, которое тогда включало в себя и муромские земли и доходило до самой реки Дон. Оттого и возникло прозвище черниговского князя – Додон. Ещё сам Олег в качестве верховного бога принял Перуна, и все Додоны свято следовали этой традиции, в то время как Рюриковичи нередко от этого отступались. Теперь, с подачи Богомила, все стали прославлять якобы истинного новгородского князя – Олега, при котором Новгород был главнее Киева, и проклинать род Рюрика, который Киев сделал своим стольным градом. И всё же, многие ещё противились тому, чтобы признать Всеволода новым новгородским князем, и больше всех сопротивлялись христиане.

Теперь Богомил действовал ещё смелее и за зиму сплотил против христиан весь Людин конец. Чурила очередной раз доказал свою верность Соловью, а Василий Буслаев дал слово, что не будет вмешиваться. В душе он ещё тешил надежду на то, что князь Всеволод окажется настоящим аристократом, который возродит дружину и Новгород. Только за друга Костю он беспокоился. По весне, как с Волхова стал сходить лёд, и по реке поплыли огромные льдины, народ со всех концов и даже из близлежащих сёл собрался по обычаю в пятницу на торжище. В Новгороде это было единственное место, где ещё можно было увидеть, например, идолы старых новгородских богов – Славена и Руса – основателей города и детей Рода. Правда, идолы были совсем маленькие, в половину человеческого роста и только у некоторых, особых купцов. Здесь, на торжище собрался весь торговый люд, и теперь здесь появилась толпа из Людина конца. Они брали христиан, прилюдно избивали их, отнимали у них все товары. Завязалась на торжище большая драка, шум которой долетел и до другого берега реки Волхова, но который, однако, не услышал тысяцкий Угоняй и его ополченцы или, вернее, не захотели услышать.

– Слышь, Вася, драка, – говорил меж тем Потамий Хромой своему другу.

– Пускай, мне-то что за дело, – тоскливо отвечал Василий.

Затосковал, расслабился людинский герой после встречи с Угоняем. Не хотел потерять последнее, что осталось у него. За спиной некоторые уже шептались, что пора старшину менять. Братчина шутов становилась всё меньше, всё больше людей уходили отсюда. А меж тем народ с Людина конца погнал христиан прочь с торжища.

– Святой отец, – говорили Иоакиму побитые торговцы, – вели звать помощь, поднимать людей, поубивают ведь нас.

– Рано ещё, дети мои, – отвечал архиепископ, – ещё не время. Их всё равно больше. Поеду, я, наверное, к Стояну. Попытаю судьбу, проберусь к нему.

Судьба оказалась благосклонна к отцу Иоакиму. Когда он отправился в Славенский конец, на торжище уже появились ополченцы Угоняя, которые принялись разнимать дерущихся и разгонять их по концам да сторонам. В следующий день на службе в церкви Преображения

было совсем мало народу, люди стали бояться ходить в храм. Те, кто недавно обратились, теперь сторонились новой веры. Богомил добился своего, и, казалось, ещё немного, и найдёт он, как сжить со свету и самого отца Иоакима. Но архиепископ, почему-то был спокоен, и, казалось, даже чему-то доволен. Причину своей радости он тогда рассказал только самым приближённым к себе, поскольку её следовало держать в тайне. Во время визита к Стояну Иоаким узнал следующие вести. Князь Владимир окончательно возвратился домой и почти сразу же с войском двинулся на Всеволода. Опытные, закалённые во множестве боёв воины быстро нанесли поражение войску Додона. Помогали им в этом болгарские и первые русские христианские богатыри. Последних, пока, правда, было немного. Это значило, что скоро княжеское войско подойдёт и к Новгороду, чтобы силой крестить его.

– Я поеду в Киев, – говорил отец Иоаким тогда Стояну, – нужно увидеть князя.

– Уезжаешь? – удивился Воробей, – сейчас, когда мы как никогда должны держаться вместе.

– Князь не знает, что творится в Новгороде и как лучше его крестить. Я всё ему расскажу и вернусь уже с войском. Не хотел я, чтобы проливалась кровь, но, видимо, без этого никак. Прощай, Стоян, и готовься к битве.

Вскоре лодка увезла Иоакима по реке на запад. Никто и не заметил поначалу его отъезда. А Богомил теперь не знал, радоваться ему или огорчаться этому событию.

Глава 12.

Крещение мечом.

– Эх, плохо мне Костя, чувствую, недолго мне жить осталось, – печально говорил Василий. Никогда ещё Костя не видел в таком расположении своего товарища. Костя застал его сидящим на яблоне и в тревожных раздумьях поедая сладкие плоды. Было уже позднее лето, и яблоки уже созрели и обрели нужную им сладость.

– С чего ты взял? – не понимал Костя, – слезай лучше, а то если я буду тебе так кричать, горло себе надорву.

Васька вцепился рукой в ветку, повис и спрыгнул прямо рядом с другом.

– Держи, – протянул он ему наполовину красное, наполовину зелёное яблоко.

– Спаси Бог, – отвечал Костя, принимая подарок.

– Не верит в меня больше никто, Костя, вот в чём беда. Кроме тебя, друг мой, мне больше никто не верен. Я говорю, а они не слушают, я приказываю, а они ко мне спиной поворачиваются, а то и вовсе смеются.

– А Садко? Он уже два месяца, как вернулся из плавания, сейчас в городе прохладается.

– Садко сюда не сунется, он Чурилу боится. Да и я, честно признаться, его бояться начал. Угоня не боюсь, который мой дом разорил, Добрыню не боюсь и Стояна, который мне стрелу хотел в спину пустить. А вот Чурилу и его людей боюсь. Я хотел местных людишек грамоте обучить, да прочим благородным занятиям. Думал, раз нет дружины в Славенском конце, создам свою дружину здесь, в Людином конце. Но каким же я был глупцом. Они осмелели, обнаглели под моим началом, это да, но честнее не стали.

– Обратись в мою веру, Вася, прими христианство, и мы тебя защитим.

– Как? – недоумевал Василий, – вы и своего Бога-то защитить не смогли.

– Я не шкуру тебе спасти предлагаю, дружище, а душу свою. Если угодно, дело твоё. Ты хочешь возродить правду, и мы тоже этого же хотим. Способом просто другим. Мы берём людей лаской и состраданием, а ты силой и красотой слова. Но цель-то одна.

Однако тогда Василий не склонился в сторону друга, хоть и всё больше с каждым разом сближался с христианами. Бывал и в их храме, видел служения, слушал прекрасное хоровое пение. И всё же, положение христиан в городе было очень шатким, и слухи об успехе князя Владимира только расшатали его. Чтобы развеять хандру, Василий отправился на охоту. На той охоте он не жалел себя, и, казалось, даже торопился приблизить свой, как он считал, неминуемый конец. С одним лишь копьём витязь бросился на зверя. Огромный медведь поднялся на задние лапы и зарычал так, что волосы стали дыбом на голове. Огромная зубастая пасть грозила раскусить молодца, а когти на раз могли его разорвать. Все охотники заробели перед таким зверем и стали обступать его с разных сторон. Но Василий кинулся прямо на него, лоб в лоб. Братья, которые недавно подсмеивались над ним, теперь сильно пожалели об этом, поскольку стали думать, что погубили этим старшину. Но не так прост был Васька. Отвагой он тогда превзошёл всех людинских охотников, в последний миг увернулся от зверя, спрятался за деревом, выманил на себя и поразил копьём прямо в сердце. Промახнись он хоть немного, и ему бы пришёл конец. Но и так тяжёлая медвежья лапа опустилась ему на спину и впилась в плоть своими когтями. А затем вся огромная туша упала прямо на витязя и придавила его своим весом. Но Василий выбрался, с поломанным копьём, весь перепачканный в своей крови и крови зверя, с одичавшими, безумными глазами. Как есть, одержимый убивец. Эта охота сильно напугала братство, и они вдруг стали робеть перед своим старшиной. И говорил тогда Василий другу Косте такие слова:

– Пусть смерть моя уже идёт за мной по пятам, я не боюсь её. Главное, чтобы смерть моя была яркой. Избегая малых опасностей, я иду навстречу самой великой.

А меж тем, летом 990-го года верховный волхв Богомил наконец-то получил долгожданные вести от Усыни. Однако в них не было ничего утешительного. Вождь сообщал, что из Киева к Новгороду двинулось войско, чтобы крестить этот город. Сколько их и когда придут, было неизвестно, но готовиться нужно было уже сейчас. Киев к тому времени уже крестился, и теперь все, кто не были христианами, объявлялись недругами князю. В Новгород шёл лично воевода Добрыня и рассчитывал прибыть внезапно. Но теперь Богомил был предупреждён. Вождь Усыня велел ему держаться и стоять до конца. После неудачной выходки под Киевом Всеволода Додона Новгород для язычников был важен как никогда. И сейчас этот город находился в руках колдуна Соловья. У чародеев в Новгороде было гораздо больше шансов на успех, но только если Богомил продержится, выстоит, дожждётся подмоги из Чернигова. Горожане ещё ни о чём не подозревали, а Угоняй уже занял сторону верховного волхва и стал собирать своё ополчение. За несколько дней он подчинил себе и привёл в оборонительное положение весь Неревский конец. С Людиным концом было сложнее, но Богомил знал, что на Чурилу можно положиться. Переполох дошёл и до Василия Буслаева. Он не знал ещё, какого врага ждёт Новгород, но ждал шанса, чтобы поквитаться с тысяцким Угоняем. Пока вступать в бой было рано, и сын Буслая залечивал раны от схватки с медведем и часами просиживал во дворе на лавке. На дворе стоял августовский зной, здесь же, в тени на лавке было хорошо, свежий воздух наполнил лёгкие, а вид чистого неба радовал глаз.

– Здрав будь, боярин, – послышался вблизи знакомый голос. Василий повернулся и увидел старого друга, проходящего через калитку.

– Давненько мы уже не виделись, боярин Святослав.

– Да, давно, – обнимал его друг, – но теперь не время прятаться. Настал черёд выйти из тени. Долго на меня вели охоту за дружбу с волхвами, а теперь вот сами позвали на службу. Готовы идти на любые условия.

– Это кто же?

– Верховный волхв Богомил, кто же. Обещает дружбу со мной и с волхвами, просил меня, чтобы оказал ему посильную помощь в борьбе с Добрыней.

– С Добрыней? – удивился Василий и злобно усмехнулся, – теперь они стали врагами? Хорошо, пусть поубивают друг друга.

– Это в тебе, мой крёстный брат, говорит отчаяние. А ведь Богомил протягивает и тебе руку дружбы. Теперь он хочет того же, что и ты, свободы для Новгорода, для дружины. Волхвы ещё с ним не говорили, боятся, не доверяют. Да и нет их в городе. Но если мы с тобой сейчас соберёмся и покажем свою силу, то потом колдун пойдёт нам навстречу.

– Что ты предлагаешь мне, Вольга? – сжимал кулаки Василий, – колдуны отца моего загубили, принесли его в жертву, как скот.

– Клевета, Вася. Я узнал, что не колдуны то были. И не по их приказу. То был чародей Вахрмей-собака. Оборотень, вождь белых волков. Он набрал уже целую армию упырей, при помощи которых пытается давить на колдунов. Ничем не брезгует, пёс. Его Добрыня тогда и уговорил принести эту грязную жертву. Тогда Вахрамей со своим кланом состоял в союзе чародеев, а теперь и союза больше нет, и чародейского войска. Так что руки наших колдунов здесь чисты.

– Столько лет, столько лет я думал, что это они, – поднялся на ноги Василий. – Симаргл тебя поberi, Святослав. Я ведь им много зла причинил, и Угоняй теперь мой злейший враг. Мы дали слово друг другу встретится в поединке и сразится насмерть. А теперь ты предлагаешь мне стать с ним в один строй.

– Против Добрыни, против обращения Новгорода в христианскую веру. Как победим общего врага, тогда и отдашь ему долг чести. Сейчас же нужно выполнить свой долг перед дружиной.

– Дружина-то, поди, вся останется со Стояном, будет поддерживать Добрыню.

– Будет, но тайно будет на стороне Соловья. Добрыня здесь чужак, и христиане здесь чужаки, изгоним же их.

– А как же Костя Новоторжанин? Он мой брат, так же, как и твой.

– С Костей ничего не будет. Сдастся в плен, а потом мы его выречим. Давай же, Вася, решайся. Десять лет назад Добрыня уже устроил здесь крещение, нельзя, чтобы это повторилось. Новгород – это не уличная девка, чтобы каждые десять лет веру менять. Свергнем Добрыню, будем добиваться, чтобы мой отец, твой крестный отец стал новым посадником. Я уже обговорил это с Угоняем, он не против. И тогда другая жизнь начнётся, тебя в дружину возьмут, кончатся твои мучения.

– Эх, Свят, Свят. Так и быть, друг, я с тобой. Но только сражаться я буду не под началом Чурилы, а сам, своим отрядом.

– Как скажешь.

И старые друзья пожали друг другу руки. Пришло время идти в бой, и на этот раз не в шутовском колпаке и длинной красной рубахе, а в настоящей кольчуге и в шлеме. Мастерские Бориса Вольги делали отменные кольчуги, несколько таких его сын принёс своему другу.

Нужно сказать, что Костя Новоторжанин, несмотря на все притеснения христиан со стороны язычников, в то лето чувствовал себя счастливым. Любимая жена Ольга недавно объявила ему, что ждёт ребёнка. Скоро Костя должен был стать отцом, и жизнь для него обрела теперь новый смысл. Когда в Новгороде начался переполох, будущий отец семейства стал готовиться к худшему, ни на мгновение не расставался с кинжалом и всегда одевал кольчугу, когда выходил из дому, всегда был на стороже. Ольга тревожилась за мужа, но он успокаивал её, мол, это так, на всякий случай. Однажды ночью в их дверь раздались настойчивые стуки. Ольга проснулась первой и принялась будить своего мужа. Костя, продирая глаза, спешно нацепил на себя кольчугу, взял кинжал и направился ко входу. Когда он открыл дверь, то увидел несколько знакомых лиц, укутанных в тёмное облачение. Когда они вошли, хозяин дома окончательно признал священников из клира отца Иоакима.

– Приветствуем тебя, Костя-богатырь, – поклонились они.

Костя не сразу понял, что опасность миновала, но поклонился в ответ, а гости уже заполнили его дом.

– Отец Иоаким с вами?

– Нет, он на подступах к городу, вместе с Добрыней, – отвечали миссионеры, – завтра, в пятницу, они будут здесь, не торжище, крестить народ.

– Их не пустят, – вымолвил Костя, – кто-то предупредил Богомила, что идёт Добрыня. Угоняй собрал ополчение.

– Значит, будет битва, – спокойно отвечали гости.

– Вы хотите, чтобы я вооружил верующих?

– Пришло время волхвам сдержать своё слово.

– Сдержать своё слово... погодите, – забеспокоился Костя, – но ведь пятница уже завтра, я не успею найти волхвов и предупредить их.

– Как знаешь, Костя-богатырь, но лучше поторопись, – отвечали миссионеры, направляясь к выходу.

– Как? Вы не останетесь?

– Ещё ко многим христианам мы должны зайти. Мы не покинем города, мы пришли сюда, чтобы нести людям слово Божье.

И с этими словами они покинули дом Новоторжанина. Все родные уже встали с постелей, но все понимали, что Косте нужно побыть одному, собраться с мыслями, и потому не беспокоили его. Нужно было действовать точно и быстро, а для этого нужно было иметь в голове чёткий план действий. Садко, надо идти к нему, предупредить его. Садко всё знает, он поможет. Но сейчас ночь, купец, наверняка, спит в служилой избе, и поднять его с постели, не разбудив других со двора Стояна, было невозможно. Нужно было действовать в одиночку и рассчитывать только на себя. Для начала Костя решил заглянуть в избу, где волхвы собрались в прошлый раз. Какой-то шанс был, что и сейчас там кого-то можно найти. И Новоторжанин надел поверх кольчуги кофтан, запихал в его складки кинжалы, подпоясался и покинул дом. Большое расстояние от своего дома до реки Волхов он прошёл на редкость быстро. В лунном свете водная гладь выглядела завораживающе, блестела и переливалась. Иногда в тихих водах Волхова бултыхалась какая-то рыба, да сверчки стрекотали в траве, а так, в городе было невероятно тихо, тысячи людей ещё спали, ни о чём не подозревая, даже собаки на лаяли. Трудно было представить, что завтра здесь поднимается невиданный шум, зазвенит сталь, раздадутся крики боли и снова польётся кровь, и окрасятся чистые речные воды красным цветом. «Бам, бам, бам», – раздавались эхом удары Кости по двери. Никто не открывал, видимо, и не было здесь никого. Но если здесь никого нет, то Костя и не знал, куда пойти ещё. В дом к Борису Вольге? Глупо и слишком рискованно.

– Кого там нечистая принесла? – слышалось вдруг за дверью.

– Костя Новоторжанин. С вестями от Иоакима.

Дверь отворилась, и Костя узнал волхва. Они были здесь. Святослав радостно встретил своего друга. Вместе с ним в избе было всего четыре чародея, но Родима среди них не было, хоть он-то и был нужен.

– Он ещё не в городе, – говорил Вольга, – где его искать, я не знаю.

– И что же делать? – разочарованно опускался на лавку Костя.

– Без него справимся, – отвечал один из волхвов, – у нас много знакомых, которые придут завтра на торжище, которые давно злы на Угоняя.

– И что же нам делать? – тревожился Костя.

– Передай миссионерам, – поднялся один из волхвов, – завтра мы будем с ними. Конечно, не в таком количестве, как хотелось бы, но, думаю, этого должно хватить. Всё зависит от того, сколько людей приведёт с собой Добрыня. Если столько же, сколько уходило с ним из Новгорода, то нам будет просто.

– Что ж, тогда прощайте, и до завтра, – поднялся с места Костя. Оба друга крепко обнялись. Впереди их ждал непростой день, и вряд ли им сегодня доведётся выспаться. До самого рассвета Костя расхаживал по городу, и, как взошло солнце, мужчины христианской веры стали собираться в храме Преображения. Настоятель храма забрался на колокольню. Когда придёт время, он должен был дать сигнал, и христиане по звону колокола должны были начать шествие на торжище. Никогда они ещё не были сплочены между собой так, как сейчас, никогда ещё не были так уверены в своей правде. Вскоре сам князь Добрыня сделает Новгород христианским, закончится время гонений и страданий, и восторжествует, наконец, христианская вера. Был уже обеденный час, торжище должно было быть уже переполнено, но торговцы куда-то запропастились, да и сам воевода не появлялся. Костя решил подняться на колокольню к настоятелю и лично взглянуть на происходящее. К его удивлению, торжище было почти пусто. Не было ни христиан, ни язычников, ни купцов с иноземным товаром. Лишь кое-где стояли торговые палатки, да в основном принадлежащие земским, приехавшим из окрестных сёл. Это был недобрый знак. Наверняка, торговцев предупредили и под страхом смерти запретили сегодня идти торговать. А, может, Новгород теперь так захотел свободы и независимости, что торговый люд как один ополчился против Добрыни. Христиане с трудом ещё удерживались внутри

храма и вот-вот готовы были выйти и обнаружить своё присутствие. Но тут снаружи раздался голос тысяцкого Угоняя:

– Эй, христиане! Мы знаем, вы там, внутри. Сложите оружие и выходите. Мы знаем, что сегодня вы собирались воевать против нас. Хотели зайти с тылу. Но если вы сдадитесь, мы сохраним вам жизнь.

Костя сжал в руке кинжал. Они оказались в западне, их план провалился. Их предали, вероятнее всего, волхвы. Но Святослав? В это невозможно было поверить. Настоятель спустился с колокольни вниз.

– Я видел корабли на Волхове, – заговорил он, – наши, добрынинские. Они плывут, и их очень много. Господи, слава тебе!

– Странно, что Угоняй здесь, – заговорил Костя, – кто же будет биться с Добрыней? Неужели Чурила и Васька? Нет, быть такого не может, не будет Вася сражаться под началом Угоняя. Если ещё и он... Вот что, братья. Мы должны продержаться здесь, во что бы то ни стало, продержаться, как можно дольше. Протянуть время.

– Куда уж дольше, Костя, пить охота, невамоготу уже.

– Выходи собака! – приказывал Угоняй, – а то сожгу вас вместе с вашим храмом.

– Не сожжёшь! – прокричал ему в ответ Костя, – пожарище на другие дома перекинется, полгорода сгорит из-за тебя.

– Ну, будь по-вашему, – отвечал Угоняй.

Костя вдруг проявил прежде невиданное для него упрямство и решил во что бы то ни стало не сдаваться в плен.

– Мы будем сражаться, будем биться, – говорил он своим братьям, – и многие из нас умрут. Если выйдем, попадём в окружение, и, если не будем сражаться, всё равно многих пленят. Нужно заставить их именно сражаться с нами, убивать и калечить нас. Пусть запачкаются в крови.

– Да ты никак с ума сошёл, Костя, – зароптали люди.

– Может, и сошёл, а, может, это на меня сошла благодать Божья. Только, братцы, смерти я теперь не боюсь. Я верю, что Бог не оставит нас в трудный миг, и, если увидит, как мы упорствуем, как умираем, но живыми не сдаёмся, он пошлёт нам спасение.

И все, кто были на тот момент в храме, вдруг перестали роптать и прониклись верой того, кто недавно узнал, что станет отцом, а уже сегодня приносил себя в жертву. Нет, они не сдадутся, они удивят своих врагов своей стойкостью, выставят свои страдания на показ, заставят стать палачами тех, кто собирается всего лишь их пленить. Пусть другие увидят их боль, их презрение к боли, к телу и всему мирскому, и тогда, даже если Добрыня проиграет, даже если Новгород не будет крещён, он всё равно станет христианским. А ополченцы Угоняя на время притихли, видимо, рассчитывая взять христиан измором. Но вскоре по стенам раздались стуки металлических инструментов. Настоятель в священном ужасе выглядывал наружу. Ополченцы Угоняя с молотами и топорами подступились к зданию храма Преображения и вытаскивали из него брёвна. Волхвы сейчас очень помогли бы христианам, но от них не было никаких вестей, да и вероятнее всего, они тоже были замешаны в том, что происходило у храма. И всё же Костя не терял надежды, что Бог придёт к ним на помощь. Вот с деревянным скрипом и дружным криком ополченцы вырвали первое бревно из храмовой стены. Новоторжанин с замиранием сердца смотрел на то, что происходит на Волхове. Корабли уже причаливали, и ратники уже заполнили побережье Славенского конца. Посадник Стоян с дружиной вышел вперёд и поклонился человеку в кольчуге и шлеме, фигурой напоминавшего воеводу Добрыню. Появились и люди в рясах, среди которых Костя лишь угадывал своих ночных гостей. Новгородское торжище быстро взяли в окружение, и всех, кто были там, принялись насильно обращать в христианскую веру. Костя на радостях перекрестился, но тут в Людином конце показалась какая-то вооружённая толпа. Мужики с топорами и дубинами заполнили всё противоположное побе-

режье. Одни шли в простых одеяниях, другие – в кольчугах. Сомнений не было, что первые – это люди Чурилы, а вторые – люди Василия Буслаева. Неужели и он пошёл против истинной веры? Теперь уже Костя отчаялся, схватил себя за волосы и зарычал как дикий зверь. Благо, что никто не обратил на это внимание. В следующее мгновение Костя с кинжалами в руках направился к дыре в стене храма, которая разрослась уже до немалых размеров. Отсюда можно было увидеть Угоняя, восседающего на красивом жеребце, в кольчуге и шлеме, с копьём в руке.

– Сдавайтесь, – приказывал он, – нас почти поровну, но мы в кольчугах и вооружены лучше, вам не победить. Сложите оружие, и вам сохранят жизнь, даю слово тысяцкого.

– Будьте вы прокляты, – прокричал Костя, и, выбравшись из дыры наполовину, ударил одного из ополченцев кинжалом в живот. Кольчуга раненного окрасилась в цвет крови, он вскрикнул от боли и осел на земле. Костю тут же с десятков рук вытащили на улицу.

– Я обещал вам жизнь, – злобно заговорил Угоняй, – но для тебя пёс, я сделаю исключение.

– Господи помоги, – взмолился Костя. А меж тем ополченцы принялись его избивать и связывать руки вместе спереди. Когда с этим было покончено, другой конец верёвки привязали к конскому хвосту. А в следующий миг коня хлестнули плёткой, и он рванул с места. Костя тут же упал лицом в землю и почувствовал вкус крови на губах. Конь галопом побежал по городским улицам. Теперь кольчуга Кости, спрятанная под рубахой, ему очень пригодилась, она защищала его тело. Чего нельзя было сказать о лице, которое несчастный христианин силился укрыть от трения, но тщетно. Вскоре рот его был полон земли, а ухо превратилось в кровавое месиво. Угоняй в это время продолжил разбирать храм. Мастера действовали очень быстро, а христиане действовали согласно плану, сдаваясь в плен только ранеными. А меж тем на реке Волхов разгорелась настоящая схватка. Братчина Чурилы подкатила странную деревянную машину, а другие мужички подтащили множество тяжёлых камней.

– Это ещё что за чудо? – удивился Василий.

Чурила самодовольно ощерился.

– Это, Вася, каменьёт. Угоняй пожаловал. Штука мощная. С ней мы достанем Добрыню с этого берега, и мост переходить не нужно будет.

Лицо Василия озарилось улыбкой.

– А дашь мне эту штуку попробовать.

– Конечно, шут, у нас их две.

И вторую машину отдали в распоряжение братчине Василия.

– Эй, Добрыня! – закричал он, – тебе привет от покойного Буслая.

Добрыня услышал его крик и повернулся. А затем огромный валун поднялся в воздух и рухнул в реку прямо возле берега. Дружинники на том берегу только расхохотались в ответ.

– Эх ты, дубина, – выругался Чурила, – дай покажу, как надо.

Его люди запустили валун в желоб, натянули канат, опустили. Камень зашиб сразу несколько человек, правда, некоторые из них оказались торговцы, крещёные только что, среди них даже какая-то женщина.

– Так держать! – радостно прокричал Чурила, – убирайтесь в свой Киев, собаки.

Теперь люди Добрыни разозлись не на шутку и, сомкнув щиты и выставив вперёд копыя, пошли по Волхову мосту. Василий передал каменьёт в руки других, а сам взялся за свою палицу. В руках кузнеца она смотрелась словно игрушка, но было видно, что она чрезвычайно тяжела, и потому вид воина был очень грозен.

– Отец, пробил час расплаты, – вымолвил Василий. Сразу несколько воинов направили в него свои копыя, но он умело защитился щитом, и, оттолкнув врагов, пошёл в наступление. Из крепости на реке в крестителей полетели стрелы и некоторых из тех, что оставались на берегу, успели ранить. Озверевшие гости всё настойчивее шли в атаку. Первые из них опробовали на

себе удар мощнейшей палицы Василия. Сразу троя дружинников улетели с моста в воду, у одного даже раскололся щит.

– Вот что значит, быть дружинником! – яростно кричал Василий.

– Подвинься-как, дружок, – послышался рядом знакомый голос. Волрог, отчим Садка вместе с родными сыновьями с боевыми топорами в руках ринулись в бой. Василий быстро попал в свалку, где уже не мог замахнуться палицей в полную силу и вынужден был отступить. Многие тогда падали в реку и, если оказывались там, где мелко, то продолжали битву и здесь. Такая же участь постигла и Волрога. Как только он оказался в воде, его сыновья тут же спрыгнули к нему. Волрог отчаянно размахивал длинным топором, рассчитывая кого-нибудь ранить, но враги боялись к нему подступаться. Но тут копьё пронзило грудь одного из его сыновей, тот прохрипел что-то, сплевывая хлынувшую потоком изо рта кровь, и поник головой. Враг отбросил его мёртвое тело в воду и с перепачканным в крови копьём пошёл в атаку. Другой сын Волрога словно лишился рассудка. С диким криком он набросился прямо на копьё, убившее его брата, и копьё прошло через него, как через масло. Но сын Волрога будто не почувствовал боли, он взмахнул своим топором и разрубил череп врагу. Оба рухнули замертво.

– Ну, вот и всё, сынки, – вымолвил Волрог, – осиротел я, во второй раз.

Старый головорез отбросил в сторону мокрый деревянный щит и поднял копьё, убившее его сына. Теперь он одной рукой колол, а другой рубил, и даже без щита был очень опасен. Василий в этот момент всё больше отступал, пока снова не оказался на берегу. Крестители теперь ступили на землю Людина конца и тут уже на них ринулся сам Чурила.

– Вася! – послышался вдруг позади чей-то отчаянный крик. Василий обернулся и не поверил своим глазам. Конь тащил на хвосте человека. Лицо его от земли и крови было неузнаваемо, но голос был знаком. Василий бросил всё, с силой остановил коня и принялся отвязывать друга. Костя был ещё жив, хоть от боли он весь дрожал. Ухо его словно всё стёрлось, как и правая сторона лица.

– Костя, – осторожно прикоснулся к его лицу друг, – что же это? Как же это?

– Угоняй, Вася, враг твой. Или друг, уж не знаю. Храм наш сносит.

Василий как ужаленный отскочил в сторону и снова сжал в руке палицу.

– Вот как. А обещал христиан не губить, только в плен взять. Что ж, я заставлю его держать своё слово. Потаня, за мной.

– Куда это? – удивился Потамий Хромой.

– С Угоняем надо поквитаться.

– Опомнись, нас Добрыня вот-вот завоюет. Никуда я не пойду, здесь останусь, с отцом.

– Вот оно как? Помирился уже с Чурилой? Эх, никому нельзя верить. Один тогда пойду.

И Василий направился в сторону Неревского конца, туда, где ополченцы разбирали храм Преображения. За ним направилась верные товарищи, но их было немного, многие остались с Чурилой. Уже издали Василий окинул взглядом страшную битву. Река Волхов теперь действительно покраснела от крови. Волрог, израненный, всё ещё отбивался от врагов, но не долго. Сразу трое дружинников проткнули его копьями и подняли высоко над водой. Пал отчим Садка, пали и его родные дети, остался лишь нелюбимый пасынок, который неизвестно где запропастился. Но вот дома закрыли обзор, и теперь взор старшины устремился только вперёд, туда, где забывший про своё слово боярин мучительной смертью губил христиан. Когда Василий подошёл, храм почти полностью разобрали, крыша рухнула и придавила тех, кто не захотели выходить, иные были захвачены в плен.

– Угоняй! – прокричал Василий, – за тобой должок, боярин!

– Ты? – удивился тысяцкий, – хочешь бросить мне вызов? Сейчас? Ты из ума выжил, холоп?

– Сегодня я уже убил многих из тех, кто когда-то называли меня холопом, кто предали моего отца несправедливой смерти. Теперь твой черёд. Или нарушишь данное мне слово, как нарушил слово не убивать христиан?

– Эх, как же мы все недоели, – выругался Угоняй и с силой потянул за вожжи. Конь поднялся на дыбы, а в следующий миг помчался на врага. Копьё всадника было направлено прямо в старшину. В последний момент Василий успел рухнуть на землю и откатиться в сторону. Копьё поразило одного из его товарищей, стоявшего у него за спиной.

– Кто стоит за спиной, умирает первым, – вымолвил Угоняй, – где же твоё копьё, сын Буслая? Мы же договорились драться на копьях.

– Мы договорились, что ты не тронешь христиан. Ты не держишь своё слово, с чего бы мне держать своё?

– Лучше держи крепче голову.

И Угоняй ударил в бока своему коню и снова занёс копьё. Василий сжал в руке палицу. Острый клинок приближался, а старшина не сходил с места и не сводил взгляд со своего врага. Лишь раскручивал палицу в руке. Убежать сейчас, значит, струсить, отказаться от поединка. Ещё мгновение, и он уже окажется на копье, как многие из горожан сегодня. Угоняй был бы рад похвастать такой добычей. Василий опустил на одно колено, будто и не собирался уходить. Лицо Угоняя исказилось от злобы. Вдруг палица вырвалась из рук Василия и полетела прямо во всадника. В последний миг сын Буслая коlobком откатился в сторону. Угоняй же в миг слетел с коня и оказался на земле. Копьё его улетело вперёд и воткнулось в землю в том месте, где мгновение назад был Вася. Ополченцы замерли от неожиданности и не знали, как поступить. Василий, неспеша, поднял с земли палицу, затем погладил по шее коня и взял под уздцы.

– Ты мой, и ничей больше. Только воистину благородный может владеть тобой.

И конь зафыркал, словно в знак согласия. Угоняй валялся на земле без чувств. Василий не стал его добивать. Ведь когда-то и тысяцкий мог его убить, но пощадил. Ополченцы принялись приводить его в чувства, в то время как Василий с товарищами и конём пошёл прочь. Для него на сегодня битва закончилась. А вскоре она закончилась на реке Волхов. Камнеёты сделали своё дело, и Добрыня велел своим людям отступить. Теперь Новгород раскололся на два города. В одном хозяйничали Добрыня и Стоян, в другом Угоняй и Богомил. Но когда Добрыня пришёл домой, его ждал неприятный сюрприз, его семьи не было дома. В тот же день Святослав Вольга говорил с верховным волхвом.

– Я прежде не доверял оборотням, – говорил Соловей, – но теперь ты заслужил моё доверие. Не побоялся гнева Добрыни и выкрал его семью.

– Что теперь будем делать с ними, владыка? – спрашивал Вольга

– У Добрыни есть ещё один дом в Неревском конце. Там их и поселим. А завтра изгоним на суд народа, так, чтобы пленные люди Добрыни видели и потом ему всё сообщили. Пусть знают, что мы шутить не будем. Одно меня печалит, Святослав, что твоего отца нет с нами.

– Мой отец не чародей, он дружинник, и должен быть с дружиной. Но сердцем он со мной и только ждёт удачного момента, чтобы примкнуть к нам.

– Что ж, хочется верить.

Глава 13.

Крещение огнём.

Прохладным августовским утром в думской избе было очень душно. Городская стража, дружина, сам воевода Добрыня и все, кто прибыли с ним, держали здесь совет. Здесь решали, как быть дальше, как выполнить волю князя Владимира и крестить весь Новгород, а не только один его конец. Камнеметы на том берегу Волхова работали и днём и ночью, не пропускали никого, языческое капище защищал отдельный отряд ополченцев, в крепости сидели лучники. Народ был готов встречать гостей как следует. В самый разгар совета двое стражников притащили юного светловолосого худого паренька, в грязной рубахе, с опухшим лицом.

– Это ещё что такое? – удивлённо спрашивал Добрыня.

– Это мой человек, – отвечал Стоян Воробей, – Садко, я про него рассказывал, – и, схватив негодея за шиворот, как котёнка, стал трясти, – ты чего пёс, пил вчера?

– От тебя ничего не скроешь, владыка, – ответил Садко и икнул.

– Плохо твоё дело, парень. Все твои друзья из вашей бесовской братчины на той стороне, а ты вот, здесь. Костя Новоторжанин один христианин, да и он в плену сейчас. А Васька на мосту немало людей побил давеча. Вольга и вовсе пропал, скорее всего, примкнул к Богомилу. Странно, что ты до сих пор здесь прохлаждаешься.

– Не губи, владыка, я тебе баранку дам, выкуп.

И действительно, запустил руку в карман и достал сухую баранку. Воробей ударил его по руке, баранка упала на пол и покатила в сторону.

– Шут! – выругался Стоян.

– Недорого же ты ценишь свою жизнь, – заговорил спокойным голосом Добрыня, – если такой выкуп за неё хочешь отдать.

– А чего стоит моя жизнь, воевода, если я не могу посвятить её хорошему делу, да служить службу благородным людям?

– Какую же ты можешь сослужить нам службу? И почему мы должны тебе верить?

– Свою верность я доказал вам много лет назад, когда закрыл себе дорогу в Людин конец, убив родного брата. Теперь там меня ждёт суд и расправа, будь я хоть золотой. Покуда Чурила жив, нет мне житья. Но вы ведь тоже хотите погубить Чурилу, верно?

– Хорошо говоришь, – поглаживал бороду Добрыня, – только будет ли от тебя толк?

– Толк от меня будет, владыка. Я хоть и здесь, но уши мои далеко слышат. Так, услышали они интересную новость, что Васька Буслаев теперь от ополчения отбился и самому Угоняю череп повредил. Тысяцкий два дня в постели провалялся, а сейчас ходит с повязкой на голове. Есть и ещё одна новость. Угоняй земское ополчение собирает. Если успеет, всем нам худо придётся. Народ в окрестных хуторах ещё более лютый, чем в Людином конце, и числом они нас всех превзойдут.

– И кто земское ополчение возглавляет?

– Имени не знаю, говорят, какой-то свинопас или кожемяка.

– Добро, Садко, – смиловался Добрыня, – притащи сюда ко мне Ваську Буслаева, что хочешь ему обещай. Нужно заманить его на нашу сторону. Не знаю, каким местом этот мальчишка думает, но теперь он накликал на себя таких бед, что без нашей помощи точно не справится.

Август уже подходил к концу, погода менялась, становилась более пасмурной. Несмотря на то, что христиане захватили Славенский конец, Богомил с размахом отметил день Перуна. Великий языческий праздник, который христиане потом будут отмечать как Ильин день, сопровождался масштабными жертвоприношениями. На площадь пригнали немало скота и

птицы, от их крови трава стала красной. Новгород ещё не помнил таких больших жертв в день Перуна. Богомил позаботился о том, чтобы навести страху на всех горожан. Соловей лично проткнул копьем сердце первой жертве – белому козлу, открыв тем самым начало празднований. После этого Угоняй разъезжал верхом по городу, крича, что есть мочи: «Лучше нам помереть, чем богов наших дать на поругание». И народ приветствовал его одобрительными возгласами. Меж тем, по приказу Богомила из дому выгнали жену и ещё малых детей Добрыни. Их ожидало всеобщее поругание, которое сопровождалось обкидыванием гнилыми овощами и фруктами. Их дом разорили, а самих заперли в хлеву на дворе Соловья. В другой стороне Людина конца в это время вместо крови лилось вино, наполняя чарку во дворе Василия Буслаева. Вместе со своим другом Костей он предавался пьянству, выполняя тем самым клятву, данную когда-то в детстве, при вступлении в братство. Лицо Кости теперь по бокам было обмотано повязкой, но несмотря на это, шрамы и страшные раны на левой стороне лица были хорошо видны. И лишь вино помогало справиться с болью. В прежние дни Василий боялся сильно напиваться, каждый день ожидая, что его придут убивать. Потамий Хромой не был с ним и теперь сражался бок о бок с отцом Чурилой, людей в братстве было совсем мало. Но Угоняй, видимо, ожидал, когда прибудет земское ополчение, чтобы спокойно начать расправу над дерзким обидчиком. Не торопясь, степенно, с пытками на несколько дней. И потому сегодня Василий позволил себе напиться, в конце концов, значительная часть города была так же пьяна. При этом никто не скрывал этого, будто хотели показать тем, кто засел на другом берегу, что совсем их не боятся. Однако те, кому не посчастливилось дежурить у каменётов, вынуждены были остаться трезвыми и зорко смотреть, чтобы никто не пробрался к ним из Славенского конца. В полночь, правда, их сменили полупьяные товарищи. В городе было тихо, и опасаться было нечего. Старая смена пошла пьянствовать, а новая смена в досаде осталась дежурить. От выпитого спиртного глаза слипались, и хотелось ещё испить браги. Но с одной стороны страх перед Добрыней, а с другой стороны – перед Чурилой, не давал им покоя и вынуждал всякий раз спускаться к реке и умывать лица, чтобы освежиться, а так же расталкивать друг друга, если кем-то одним овладевала дремота.

– Эй, Моргун, – толкнули так они одного товарища в боки, – спишь, сукин сын?

– Что б ты сдох, не сплю я, – поправился на месте Моргун.

– Слыхал? Бабы.

Издали действительно доносился женский смех.

– Гуляют, нам то что? – зевнул Моргун. – Наше дело – сторожить. Держи себя в руках, Лис, и отросток свой.

– Надоело уже руками его держать, женского тепла хочется.

И Лис поднялся и направился прочь со своего поста.

– Ты куда собрался? – хватил его за штаны один из товарищей.

– Циц, пойду разведую, я быстро.

– Тьфу ты, – плюнул лишь Моргун.

Лис исчез в зарослях камыша, да и пропал с концами. Друзья уже стали тревожиться о своём пропавшем друге. Но тут из кустов появились две тёмных фигуры. Две девушки в сарафанах вышли к ополченцам.

– Там друг ваш, – заговорила одна из них, с тёмными волосами – валяется.

– Что случилось? – поднялся на ноги один из дозорных.

– По голове я ему дала. Не сильно вроде, а он что-то упал. Он Алёны домогался. Под юбку к ней лез.

– А Алёна твоя что не закричала, на помощь не позвала?

– Так она немая.

– А ну-ка пойдём.

– Нет, – вырвалась у него темноволосая, – а вдруг он того... Я покойников боюсь, пойдём лучше к Чуриле.

– Дура, спит Чурила. Ладно, стойте здесь, один пойду.

И дозорный быстро исчез в зарослях камыша. Моргун тем временем поднялся с земли и приблизился к девушкам. Одна была хороша собой, полногруда, темноволоса. Другая, которая немая, уступала подруге, была худощава, грудь почти отсутствовала. И чего Лис в ней нашёл?

– А тебя как величать, красавица?

– Ирина я, – кокетливо отвечала девушка. – А тебя?

– Я – Моргун.

– Ой, а это что, настоящий камень? – направила вдруг девушка к оружию.

– Ну, ну, не трогать, – зароптали дозорные.

– Ребята, может покажете, как он работает? Киньте камушек на тот берег, интересно же.

– А что мне будет за это? – обнял её за талию Моргун. Девушка не сопротивлялась и обняла его. Алёну вдруг один из дозорных грубо схватил за руку и посадил к себе на колени.

– Иди-ка сюда, красавица, расскажи нам лучше, что вы тут забыли ночью? А, ты же немая, я и забыл.

– Купались мы, – отвечала за неё подруга, – а вас что тут, всего шестеро?

– Нет, ещё тыщи две в городе. А ты зачем спраши...

Но тут Алёна вдруг впилась губами в губы дозорному и не дала ему договорить.

– Ты чего, – оттянул он от себя немую незнакомку, но тут же сам потянулся к ней губами.

– Ничего, – отвечала вдруг Алёна мужским голосом. Блеснула сталь, в полумгле раздался мучительный хрип. С перерезанным горлом дозорный рухнул на землю, а Ирина резко вырвалась от Моргуна. Те двою, что сидели на земле, взяли за оружие и стали подниматься на ноги, но один получил от Алёны сильный удар ногой по голове, а второму она врезала кулаком и ударила кинжалом по горлу. Тут на неё накинулся Моргун, достав из-за пояса кинжал. Но Алёна уже взяла копьё одного из дозорных и проткнула ополченца в живот. Того, что был вырублен ударом ноги, сверху девушка заколола сильным ударом.

– Мужики! – послышался голос дозорного, который удалялся к реке, – Лис мёртв, горло перерезано.

Но было уже поздно. Алёна метнула наугад копьё в камыши и угодила прямо в цель.

– Надо же, какой ты быстрый, – проговорила вновь появившаяся Ирина.

– Только не с тобой, душа моя, – улыбалась в ответ Алёна и потянулась губами к подруге.

– Фу, Садко, у тебя всё лицо в крови, – отвергла её поцелуй Ирина и заулыбалась, – а как хорошо ты этого поцеловал.

– Было дело, смотри, никому не рассказывай. Ладно, иди. Пока никто ничего не заметил, нужно заменить этих шестерых на шестерых наших. До следующей ночи, думаю, их никто менять не будет. Но утром они должны быть здесь.

И Ирина отправилась в город, на последок Садко хлопнул её рукой ниже спины. Не теряя ни минуты, он принялся оттаскивать трупы в незаметное место, поближе к реке. Не было времени их хоронить, близился рассвет. Когда к камнемётам подошли шесть переодетых городских стражников, они с трудом сдерживали смех при виде Садка, переодетого в женское платье. Однако, когда они увидели трупы, ими овладел ужас. Неужели этот один женоподобный сказочник смог в одиночку убить их всех? Наконец, когда всё было готово, Садко отправился в Людин конец. Он успел добраться до места до того, как встало солнце, и никто вроде не увидел его ряженым в женщину. Кроме, конечно, Стояна Воробья, который ждал его дома и всё это время не спал.

– Теперь дело за тобой, владыка, и за Путятёй, – вымолвил Садко.

Рано поутру Новгород ещё спокойно спал. Два корабля шли по реке Волхов прямо в сторону оборонительной крепости. Спокойно они проплыли мимо дозорных камнемётчиков. Это

означало, что это были свои. Прибыло земское ополчение. Наконец-то, подмога, теперь Добрыне уж точно несдобровать. И всё же дозорные в крепости смотрели на гостей ещё с подозрением, кода те высаживались на берег. Лица незнакомые, не дружинники и вообще не новгородцы. Корабли высадились вблизи от новгородского капища. Если начнут сейчас разорять и рушить идола богов, значит, как есть, это христиане. Но отряд в 500 человек прошёл мимо капища и направился прямо к сторожевой крепости.

– Приветствую, хлопцы, – говорил их предводитель.

– Ты кто таков будешь? – спрашивали его дозорные.

– Я – Путята, слышал про такого?

– Не слышал. Из земского ополчения что ли?

– Из него.

Вскоре двери крепости распахнулись, и воины вошли вовнутрь. А затем быстро и бесшумно перерезали всех, кто там был.

– Шевелись, братцы! – командовал Путята, – нас слишком мало, момент упустим, потом не отобьёмся.

Несколько человек вооружились луками и остались в крепости, остальные отправились в Неревский конец. Теперь всех вёл за собой Садко, который единственный знал нужный путь. Судьба всего отряда зависела теперь от него одного. И Садко их не подвёл, вывел прямо к дому тысяцкого. Теперь оставалось лишь надеяться, что тысяцкий окажется дома. Воины Путяты обступили избу со всех сторон. Несколько человек выскочили на них с оружием, но тут же были перебиты. Ростовский боярин Путята был закалён во многих боях, вместе со своими витязями он брал неприступный Херсонес. Уж взять одну избушку в Неревском конце ему не составило труда. Угоня выволокли на улицу и бросили в ноги к старшине. Довольный собой Путята поставил ему ногу на грудь.

– Попался, сукин сын.

– Вы тоже попались, – сквозь зубы прорычал тысяцкий.

И действительно, к избе Угоня стал стекаться народ, продирая глаза с похмелья. Вскоре их уже стало больше, чем крестителей. Иные были безоружны, другие были вооружены. Кто-то побежал будить Чурилу, тот поднял на ноги всех, кого мог, отправил человека и к своему опальному сыну – Потамию Хромому. Когда старшина со своей братчиной подошёл на место, здесь уже началась лютая сеча. Ополченцы пытались освободить своего тысяцкого, ростовцы приняли круговую оборону, закрылись щитами.

– Именем князя Владимира, расступитесь! – кричал Путята. Рядом с ним с луком в руке стоял Садко и пускал во врагов свои стрелы.

– Садко! – злобно прокричал Чурила, – береги шкуру, я лично её с тебя сниму!

– О, голова, береги голову, – вымолвил в ответ Садко и пустил стрелу. Однако голова успел закрыться щитом, а потом исчез в гуще других своих витязей, которые всё пребывали и пребывали. Их уже было в два раза больше, чем воинов Путяты. Местные сражались в основном без доспехов и потому значительно уступали гостям. И всё же Путяте приходилось несладко. Ополченцы Угоня сражались во всём оружии.

– Чёрт бы вас побрал, собаки! – прокричал ростовчанин, – именем своего князя, останьтесь, или я прирежу вашего тысяцкого.

– Режь, мы его не выбирали, – говорил ему в ответ Чурила. Повернув голову, он увидел своего хромого сына, вместе с которым шёл и Хома Горбатый, и почти взрослые братья Сбродовичи. Потамий с дубиной в руке отважно ринулся в схватку и мощным ударом сразу трёх врагов повалил на землю. Но на их место стали ещё пятеро, выставив перед собой копья, слово ошетилившийся ёж иглы. Потамий поднял над собой дубину, готовясь нанести удар, но тут страшная боль охватила его руку, и дубина упала на землю. В руке у старшины торчала стрела, пущенная, очевидно, Садком. Меткий стрелок угодил прямо в кисть, так как выше была коль-

чуга, доставшаяся Хромому ещё от Василия Буслаева. Увидев это, ростовцы ринулись в атаку, но чей-то щит закрыл Потамия от удара. Повернувшись, он увидел отца Чурилу. Хома Горбатый в это время совершал какое-то подобие танца, уворачиваясь с дубиной в руках от множества копий, стремящихся поразить его. Он был похож на сторбившуюся кошку, играющую лапками с мышью. В конце концов, Хома бросил на землю свою дубину и поймал копьё одного своего врага. Оба стали щит к щиту, глядя друг другу в глаза: кто кого пересилит. Горбун оказался сильнее, и бывалый воин стал уступать. В какой-то момент Хома отпустил копьё, но лишь для того, чтобы сразу достать кинжал и возить его в шею упавшему от инерции врагу. С воином Путяты было покончено, но, увидев его смерть, другие воины осwirепели и ринулись в атаку. Потамий к этому времени уже успел достать из руки стрелу и, вопреки привычке, поднять дубину левой рукой. Теперь он пригнулся и смотрел в оба, чтобы не попасть под обстрел Садка. Стрелок в свою очередь выскивал Чурилу, чтобы покончить с ним и через это, наконец-то, покончить и со страхом суда, преследующим его долгое время. Его отец и братья пали в битве, и теперь только один человек мог привести его на суд – сам старшина.

Видя отчаянное сопротивление местных, Угоняй не мог не радоваться. И всё же, одно его тревожило. Куда-то запропастился Святослав Вольга. А ведь именно он в решающий момент должен был привести заложников из числа христиан, привести семью Добрыни и в случае чего начать над ними расправу. Оставалось надеяться, что хоть Богомил сделает, что должен. Но и без того положение Путяты было не завидным. Да, его витязи заняли удобную позицию на возвышении и хорошо оборонялись, но враг значительно превосходил их числом, и оттого число крестителей сильно редело. Садко видел, как в первых рядах погибают те, кто сражались с мечом и копьём. Вскоре очередь дошла бы и до того, кто стоял позади и убивал врагов стрелами. В тревоге Садко всё чаще оглядывался на своего заложника – Угоняя. Схватить его, использовать как живой щит, а перед этим ранить, чтобы не мог сопротивляться. Интересно, дадут ли ему уйти ополченцы? Чурилу точно не даст, но не везде здесь обороной командовал он. «Эх, была, не была» – пронеслось в голове у Садка, и, натянув тетиву, он выстрелил тысяцкому прямо в руку. Тот вскрикнул от боли и от неожиданности, а в следующий миг стрелок уже с кинжалом подошёл к нему и поднял на ноги.

– Хочешь жить, тысяцкий? – спросил он.

– Мне всё равно не жить, если уйдём отсюда, – отвечал Угоняй.

– А мы всё-таки попытаем судьбу. Глядишь, ты вырвешься, а я стану твоим пленником.

И с этими словами он с силой толкнул Угоняя и пошёл в самую гущу схватки, туда, где стояли и сражались славенские ополченцы. Как Садко и предполагал, они все расступились и дали им дорогу. Но едва стрелок ступил на тропинку, тут же за спиной у него появлялись ополченцы с копьями. Один удар в спину, и он покойник. Садко направил кинжал острием прямо в горло тысяцкого. Даже если он будет погибать, успеет убить заложника.

– Не надо ко мне со спины подкрадываться, – вымолвил Садко, вкрадчиво и яростно. От волнения лицо его всё было покрыто потом, – я успею вашего тысяцкого в случае чего прикончить, даже не сомневайтесь.

И ополченцы боялись его трогать, хоть никого на свете в тот момент они не хотели так убить, как этого выскочку-скальда, угрожавшего их командиру. Наконец, Садко выбрался из гущи схватки и направился к Волхову мосту. Несколько витязей направились вслед за ним, держа копьё наготове. Один промах, одно неверное движение, и тысяцкий вырвется на свободу, а стрелка разорвут на части. Садко ступал осторожно, будто шёл по лезвию ножа и не давал нервной дрожи овладеть им. Чем ближе он подходил к реке, тем больше решимости появлялось у ополченцев, которые понимали, что тысяцкому всё равно не жить. Наконец, один из них с криком бросился с копьём вперёд. Садко зажмурился, но ничего не произошло. Слегка обернувшись, он увидел убитого стрелой ополченца. Это стреляли из оборонительной крепости, которая давно была занята воинами Путяты. На шее Угоняя проступила кровь, от волне-

ния Садко едва не прибил его. Но всё-таки он продолжил путь, в то время как его преследователей обстреливали из луков. Некоторые, закрывшись щитами, продолжали преследование, другие предпочли убежать, спасая свою шкуру. Наконец, исчезли и они, когда Садко с Угоняем ступили на мостовую и оставили крепость у себя за спиной. Лишь один ополченец ещё попытался атаковать, но был ранен стрелой и спрыгнул в воду.

– Ну вот и всё, – толкнул Угоняя Садко, – хватит нам обниматься. Иди.

– Как-то не с руки мне подыхать сегодня, – отвечал тысяцкий, поворачиваясь к нему лицом, – иди один, ты уже спас свою шкуру. А ни то пропадёшь, тебе со мной не справиться, несмотря на то, что я ранен.

– Лучше иди вперёд, Угоняй. Если ни я, так они из крепости тебя кончат.

– А я всё-таки попытаю судьбу, – отвечал тысяцкий и двинулся прямо на того, кто с таким позором привёл его сюда. Садко попятился назад.

– Ладно, будь по-твоему, – вышвырнул он в воду кинжал.

– Добро! – ухмыльнулся Угоняй и ринулся к реке. Однако внезапно был повален тяжёлой рукой на мостовую.

– Я передумал, – вымолвил Садко, приставляя ему к шее другой нож, поменьше.

– Ах ты, стерва, собачий хвост, чтоб ты сдох, – ругался тысяцкий. Но теперь он ничего не мог поделать. Вскоре лошадиные копыта застучали по мостовой. Появились двое всадников, которые забрали Садка вместе с заложником и отвели на тот берег. Здесь их уже ждал Добрыня.

– Хорош, – вымолвил он, глядя на стрелка, – за подвиг свой будешь награждён. А теперь, товарищи, давайте.

Садко только сейчас заметил дружинников, вооружённых луками с горящими стрелами. По указу Добрыни лучники выстрелили, и стрелы полетели на тот берег, прямо в Людин конец. Соломенные крыши домов сразу же воспламенились. Огонь жадно стал расползаться по зданиям, начался великий пожар. Расчёт был понятен, и он быстро оправдал себя. Хозяева домов поспешили тушить свои жилища. Вслед за ними отправились и остальные воины из Людина конца, которые в борьбе с огнём позабыли о битве с Путятёй. Главное, не дать пожару распространиться и погубить всё. Против Людей Путятё сражались теперь только ополченцы Угоняя.

– Ну, Угоняй, – вымолвил Добрыня, – говори, где христиан пленных держат?

– Пойдём, я покажу.

– Ну уж нет, на это не рассчитывай. Туда твоя нога больше не ступит.

– Ну это мы ещё посмотрим, древлянский выродок. Богомил меня не оставит, а у него твоя семья, не забывай.

От гнева Добрыня сжал кулаки и хотел уже наброситься на тысяцкого, но тут перед ним возник отец Иоаким.

– Оставь его, князь, у нас нет времени.

– Ты тоже с нами поедешь, отец Иоаким?

– Поеду, – отвечал архиепископ, понукая своего коня.

– А я с вами не поеду, – молвил Садко, – мне нужно переодеться, я, кажется, штаны обмочил.

И все вместе, но без Садка они отправились на тот берег. С тоской в груди Иоаким проезжал мимо того места, где прежде был храм Преображения. Теперь от него остались лишь развалины в виде большой кучи брёвен, которые ещё не успели до конца растащить. Тем временем дружинники Добрыни налетели на ополченцев Угоняя, и многие из последних стали сдаваться без боя. Сражение потеряло всякий смысл. Крестители победили. Пленники же выдали место заточения пленников христиан, куда тут же направился отец Иоаким. Невозможно выразить, каким счастьем наполнились лица этих людей, когда они увидели, что освободить их пришёл сам архиепископ. Они встречали Иоакима, как мессию, целовали ему руки, благодарили и плакали от радости.

– Вы – святые люди, мученики, – говорил архиепископ, – много вам пришлось пострадать за правду и истинную веру, но Господь не оставил вас. Он любит вас как заботливый пастырь. А за храм не бойтесь, храм мы отстроим новый, ещё лучше прежнего, с Божьей помощью.

А меж тем огонь перекидывался с одной избы на другую. Тут уже выскочил на улицу и Василий Буслаев с другом Костей, и другие его братья. Ветер быстро разносил пламя, люди не успевали тушить его. Пока они добежали до реки, чтобы зачерпнуть воды и выливали воду в огонь, пламя сжирало целые брёвна.

– Крайние дома тушите! – командовал Чурила, – те, что посередине, уже не спасти.

– Это бесполезно, – вымолвил Василий и бросил вёдра с водой на землю, – огонь слишком быстро расходится.

И сын Буслая бегом умчался куда-то прочь. Но вскоре появился, ведя за собой коня, запряжённого в соху. С силой Василий надавил на обжи, и острые оmeshи вошли в твёрдую, не паханную землю. Старшина поднатужился, конь потупил голову и пошёл вперёд, оставляя за собой вспаханную борозду. Шаг за шагом они отрезали огню дорогу к новым домам, и пожар перестал распространяться дальше. Теперь оставалось потушить то, что уже горело. Одни дома уже превратились в дымящиеся угли, их уже было бесполезно тушить. Другие дома погорели совсем немного, лишились крыши и нескольких брёвен, их ещё можно было восстановить. Мало-помалу пожар утихал. Дальше земляной межи он проникнуть не мог, а вода тушила его там, где он ещё высовывал свои языки. И всё же, немало домов погорело, многие и вовсе сгорели дотла. Чурила еле волочил ноги от усталости и уселся на кочку.

– Хорошо отомстил нам Добрыня, – вымолвил он.

– Теперь я ему Людин конец во век не отдам, – произнёс Василий.

В это время Добрыня с отрядом уже выручил Путятю. Быстро крестители рассеяли ряды ополченцев и направились к дому Богомила. Соловей со своей личной дружиной уже ждал его. Двор верховного волхва был хорошо защищён, если бы туда проник чужой человек, собаки тут же выдали бы его.

– Ты проиграл, Соловей, – произнёс Добрыня, – сдавайся.

– И ты пощадишь меня? – лукаво вопрошал Богомил, – но как я могу верить твоему слову, Добрыня, если ты предал всех, кому клялся? Ты предал вождя Усыню и нашу веру, а теперь вот ты верен христианам.

– Я верен только князю Владимиру, – отвечал Добрыня, – а твоей поганой вере я ничего не должен.

– Ну уж нет, за тобой должок, – проговорил Богомил, – и ты мне заплатишь. Приведи их!

Последние слова были обращены к двум стражникам, которые по приказу Соловья тут же исчезли в его избе.

– Готов пожертвовать своей семьёй ради новой веры?

– С огнём играешь, Соловей, – вымолвил Добрыня, – ты даже не представляешь, что я сделаю с тобой!

– Думаешь, я боюсь смерти или твоих пыток? За мной стоят сами могущественные боги, они отомстят за меня.

Тут встревоженные стражники выскочили из избы, бледные, как мел.

– Их нет, владыка! Только что были там, мы всё обыскали!

– Как нет? – схватил Богомил одного из них за грудки, – куда они могли деться?

– Взять его! – скомандовал Добрыня.

Богомил достал меч и ринулся в атаку. Он и не намеревался сдаваться живым и сражался так, будто боги удвоили его силу. И всё же он пал, как и почти вся его дружина. С верховным волхвом было покончено, а вместе с ним было покончено и с языческой верой. Целая эпоха ушла в прошлое, и началась новая история. Тело Богомила позже придали огню, как было принято по канонам его веры. После победы дружинники разошлись по всему городу в поисках

семьи Добрыни. Но вскоре семья сама пришла к воеводе и поведала, кто их выкрал у Соловья и отпустил на свободу. Это был волк, ставший человеком, сын боярина Бориса – Святослав Вольга.

– Ты воистину оборотень, – говорил ему позже Добрыня, – умудрился послужить и нашим, и вашим.

– Воистину я всегда был верен только тебе.

– Сомневаюсь. Угоняй при допросе сказал, что это ты похитил мою семью. А теперь, хитрец, ты примкнул к победителю в решающий момент.

– А что говорит твоя семья, владыка?

– Они говорят, что лица супостатов, их похитивших, были скрыты.

– Видишь. Угоняй клеветает на меня. И я готов делом доказать тебе свою верность при первой же возможности.

– Что ж, не сомневайся, Вольга, такая возможность тебе представится.

Глава 14.

Крещение водой.

Ещё с утра Василий выкатил большую бочку с вином на улицу и принялся набирать себе новых людей. Его братство сильно поредело в последнее время, лишилось поддержки христиан и кого бы то ни было ещё. И всё же Вася, несмотря ни на что, отказывался принимать новую веру и намеревался стоять до конца. Такую же клятву – не пускать Добрыню – дал жителям Людина конца и Чурила. Теперь всё зависело от того, кому больше народ поверит. Многие старшины из тех, что прежде подчинялись власти Чурилы и называли его головой, теперь перешли под власть другого головы. Людин конец отныне стал двухголовым. Но Василий теперь кого попало к себе в дружину не брал, набирал только настоящих воинов, для которых придумал особое испытание. Каждый желающий приходил к старшине на двор, выпивал полную чарку вина, затем брал в руки щит и становил в боевую позу. Василий бил своей огромной палицей, но не со всей силы, чтобы не сломать щит. Те, кто удерживались на ногах, попадали в дружину, тех, кто падали, выставляли вон со двора. И так за несколько дней братчина Василия набрала немногим больше сотни самых крепких людинских молодцов, а сам сын Буслая таким образом превратился в сотника. Справедливости ради он проверил на прочность и 30 верных своих старых товарищей, и каждый из них устоял под ударами старшины. С таким отрядом Василий мог противостоять хоть Чуриле, хоть кому угодно, и потому преспокойно принялся ожидать решающего часа.

Но сыну Буслая хватило ума удержать своих воинов в узде, когда на торжище снова собрались крестители и вся новгородская знать. Теперь крестился уже весь город. Кого силой, кого добрым словом загоняли в реку, после чего на шею вешали деревянные кресты на верёвочках. Придумка Добрыни, чтобы отличить потом настоящих христиан от тех, кто выдавал себя за таковых. Пока архиепископ осуществлял крещение, Стоян вместе с Путятой отправился в Неревский конец, на языческое капище. С топорами в руках они бойко накинудились на деревянных идолов богов, которые падали все, как один. Но Василию было всё равно, он теперь не признавал никого из богов и потому никак не проявлял себя. Последним свалили идол Перуна. Но на этом крестители не успокоились. Идол Перуна привязали к конскому хвосту, обкидали навозом и в таком виде по грязи повезли к реке. Бог войны и грома был унижен, он был повержен, и не грянуло грома с небес, и не увидели люди молний и прочих знамений. Боги безмолвствовали, словно признали своё поражение. Идол Перуна был сброшен в реку, и течение понесло его прочь от города. Правда, на реке были ещё пороги, за которые идол мог зацепиться, предвидя это, Добрыня велел всадникам обогнать плывущего кумира и не дать ему задержаться в пути. Некоторые, говорят, услышали, как плывущий идол заговорил человеческим голосом: «Пройдёт две зимы и одно лето, Новгород, и я вернусь тем же путём, которым ушёл от вас». А потом якобы даже выкинул на берег палицы, чтобы местным людям сражаться за старую веру. Кто-то при виде поругания богов не смог держать слёз, другие крепились, но все выглядели сломленными и подавленными, когда шли к воде для обращения в новую веру.

Был среди крестителей и Садко, восседал на коне, в кольчуге. Вид настолько непривычный, что многие верно поняли, что людинский шут теперь был сильно приближен к власти. После пленения Угоняя Добрыня говорил с Садком и спрашивал, какую награду он хочет получить за подвиг.

– Мне лишь одна награда нужна от тебя, – отвечал скальд, – хочу служить тебе верой и правдой.

Стоян Воробей лукаво улынулся, он прекрасно знал, что его купец давно добивался того, чтобы войти в младшую княжескую дружину, чего, очевидно, попросит и сейчас. Но даже Воробей удивился, когда услышал следующие слова Садка:

– Но я не хочу, владыка, чтобы верность Богу мешала мне быть верным тебе. А посему прошу тебя самолично крестить меня, стать моим крёстным отцом. И тогда служба тебе будет для меня в то же время службой Богу.

Теперь и Добрыня уже удивился находчивости этого юного гусяра.

– Так и быть, Садко, уважу тебя. Теперь мы все равны перед Богом, и знатные, и простые. Будешь моим сыном на небесах.

После крещения крестник вместе с Добрыней, Путятой, Стояном, Святославом Вольгой, отцом Иоакимом и другими важными лицами держал совет в думской избе.

– Половину дела мы уже сделали, – говорил Добрыня, – Торговая сторона вся крестилась, на другой стороне крещёных мало. Преображенский храм уже строится заново, но это в Неревском конце. А у нас, в Славенском конце будет построен свой, новый собор, собор Софийский. Ну что, христиане, что теперь будем делать с некрещёнными? Васька Буслаев никак не сдаётся, с ним и Чурила-голова. Пора с ними кончать.

– Василий – мощный воин, – произнёс Путята, – я видел его на мосту. Даже жалко будет такую силу губить.

– А ведь мы могли когда-то с ними покончить разом, – говорил Стоян, косясь взглядом на Садка, – да кое-кто стрел своих пожалел.

– Это хорошо, что пожалел, – отвечал Садко. – Такая смерть только людей озлобит и сплотит против нас. Всё сейчас в Новгороде очень шатко, одним мечом всех не усмирить, нужно брать их ещё лаской.

– Крестник твой верно говорит, – согласился с ним отец Иоаким, – нужно показать им, что мы умеем прощать. Именно это есть основа нашей веры.

– Они убивали моих людей! – поднялся на ноги Путята.

– Апостол Павел был одним из гонителей христиан, – возражал архиепископ, – и, тем не менее, стал потом их вождём, святым апостолом. Если человек раскается и придёт к вере, мы не в праве ему отказать в прощении.

– Иоаким прав, – вымолвил Добрыня, – а ты, Вольга, что скажешь? Я слышал, Васька Буслаев – твой крепкий друг, больше того – крёстный брат. А теперь он на той стороне. Готов доказать свою верность новой вере в случае чего?

– Если на то будет твоя воля, – отвечал Святослав, – но я за то, чтобы подождать, и пока в битву не лезть. И не потому, что Василий, сын боярина Буслая – мой друг ещё с волховской школы. А потому, что я знаю о его старой дружбе с христианами. Костя Новоторжанин – христианский герой, так же является нам близким другом. С другой стороны, мне известно, как враждует Василий с Чурилой. Они на дух друг друга не переносят, и если на время они и заключили союз, то их очень легко можно рассорить.

– Предлагаешь столкнуть их лбами друг с другом?

– Я предлагаю тайно разослать гонцов к каждому из них. И чтобы эти гонцы предложили им полное прощение, если они крестятся. Погоди, Путята, не ухмыляйся. Ведь ни за что на свете оба разом они не пойдут креститься, а тайны только обозлят их друг против друга. Дальше нам останется только ждать, кто первый из них придёт к нам на поклон. Его мы обратим в нашу веру и направим против второго, чтобы доказал нам свою верность. Мне бы искренне хотелось, чтобы это был Василий, но, если это будет Чурила, пусть будет так. Сделаем его головой всего Людина конца, и он сам всех силой крестит. Нам лишь немного нужно будет ему помочь.

– Что ж, умно придумано, – почесал в бороде воевода. – Что ж, Святослав, ты этим и займись, людей я тебе дам для этого из младшей дружины. А теперь давайте подумаем, что

делать нам с пленными ополченцами Угоняя. Самого тысяцкого мы казним, это не обсуждается, но всё ополчение разом мы вырезать не можем. Да и разве можно наказывать воинов за то, что они так хорошо выполняли приказ своего начальника?

– Обрато в ополчение их брать нельзя, – вымолвил посадник Стоян.

– Это понятно. Из ополчения выгоним, пойдут в разбойники. Нельзя просто так умелых воинов выбрасывать, тем более в такое время.

– А давай сделаем их богатырями, – предложил отец Иоаким, – только сначала нужно их крестить. Так они будут и при деле, и в то же время наказаны. Богатырская клятва запрещает богатырям поднимать оружие на христиан. Поэтому они не смогут направить своё оружие против нас. Будут служить церкви, как болгарские потыки. А старшиной над ними я советую сделать юного Святослава Вольгу. Он уже был в их рядах, многих знает и сможет убедить их креститься.

– Погоди с Вольгой, – возражал ему Добрыня, – не настолько я ему доверяю ещё. Да и к тому же, он сейчас занят другим делом. А вот тот, кто добыл нам Угоняя живым, здесь подойдёт лучше. Мой крестник – Садко. Вот тебе и мой подарок.

– Благодарю, – поклонился Садко.

Отец Иоаким, однако, остался недоволен этим решением, и, поскольку дал слово волхвам, продолжал и после того разговора приставать к воеводе, рекомендуя на пост старшины Святослава. Садко в свой черёд уже на следующий день принялся выполнять приказ. Теперь у него была целая своя дружина, о чём прежде он не мог и мечтать. Войско богатырей. Какие большие перспективы это открывало! Садко взял с собой дюжину купцов Стояна Воробья, с которыми ни раз уже плавал торговать. Они стали его особо приближёнными командирами. С ними Садко и появился впервые перед своим войском, безоружным и уставшим. Ополченцы выстроились на улице и недобрыми взглядами встречали нового своего начальника.

– Ну что братцы, – обратился к ним Садко, – провинились вы перед Добрыней шибко, теперь век отмываться будете. До конца дней будете каяться и кровь свою проливать, и, возможно, Бог вас простит.

– Ты что ли, шут, судить нас будешь? – зароптали воины.

– Я пришёл не судить сюда вас, и не шутить, – отвечал Садко, – а чтобы заменить того, кого я у вас из под носа увёл с ножом у горла и передал Добрыне.

– Брешешь, пёс!

– Вот тебе, грамота, собака.

И Садко развернул свиток бересты и передал ополченцам. Те принялись разглядывать его, передавая из рук в руки.

– Вы виноваты перед Новгородом, – продолжал их старшина, – а я виноват перед вами. Но забудем обо всём этом, поскольку скоро со мной вы разбогатеете так, как прежде и не мечтали. Спрашиваете, как? Церковь сейчас бедна, и поначалу платить нам будет вот чем.

И Садко показал шиш всему войску.

– Но по указу Добрыни, теперь каждый крещёный должен отдавать церкви десятину на восстановление храма Преображения и на постройку нового, Софийского собора. А взимать с горожан эту плату будем мы с вами, больше некому. Мы теперь – богатыри, церковное войско. Хоть по бумаге мы просто ополченцы. Но начальник над нами – отец Иоаким. Смекаете, какие дела начнутся, когда мы начнём церковную казну пополнять? Люди вы не глупые, и не мне вас учить. Сейчас у вас ветер в карманах свистит, а скоро гривна заблестит. Добычу буду делить честно, обещаю. Но силком никого при себе держать не буду. Если кто не хочет, может уходить. Добрыня вас милует. А кто хочет, оставайтесь, но тогда покреститесь и покайтесь.

И многим тогда слова Садка пришлись по душе. Лишь немногие ушли из бывших ополченцев, остальные же остались на службе и признали своего нового командира. А в это время ополченцы из Людина конца создавали земляные укрепления, ограждая себя от Неревского

конца. От Славенского конца их отделял Волхов мост, который сильно обгорел и после пожара выглядел теперь слишком хрупким. Василий и Чурила готовились к схватке. Но меж тем каждый из них втайне от другого встречался с христианскими посланцами, и каждый ответил гостям отказом. Оба старшины понимали, что если один из них покинет Людин конец, то второй может взять здесь верх и первого назад не пустить. Но, с другой стороны, сопротивление против всего Новгорода казалось всё более невыносимым. Земское ополчение, которое вот-вот начало собираться из окрестных хуторов, распустилось сразу же после крещения города. Чурила и Василий по-своему пытались снова его собрать и даже заручились поддержкой нескольких хуторян. Но положиться на земских было нельзя, поскольку они никак не могли договориться о том, кто будет у них за старшего. Если в Людином конце было два старшины, то в окрестных хуторах их было множество, и каждый шел на свой лад. Под давлением Угоня в своё время они избрали старшину, но после роспуска ополчения рассорились с ним и теперь снова действовали в разноречивой. А ведь только земское ополчение в такой ситуации и могло спасти людинское ополчение. С каждым днём становилось всё более очевидно, что один из старшин однажды сдастся и пойдёт на поклон к Добрыне. Так оно и случилось, этим старшиной стал Чурила. Для Василия это означало одно – победа или смерть. Теперь он потерял последнюю надежду на помилование и принялся подчинять себе весь Людин конец. С Чурилой ушло всего сто человек, остальные остались здесь, включая известных братьев Сбродовичей и сына головы – Потамия Хромого. Все они теперь перешли под начало Василия. Другие остались верны Чуриле, но их теперь было меньшинство. Все стали готовиться к решающей битве.

Чурила в это время омывал себя водой и приносил клятву новому богу. Теперь Добрыня сделал его головой Людина конца, взял с него обещание крестить всех земляков и обещал дать ему подмогу. А затем вся сотня Чурилы направилась обратно. Уже издалека он увидел какое-то собрание на том берегу. У моста его ждали люди из братства Василия. Тем не менее, людей Чурилы это не остановило, и они продолжили путь.

– Нельзя их пускать сюда, – говорили мужички из братства.

– Васька приказал на мост не лезть. Он весь обгорел, видишь, может рухнуть, – отвечали другие голоса.

– Если они пройдут, их уже отсюда не выбьешь, а за ними подмога придёт.

– Стоять, сказали тебе. Да где же Вася-то, куда пропал?

Но тут появился и сам Василий Буслаев. Теперь на нём не было доспехов, не было и шутовского колпака с рубахой. Одевание его поразило всех. На голое тело старшина накинул шкуру убитого им недавно на охоте медведя, в руках держал щит и тяжелейшую палицу, штаны были так же из кожи. Вид его был грозен, хищная медвежья пасть накрывала голову, словно шапка. Даже братья в страхе отшатнулись от него.

– Всем стоять здесь, – командовал Василий, – я один пойду. Если все туда рванём, мост рухнет. Если я паду, не закапывайте моё тело в землю, лучше сожгите.

И с этими словами витязь ступил на деревянную мостовую. Доски на ней ходили ходуном, самые обгоревшие хрустели под ногами. Была и другая причина, по которой Василий тогда один взобрался на мост. Он не доверял своим людям, которые плохо разбирались в вопросах чести, хотел быть уверен, что со спины никто не ударит и рассчитывал дать настоящий честный бой, понимая, что это может быть последняя схватка в его жизни. Быстро воин в шкуре медведя добрался до середины моста, и братчина Чурилы заробела и остановилась перед ним.

– Вы пройдёте этот мост только тогда, когда я перейду Калинов мост, – вымолвил Василий.

– Ну, за этим дело не станет, – отвечал Чурила, доставая топор, – эх, сколько я уже ваших боярских щенков передушил своими руками.

И в одиночку голова ринулся в схватку. Он был с щитом и топором, Василий с щитом и палицей. Один против ста. Топор с размаху врезался ему в щит, палица с силой ударила по щиту врага. Чурила отлетел в сторону и упал на мостовую. Топор его остался торчать в щите.

– Что стоите, собаки, убейте его, – приказал голова. И самые отчаянные его головорезы толпой ринулись на Василия.

– Нужно выручать Ваську, – говорили его братья. Но Потамий Хромой их остановил, якобы потому, что было приказано не лезть.

Сразу с десяток топоров обрушились на Василия, он устоял. Палицей бил врагам по ногам, и те валялись на мостовую, бил по щитам, и щиты раскалывались. И всё же они начинали окружать, нужно было отступать, чтобы не попасть в кольцо. А щит уже стал слишком тяжёлым от застрявших в нём топоров. И Василий отшвырнул во врагов щит после того, как достал из него один топор. Теперь он остался без защиты, совсем один. Все боги, старые и новые теперь завистливо обратили на него свой взор. Он был слишком хорош для этого мира, ему пора было уже жить в мире богов. Копья и топоры обрушились на него со всех сторон, нанося ему множество ран. Но палица была невероятно тяжела и продолжала ломать щиты и сбрасывать людей в реку. Кто-то с переломанными костями падал на мостовую, кто-то падал мёртвый или без чувств с пробитым топором черепом, а Василий всё ещё стоял на ногах.

– Сдохни уже! – прокричал яростно Чурила и прыгнул на него сверху. Топор Василия ослабил удар его топора, и немного отвёл в сторону, острие вошло ему в плечо рядом с шеей. А затем мощным ударом ногой в грудь Василий сбросил своего старинного врага в воду. Река заполнялась убитыми и ранеными, но Василия всё ещё не было среди них. На него нападали, он отбивался, и с яростным звериным криком сам шёл в атаку. И толпа от него отступала в страхе. И уже всё меньше появлялось тех, у кого хватало решимости кидаться на этого неуязвимого зверя, в одиночку бросившего вызов толпе. Нападали только по несколько, и так же по несколько падали в реку. Отчаянные головорезы, жестокие убийцы были бессильны перед этим израненным шутом и любителем книг. И в глазах их появлялось всё больше недоумения. Столько сил не может быть в человеке, очевидно, он потомок богов, как настоящие бояре. Сын самого Перуна. Но нет, он же шут, он поклоняется Симарглу, всего лишь выскочка. И злобные людины снова нападали, и снова царапали его мускулистое тело и медвежью шкуру, а затем падали ранеными или мёртвыми.

– Это не просто медвежья шкура, – затвердили его враги, – тот медведь был сыном Велеса, его шкура крепче любых доспехов, его нельзя ранить.

– Как же тогда Васька его одолел?

– Видимо, он тоже сын какого-то бога.

– Ну что же вы, – наступал на них Василий, – неужели испугались? Смотрите, я один, а вас вон сколько.

Их действительно было много, но теперь они не просто не атаквали, а пятились от наступающего на них одного человека. И всё же, чем меньше их становилось, тем сложнее было с ними сражаться. Во-первых, потому что Василий был уже ранен, а во-вторых, потому что в большой толпе начиналась свалка, и воины, отбрасываемые ударом палицы, падали на других и сваливали их. Поэтому первую половину врагов Василий легко сбросил с моста или оставил искалеченными лежать на мостовой. Со второй половиной оказалось сложнее. Хоть враги и отступали теперь, но они сменили тактику и пытались измотать противника малыми быстрыми атаками. Василий отбивался, но не успевал никого поймать. Он терял кровь, терял силы, а врагов было ещё три десятка вооружённых бойцов. Казалось, весь Новгород, вся земля и даже небеса наблюдают за этой схваткой. И все замерли и затаили дыхание, когда Василий упал на одно колено. Враги тут же осторожно стали приближаться. Сын Буслая ещё отмахивался, но уже слабо и не мог никого достать. И вот он оказался в кольце врагов. Один из них изо всех сил размахнулся топором, чтобы ударить со спины. Но тут Василий с невероятной для себя ловко-

стью перекатился и свалил несколько человек в реку. Это была уловка, он ещё твёрдо стоял на ногах. И враги воспользовались последним шансом, со всех сторон набросились на окружённого бойца, чтобы всей своей массой если не разорвать его на кусочки, то хотя бы сбросить с моста. Положение Василия было теперь крайне не выгодным, он стоял на краю моста. Из всех сил он размахнулся палицей и ударил с такой силой, что палица даже вылетела из его руки. Удар был такой силы, что почти все оставшиеся враги разлетелись в разные стороны, как брызги в воде, а некоторых даже через другой край моста выбросило в воду. Остальные не успели опомниться, как на их головы обрушились удары топора и подобранной палицы. Кто-то ещё успел воткнуть Василию топор в спину и оставить его там. Но на этом всё и кончилось. Вся сотня была перебита. Василий возвышался над ними, весь в чужой и своей крови, как бог войны, непреклонный и непобеждённый. Воистину Новгород не знал ещё такого могучего бойца. Лицо его было разбито от ударов, тело сочилось от порезов, ноги подкашивались от усталости. Он был всего лишь человек, живой, из плоти и крови, и всё же он был непобедим. Народ в Людином конце, видя это, заликовал. Это ликование и уверенность в непобедимости передалась всему братству, и потому, когда на них с тыла напали сторонники Чурилы, бойцы легко дали им отпор, без всякой пощады убивая каждого. Победа, абсолютная и безоговорочная. Теперь никто не сможет их остановить, весь мир падёт к их ногам, а Василий станет их новым князем, предводителем новой, непобедимой дружины Новгорода. С этими мыслями старшина возвращался к своим по мосту, когда сзади его окликнул знакомый голос. Василий увидел тревогу и страх в глазах своих братьев, а причину их понял лишь когда обернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.